

В. А. Митягина

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

КУРС ЛЕКЦИЙ

Translation

background
Professional Nurse is the largest section
sections. The comparison among Professional
showed. The shortage of Professional Nurse has
long time, and became more serious than
the main causes of the shortage are. first
and the shortage of

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и межкультурной коммуникации
Кафедра теории и практики перевода и лингвистики

В. А. Митягина

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

КУРС ЛЕКЦИЙ

Волгоград
Издательство Волгоградского государственного университета
2026

- © Митягина В. А., 2026
- © ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 2026
- © Оформление, электронный текст. Издательство Волгоградского государственного университета, 2026

ISBN 978-5-9669-2529-1

УДК 81'25(075.8)

ББК 81.18я73

М66

Рекомендовано к опубликованию Ученым советом
института филологии и межкультурной коммуникации
Волгоградского государственного университета
(протокол № 03 от 24.03 2026 г.)

Р е ц е н з е н т ы:

канд. культурологии, доц., президент Союза переводчиков России *О. Ю. Иванова*;
д-р филол. наук, проф., проф. кафедры теории и практики перевода
Казанского (Приволжского) федерального университета *С. С. Тахтарова*

Митягина, В. А.

М66 Теория перевода : Курс лекций : [текстовое учеб. электрон. изд.] /
В. А. Митягина ; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. образования
«Волгогр. гос. ун-т», Ин-т филологии и межкультур. коммуникации,
Каф. теории и практики перевода и лингвистики. – 1 файл (5,3 Мб) : 251 с. –
Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2026. – Систем. требования: браузер Google
Chrome (версия 109.0.5414.120) или аналогичный; скорость подключения к
Интернету от 10 Мбит/с; дополнительно: Adobe Reader или Adobe Acrobat 8.0. –
URL: <https://book.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1769>. –
2-е изд., доработанное. Первое издание вышло в свет в 2017 г. на компакт-
диске (№ госрег. 0321702723). – Доп. материал для практ. занятий: Теория
перевода (семинары) / А. П. Наумова, В. А. Митягина. (URL:
<https://book.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1761>). –
ISBN 978-5-9669-2529-1. – Текст : электронный.

Издание представляет собой курс лекций по теории перевода для студентов направлений подготовки бакалавров 45.03.02 Лингвистика, 45.03.03 Фундаментальная и прикладная лингвистика, а также обучающихся по программе дополнительного образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации».

Курс лекций ориентирован на формирование компетенций, необходимых для реализации переводческой деятельности.

Электронная форма издания оптимизирует его использование в электронной образовательной среде.

УДК 81'25(075.8)

ББК 81.18я73

*Все права на размножение и распространение в любой форме остаются
за организацией-разработчиком.*

Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лекция 1–2. ПЕРЕВОД КАК ФАКТОР КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ	6
1. Перевод как экзистенциальный феномен: исторический экскурс	6
2. Становление переводоведения: лингвистическая основа и междисциплинарная парадигма	31
3. Цель и задачи теории перевода	35
Список литературы	38
Лекция 3–4. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА	40
Введение	40
1. Теория закономерных соответствий	41
2. Денотативная теория перевода	45
3. Трансформационная теория перевода	48
4. Семантическая теория перевода	51
5. Теория уровней эквивалентности	53
Список литературы	59
Лекция 5. ПРОЦЕСС ПЕРЕВОДА В КОММУНИКАТИВНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ И ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ	61
1. Коммуникативная модель перевода	61
2. Модель динамической эквивалентности	64
3. Функциональная модель перевода	67
Список литературы	72
Лекция 6. ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ / НЕПЕРЕВОДИМОСТИ / ВСЕПЕРЕВОДИМОСТИ	74
1. Переводимость как языковой и культурный феномен	74

2. Инвариант перевода. Функциональные доминанты текста и перевод.....	79
3. Буквальный и вольный перевод	82
Список литературы	86
Лекция 7. ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА	88
1. Понятие эквивалентности.....	88
2. Модели переводческой эквивалентности	91
3. Типология эквивалентности Вернера Коллера в переводе: денотативная, коннотативная, текстово-нормативная, прагматическая, формально-эстетическая	97
Список литературы	98
Лекция 8. ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА	100
1. Прагматический потенциал исходного текста как коммуникативный фактор.....	100
2. Прагматика получателя как доминанта перевода: логика и противоречия. Прагматические факторы перевода в концепции К. Норд.....	102
3. Прагматическая адекватность перевода. Причины и способы прагматической адаптации текста перевода.....	112
Список литературы	118
Лекция 9–10. ТИПОЛОГИЯ ТЕКСТОВ И СТРАТЕГИЯ ПЕРЕВОДА	120
1. Подходы к классификации текстов в переводоведении	120
2. Типология К. Райс: тип текста и стратегия перевода.....	131
3. Виды текстовой информации	133
Список литературы	143
Лекция 11. ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА.....	145
1. Норма, узус, конвенция в переводе	145
2. Трансформации в переводе.....	151
3. Понятие приема, способа, метода перевода	158
4. Методика разных видов перевода	162
Список литературы	169

Лекция 12. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПЛОСКОСТЬ ПЕРЕВОДА	170
1. Различие объема денотативного значения единиц ИЯ и ПЯ: подстановки и трансформации	170
2. Природа лексической безэквивалентности и ее преодоление в переводе	179
3. Перевод фразеологизмов	187
Список литературы	191
Лекция 13. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА	193
Введение	193
1. Грамматические трансформации	195
2. Синтаксические трансформации	206
Список литературы	211
Лекция 14. СТИЛИСТИКА ПЕРЕВОДА	213
1. Адекватное стилистическое оформление текста как задача перевода	213
2. Фигуры стиля и их передача в переводе	216
3. Передача отклонений от литературной нормы в переводе	220
Список литературы	227
Лекция 15. ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА	228
1. Полноценность, адекватность и эквивалентность перевода	228
2. Ошибки в переводе	230
3. Анализ качества перевода по разным шкалам и системам оценки	232
Список литературы	240
ОБЩИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО КУРСУ «ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА»	241
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	250

Лекция 1–2. ПЕРЕВОД КАК ФАКТОР КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. Перевод как экзистенциальный феномен: исторический экскурс.
2. Становление переводоведения: лингвистическая основа и междисциплинарная парадигма.
3. Цель и задачи теории перевода.

1. Перевод как экзистенциальный феномен: исторический экскурс

«Достаточно долго появление перевода связывалось с легендой о Вавилонской башне из Книги Бытия. Согласно Библии, после Всемирного потопа потомки Ноя решили поселиться на равнине земли Сеннаар. Здесь они совершили большой грех: вместо того, чтобы образовать общество, соответствующее воле Божьей, они осмелились бросить вызов Богу, построив башню до небес. Однако плану этому не суждено было осуществиться – Всевышний, узнав об этих замыслах, вновь установил над людьми контроль, прибегнув к лингвистической хитрости. Он заставил их говорить на разных языках, чтобы они перестали понимать друг друга, и рассеял людей по всему земному пространству. Количество языков стало беспредельным, и люди начали искать способы общения друг с другом. Так появился перевод» (http://www.primavista.ru/rus/catalog/istoriya_perevoda).

Донаучный период дошел до нас в высказываниях и афоризмах отдельных поэтов и переводчиков, которые имеют ограниченную теоретическую ценность, но содержат тем не менее указания – как правило, в форме негативных высказываний, – на принципиальные проблемы процесса перевода.

Существует много афоризмов, которые отражают негативное отношение к переводу.

- *Traduttore – traditore.* – *Переводчик есть предатель.*
- *Librotradoto – librocoroto.* – *Переведенная книга – раненая книга.*
- «*Переводчик древних поэтов.*» – «*Ты переводишь древних поэтов? – Правильнее сказать – ты убиваешь мертвых.*».

В эпоху Просвещения Якоб Гримм создает прекрасную метафору, в которой сравнивает процесс перевода с переправой на другой берег, с морским путешествием – *traducere navem*: «...übersetzen ist ‘übersetzen, traducere navem, wer nun zur seefahrt aufgelegt, ein schif bemannt und mit vollem segel an das gestade jenseits fuhren kann, musz denn noch landen, wo andrer boden ist und andre luft streicht» (Grimm, 1847. Цит. по: Nord, 2002, S. 5). Современный переводовед Вольфрам Вилсс сравнивает решение переводческих проблем переводчиком «с действиями штурмана, который должен постоянно корректировать курс и вести корабль не по прямой линии, а галсами – зигзагами...» (цит. по: Koller, 1987). Предисловия, послесловия и пространные комментарии переводчиков к собственному переводу представляют собой эксплицитные теории перевода в миниатюре.

Слово *толмач* происходит от *talami* на языке темиттани (Малая Азия). Затем это слово попадает в северо-тюркский язык в форме *tolmac* («тильмач») – посредник, который обеспечивает языковую коммуникацию. Позже это слово проникает в мадьярский язык как *tolmacs*. А затем в XIII в. – в немецкий в форме *tolmetsche*.

Перевод долгое время существовал только в устной форме, поскольку был необходим и до возникновения письменности.

Переводчика, с одной стороны, считали обслуживающим персоналом, к нему относились пренебрежительно, потому что он умел говорить на языке «презренных варваров». С другой стороны, переводчики представляли особенные профессиональные группы и имели иерархию. Они существовали при канцелярии фараона и при храмах.

Первое упоминание о переводчиках и переводах вообще – глиняные таблички 23 в. до н.э.. Первые документальные памятники: 15 в. до н.э. – переводы дипломатической переписки с древнеегипетского языка на аккадский клинописью. Первый переводчик, имя которого известно, – **Анхурмес**, верховный жрец в Тинисе (город в Верхнем Египте). На барельефе фигура переводчика в 2 раза меньше фигур сановников, что выражает презрение общества к людям, говорящим на языке варваров.

В **Древнем Египте** отсутствовала литература, поэтому перевод имел функцию делового общения, его объектами выступали в основном дипломатические и договорные тексты. Базовый принцип перевода в Древнем Египте – передача общего смысла.

Геродот в V в. до н.э. писал: «Семь каст в Египте: жрецы, воины, коровьи пастухи, свинопасы, мелкие торговцы, толмачи и кормчие».

Первые грамматики и словари иностранных языков были известны в **Древнем Шумере** (страна в Южном Двуречье, юг современного Ирака). Уцелели шумеро-аккадские словари, грамматические пособия, списки выражений (письмо в виде клинописи). Имелись школы переводчиков, к их выпускникам предъявлялись следующие требования: устный и письменный перевод с шумерского на аккадский и наоборот, владение терминологией, скорость реакции.

Также перевод существовал в **Древнем Вавилоне**. С 15 в. до н.э. здесь осуществляли письменные переводы – вольные переложения с элементами адаптации. Использовали пословный и вольный переводы. Имелись словари, выполнялся перевод не только деловых, но и художественных, поэтических текстов. Появилась новая функция перевода – продолжение литературной традиции.

В **Древней Греции** переводчик играет роль герменевта, то есть толкователя: это слово происходит от имени бога Гермеса, который являлся покровителем торговли, странников, воров, бродяг и переводчиков.

Переводов почти не было: причина – снобизм греков, их литература считается единственной из литератур Европы, развившейся вне инокуль-

турного влияния. Восточные элементы проникали устным, «фольклорным» путем, поскольку доминировало культурное высокомерие греков, считавших всех чужеземцев «варварами». Греческая литература классического периода (V–IV вв. до н. э.) вообще не знала художественного перевода.

Безусловно, имел место устный перевод, но выполняли эту функцию не греки, а представители других народов, владевшие греческим языком. После завоевательных походов Александра Македонского в последней трети IV в. до н. э. и распада после его смерти созданной им огромной державы образовался ряд новых государств, во главе которых встали бывшие сподвижники Александра и их потомки (Египет, Сирия, Пергам и др.). Эти государства, в которых наблюдалось своеобразное скрещение греческих и восточных элементов, стали называть эллинистическими, а весь период от Александра Македонского до установления над ними римского владычества – эпохой эллинизма, т. е. распространения эллинской (греческой) культуры в странах, завоеванных македонцами. Греческий язык получил широчайшее распространение, превратившись в универсальное средство общения, и сохранил свои позиции и после того, как и сама Греция, и эллинистические государства утратили политическую самостоятельность и попали под власть Рима. Знаменитый римский оратор Марк Туллий Цицерон охарактеризовал эту роль греческого языка в следующих словах: «Если же кто может подумать, что меньшая польза от славы, когда написано это по-гречески, а не по латыни, сильно он ошибается, потому что по-гречески читают почти на всем свете, язык же латинский распространен в своих лишь пределах, небольших, как вы знаете» [Цицерон Марк Туллий Три трактата об ораторском искусстве / Марк Туллий Цицерон. – М. : «Альфа-книга», 1972. – С. 104]. Все это приводило к тому, что греческим языком стали пользоваться и представители других народов, входивших в орбиту сначала греко-македонского, а затем римского владычества.

В художественных текстах господствовал перевод-адаптация, но в деловом переводе требовалась точность. Переводческая деятельность в ее

классическом понимании в античном мире связана, в первую очередь, с распространением христианства и переводом Священного Писания.

Греко-македонский царь Птолемей Второй (285–246 гг. до н.э.) инициировал перевод Библии с иврита на греческий язык в Александрии. Эллинизированные евреи Александрии Египетской, основанной в 332–331 гг. до н.э. Александром Македонским и названной в его честь, не могли молиться и читать древнееврейский текст Писания. По легенде, были приглашены 72 толковника-переводчика на остров Фарос, где в течение года они были изолированы друг от друга и переводили, вероятно, Моисеево Пятикнижие. Позже выяснилось, что их переводы совпадают слово в слово, что подтверждало священное происхождение текста, получившего позднее название «Септуагинта», или «Перевод семидесяти толковников».

Появление грамматик латыни и древнегреческого языка послужило основанием для создания первых двуязычных словарей. Переводчик был подсобной силой, и его имя не упоминалось.

Древний Рим. Луций Ливий Андроник (275–200 гг. до н.э.) – один из первых значительных переводчиков. Его «Одиссея» на латыни – это перевод-адаптация (имена древнегреческих богов заменены на древнеримские, греческий быт существенно «латинизирован»). Эта книга стала обязательной в школьном обучении римских детей в течение 200 лет, она заложила основы римской классической поэзии, народный сатурнийский стих «Одиссеи» вытеснил гекзаметр. Луций Ливий Андроник – первый адаптационный переводчик.

Литературный критик Г. Юзефович дает интересный комментарий про этот перевод: «Римляне, конечно, Гомера хорошо знали, читали и понимали. Образованные – на греческом, а те, кто попроще, довольствовались переводом «Одиссеи» Ливия Андроника – именно его, кажется, изучали школьники во времена Августа. Проблема с этим переводом состояла в том, что он был сделан в III веке до н. э., то есть, по римским меркам, в допотопной древности, да еще и сатурнийским стихом, который в более позднее время казался деревенским и ужасно архаичным. Поэтому поня-

тен текст Андроника был немногим лучше греческого оригинала (до наших дней от него сохранились лишь небольшие фрагменты).

Что же до «Илиады», то с ней вышло и вовсе некрасиво. Во времена императора Нерона был сделан сокращенный перевод – так называемая «эпитома». Он был уже нормальным гекзаметрическим, но... Вместо 15 693 строчек у Гомера в нем осталось всего 1070 строчек (то есть, как посчитали дотошные британские ученые, 6,8 % оригинала).

Ну, а хуже всего то, что в Средние века греческий практически вышел из культурного обихода, и именно этот продукт, с позволения сказать, античного смарт-ридинга и заменил европейцам подлинную «Илиаду». Собственно, до Петрарки и прочих деятелей эпохи Возрождения настоящего Гомера никто не читал, считая настоящим ту самую эпитому нероновских времен» (https://t.me/tisnu_channel/3778).

Андроник адаптировал тексты, заменяя имена греческих богов на римские аналоги без перевода. Так возникла практика перевода с греческого на латинский, который представлял собой свободное повествование, которое дополнялось точным переводом отдельных цитат греческих авторов.

Цицерон, Вергилий, Гораций, Катулл, Флакк (все – 1 век до н.э.) – другие переводчики античности – были также писателями и поэтами. Уже в это время возникла проблема: должен ли переводчик поэтических текстов быть поэтом? Все они успешно переводят поэзию, обогащая в результате и собственный стиль. После них (в 1–5 веках уже н.э.) преобладает перевод прозы. *Бозций* перевел Пифагора, Платона, Аристотеля и т.д. Некоторые переводчики (напр. Тит Макций Плавт) сочетали куски точного перевода с вставками собственного сочинения. Более 100 греческих комедий перевел *Публий Теренций Аффа* (190–159 до н.э.). Его высокохудожественные переводы сформировали литературную латынь.

Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н.э.) много писал о переводе, его считают одним из первых теоретиков перевода. Принципы перевода изложил в формуле «Not ut interpres sed ut orator» – «Не как переводчик, а

как оратор». В это время многие переводчики переводили тексты дословно. Цицерон же стремился передать дух текста, смысл слов, а не их точное количество и перевод. По поводу перевода речей Эсхила и Демосфена в своем труде «De Oratore» – «О лучшем роде ораторов» писал так: «Я сохранил и мысли, и их построение... но в подборе слов руководился условиями нашего языка. При таком отношении к делу я не имел надобности переводить слово в слово, а только воспроизводил в общей совокупности смысл и силу отдельных слов; я полагал, что читатель будет требовать от меня точности не по счету, а... по весу... Их речи я решил перевести, чтобы все их достоинства были воспроизведены в переводе, т.е. все их мысли, как по форме, так и по содержанию и чередованию, слова же лишь постольку, поскольку это позволяют условия нашего языка...» (Федоров, 2002, с. 25). *Переводить скорее по весу слов, чем по их количеству* – этот принцип актуален уже более 2 000 лет, как и вопрос – оставаться верным словам текста или его духу.

Переводческие проблемы античности могут быть сформулированы на основе рассуждений Цицерона и Горация о предназначении переводчика:

- общечеловеческий долг приобретения и распространения мудрости;
- особое искусство в оформлении и создании стиха.

Римлян обвиняли в том, что они не способны создать своё, а лишь заимствовали у греков, что неверно, потому что римляне воспринимали себя как продолжателей греческой культуры, и римская литературная система устанавливала иерархию текстов без учёта языковых границ. Цицерону приписывается мысль о том, что «как разум подчиняет себе тело, король – подданных, отец – детей, оригинальный текст подчиняет себе переводной текст», при этом он предупреждал, что разум не должен уподобляться рабовладельцу, иначе он уничтожает людей. Таким образом, оригинальный текст нуждается в имитации, и не должен быть разрушен слишком строгим применением разума.

Отметим следующее наблюдение о роли перевода и диалога культур в эпоху Античности. Все образованные римляне знали греческий, могли

читать греческих авторов в оригинале, поэтому переводы с греческого выполняли функцию метатекста, в котором элементы соотносятся с ситуацией, описывая ее и структурируя. Переводчики-римляне лишь творчески перерабатывали оригинал, и все образованные граждане могли проверить их работу, это было своеобразное соревнование, которое и создало уникальную переводческую традицию.

Крушение Римской империи с отречением от престола последнего императора Западной Римской империи Ромула Августа 4 сентября 476 года считается многими историками началом Средневековья, хотя есть и точка зрения, ведущая отчет с возникновением ислама в 7 веке. Для истории перевода – это период активного перевода, в первую очередь, библейских текстов с периодическим обращением к философским трактатам античного мира (Прежде всего, трудов Аристотеля, поскольку он построил философскую систему, касавшуюся практически всех сфер знания: от метафизики, логики, естественных наук до политики и социологии. Средневековые мыслители обратились к нему, чтобы создать интеллектуальную основу для христианского учения). В этот период наиболее просвещенными людьми были монахи, которые вели летопись жизни своего народа, монастыря: исторические хроники, перевод рыцарских романов. С распространением христианства перевод получил другую роль (в античности – упражнение в стилистике) – распространение Слова Божьего. Связующую роль в истории перевода для этого периода сыграла деятельность Святого Иеронима.

Святой Иероним. Иероним Стридонский (Софроний Евсэвий Иероним) – святой, покровитель переводчиков (? 340–420 гг. н.э.), происходил из г. Стридона, учился в Риме. Переводчик Библии, создатель варианта, который называется Vulgata (Biblia Vulgata), то есть «Народная Библия» (<http://www.thelatinlibrary.com/bible.html>). Получил образование в Риме, одно время был римским чиновником, затем совершил паломничество в Святую землю, жил в Халкидской пустыне (совр. Сирия) 4 года, стал аскетом и выучил еврейский язык. Владел латынью и древнегреческим. С 386 г.

поселился в Вифлееме. Папа Римский поручил ему перевод и редакцию Библии. Иероним начал с Нового Завета и пользовался греческим текстом, Ветхий Завет перевел с греческого и с иврита. Над переводом Иероним работал в течение 20 лет. Эти переводы были объединены, одобрены церковью и канонизированы в 1564 г. на Тридентском соборе как «Общепринятая Библия» (лат. Vulgata).

Иероним имел много противников, с которыми вел полемику, и вынужден был комментировать свой переводческий метод. Основным трудом является 20-страничный «De Optimo Genere Interpretandi» – «К Паммахию о наилучшем способе перевода» (Семинарская и святоотеческая библиотека. URL: http://otechnik.narod.ru/k_pammahiu.htm). Паммахий был, по видимому, товарищем по учебе и коллегой Иеронима.

Иероним различает перевод священных книг и художественной литературы, отсюда – 2 способа перевода:

1. *Для священных книг* – слово в слово, буквальный перевод, так как, по его мнению, даже сам порядок слов являлся священным, количество слов в переводе должно совпадать с количеством слов в оригинале.

2. *Для художественной литературы* – нужно передать смысл, а не слова. Здесь святой Иероним вынужден отстаивать и защищать собственный перевод от нападков переводчиков, видимо буквалистов, упрекавших его в искажении текста Священного Писания.

Переводческий девиз Иеронима:

Non verbum de verbo, sed sensum exprimeri de sensu. – Не слово словом, а смысл выражать смыслом.

Память святого Иеронима отмечается Католической церковью 30 сентября. В 1991 году этот день был объявлен Международной федерацией переводчиков Международным днем переводчиков. Святой Иероним считается покровителем всех переводчиков.

Православная церковь отмечает день памяти святого 15 (28) июня.

Первоначально Иероним Стридонский был похоронен в Вифлееме в базилике Рождества Христова. Около 642 года его мощи были перенесены

в Рим и положены в базилике Санта-Мария-Маджоре в крипте под главным алтарём. Его гробница сохраняется в пещере базилики в Вифлееме (https://ru.wikipedia.org/wiki/Иероним_Стридонский?ysclid=mlh2bqstcp258217289).

Перевод в Средние века.

Роль переводов библейских текстов в данный период невозможно переоценить, но имело место и другое направление развития – вполне светское и институциональное. Приведем несколько фактов:

1. IX вв. – Кирилл и Мефодий создали кириллицу, славянскую азбуку (863 г.) в рамках своей миссионерско-просветительской и переводческой деятельности;

2. IX–X вв. – английский король Альфред Великий основал несколько переводческих школ, деятельность которых была связана с переводом светской литературы и различных документов, прежде всего, дипломатических и торговых. Перевел сам или обеспечил перевод ряда латинских текстов на английский язык. Альфред объявил, что цель переводческой деятельности заключается в оказании помощи английскому народу в его возрождении после датских нашествий, нанесших много вреда культуре Англии (разрушили монастыри как центры образования): «Я приветствую то, что мы так же (как римляне – В.М.) переводим книги, которые должен знать каждый человек, на язык, который все мы можем понимать».

3. XII в. – в Толедо (Испания) была основана переводческая школа (школа Толедо). Она существовала примерно 200 лет. Делались переводы с арабского на латинский язык, переводились философские, медицинские, математические трактаты, работы по астрономии и астрологии. В этой школе были представлены почти все рабочие языки цивилизованного мира того времени (переводчиками были в основном испанцы, англичане и христианизированные евреи). Большое внимание уделялось интерпретации, комментариям к текстам. Благодаря школе Толедо до нас дошли произведения античных и арабских авторов (например, труды Авиценны), а также Коран. Переводы с арабского донесли до нас трактаты по астроно-

мии, математике, географии, медицине еврейских и греческих ученых и философов.

4. XIII в. – в Париже *Петрус де Боско* создает проект школы переводчиков, где как мальчики, так и девочки обучались восточным языкам. Цель – экспансия Запада на Восток.

Достаточно четкая периодизация развития в эпоху Средневековья перевода прослеживается в Германии.

Перевод в Германии.

VIII–X вв. Древневерхненемецкий период.

Письменный немецкий язык является результатом деятельности переводчиков. Методы перевода – перевод-гlossa, дословный перевод, смысловой перевод; центры перевода – монастыри. Перевод христианской литературы на местные языки осуществляется монахами. Дословный перевод записывался между строками оригинала.

Наиболее выдающийся переводчик – монах *Ноткер Губастый*, или Немецкий (Швейцария, Сант-Галлен).

Его предшественник – *Ноткер Заика* (лат. Notker Balbulus, ок. 840 – 6 апреля 912 г.) – монах-бенедиктинец Санкт-Галленского монастыря, поэт, композитор, богослов и историк. Причислен Католической церковью к лику блаженных в 1512 году. Родился вблизи Санкт-Галлена (на территории нынешней Швейцарии), по другим сведениям – в Швабии. Большая часть его жизни тесно связана с Санкт-Галленским монастырем, где он был учителем и библиотекарем. Ноткеру Заике, в частности, принадлежит Житие Св. Галла, считающегося основателем этого монастыря, написанное в необычной форме диалога, с чередованием стихов и прозы. Ноткер Заика проявил себя как поэт (создатель гимнов), композитор (одним из первых начал сочинять секвенции), музыкальный ученый (автор трактатов, часть которых не сохранилась). Создал около 40 секвенций на главные праздники литургического года, объединенные в 884 г. в *Liber hymnorum* (Книгу гимнов). До нашего времени дошел рукописный секвенциарий из Санкт-Галлена, созданный сразу после смерти Ноткера.

Ноткер Заика известен также как создатель труда «Деяния Карла Великого» (лат. *Gesta Caroli Magni*), созданного в середине 880-х гг., судя по всему – по непосредственному указанию Каролинга Карла III Толстого, приехавшего в Санкт-Галлен в 883 г. (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/35324>).

Ноткер Губастый (лат. *Notker Labeo*, ок. 950–1022 г.) вошел в историю как один из первых литераторов, писавших на немецком языке; он передал по-немецки 11 латинских текстов, в том числе 2 философских сочинения Боэция, 2 книги из сочинения «О бракосочетании Филологии и» Марциана Капеллы Меркурия (*Martianus Capella. De nuptiis Philologiae et Mercurii*, 496–523) и Псалтырь.

В некотором смысле заложил основы письменного перевода, потому что в немецкий язык вошло большое количество латинских заимствований и появилось много философских и теологических терминов по словообразовательным моделям немецкого языка. Метод Ноткера Губастого – создание неологизмов с помощью использования возможностей словообразования и синонимии немецкого языка (в отличие от других переводчиков, использовавших транскрипцию и транслитерацию). Его словарный запас составлял 7 800 слов.

1050–1350. Средневерхненемецкий период.

В XI–XIV вв. в Германии возникает прозаическая литература и специальная отраслевая литература. Немецкий язык является средством коммуникации, которое обслуживает основные сферы общения. Количественный и качественный словарь немецкого языка, синтаксис отвечают в достаточной степени нуждам перевода с латинского на немецкий весьма сложной философской и теологической литературы.

Переводы придворной французской лирики и прозы в XII–XIII вв. отличаются от оригиналов как по форме, так и по степени адаптации материала.

Преобладает свободная обработка, но присутствует и межстрочный перевод, малопонятный без оригинала, перевод с элементами межстрочного и адаптацией к узусу немецкого языка, вольный перевод и перевод-переделка и пересказ.

Средневековая Европа в целом: переводчик превращается в лицо, которое представляет определенное сословие.

Ренессанс.

Италия: XIV в. – возникновение Ренессанса, XV–XVI вв. – распространение его по всей Европе. Развитие книгопечатания (Йоханнес Гуттенберг, 1450) было благоприятным условием распространения Ренессанса.

Происходит возврат к идеалам античности. Возникает движение Реформации (против служб на латыни, за упразднение некоторых догм).

Новый расцвет переводческой деятельности в Европе. Новое качество переводческой мысли. Увеличивается перевод светской, дипломатической, деловой литературы. Появляется понимание, что буквальный перевод священных книг не является оптимальным, надо передавать смысл.

Начинает расти национальное самосознание, формируются национальные языки.

Методы перевода: пересказ, адаптация, переложение, переработка. Особенно в жанре житийных текстов, стихотворений и поэм, например, «Песнь о Роланде». Возникает необходимость в переводе Библии на народные языки, в то время как католическая церковь признает только текст Вульгаты в качестве единственно правильного священного текста.

Реформация. «...Вместе с религиозными войнами идут войны переводов» (Mounin, 1963, p. 32).

Перевод Библии был ключевым вопросом культуры вплоть до 17 в., все связанные с ним проблемы усилились с приближением Реформации и с ростом национальных культур. Одной из целей Реформации было достижение другого уровня знакомства со Словом Божьим – чтобы в разных странах люди могли напрямую говорить с Богом на своем родном языке.

Перевод стал использоваться и как оружие догматических и политических конфликтов, т.к. стали появляться национальные государства, и централизация церкви стала ослабевать. Таким образом, началось снижение роли латинского языка как универсального средства общения народов.

В XVI в. были осуществлены попытки перевода Библии на многие европейские языки, и были созданы как протестантские версии, так и католические. В 1516 г. в Базеле философ, теолог, «князь гуманистов» Эразм Роттердамский и впервые опубликовал Новый Завет на древнегреческом, и этот текст позднее использовал Мартин Лютер (о нем ниже). Переводы Нового Завета на датском языке появились в 1529 г., на шведском в 1541 г., на чешском – между 1579 и 1593 гг. Многие варианты были запрещены, но остановить поток переводов было невозможно. Каждая последующая версия вбирала в себя фрагменты из переводов предшественников, дополняла и изменяла их.

Основные цели переводчиков Библии эпохи Реформации:

- 1) исправление ошибок предшествующих переводов (неточности в исходных текстах, языковая неграмотность переводчика);
- 2) выработка доступного и эстетически удовлетворительного стиля изложения на родном языке;
- 3) разъяснение текста и изменение восприятия Священного Писания простым народом как чего-либо чуждого им, непонятного.

Мартин Лютер (1483–1546), теолог, критиковал католическую церковь за платное отпущение грехов. За обнародование тезисов в Виттенберге (1517 г.) был отлучен от церкви, но эти 95 тезисов, в том числе, отказ Лютера от учения об индульгенциях и учения о высочайшем религиозном авторитете папы римского, стали отправной точкой Реформации. Мартин Лютер осуществил перевод Библии на немецкий язык (1522 г. – опубликован Новый Завет, в 1534 г. – новое полное издание Библии (последнее – под редакцией Лютера), которое в библеистике известно под названием *Biblia Deudsch* (см. https://ru.wikipedia.org/wiki/Библия_Лютера)

Это был первый перевод с языка оригинала (греческого и иврита) при использовании текста Вульгаты на национальный язык. Свое переводческое кредо Лютер изложил в 2 произведениях: «Послание о переводе» и «Суммарии о псалмах и причинах перевода» (1530).

Перевод Библии, выполненный Лютером, удачным. Его кредо широко известно:

- антибуквализм;
- соблюдение норм ПЯ (в различных формах проявления): «...пойми суть явления, а слова последуют сами».

Язык Лютера прост, ясен, стилистически богат, ярок. Наряду с глаголом *übersetzen* Лютер использует *verdeutschen*, подчеркивая ориентированность текста перевода, адаптацию с учетом получателя. Его перевод Библии используется до сих пор в протестантском богослужении.

Вильям Тиндейл (Tyndale) (1494–1536) владел 8 языками, был теологом.

Считал основной задачей переводчика предложение простому читателю как можно более ясного перевода, то есть исповедовал принципы Лютера. Опубликовал свой перевод Нового Завета на английский язык в 1525 г. Принципы те же, что и у Лютера – переводить на простой и понятный язык. В. Тиндейл успел перевести с греческого Новый Завет и несколько частей Ветхого Завета с древнееврейского (впервые). Перевод Тиндейла, невзирая на все запреты, тут же оказался востребованным, но власти его отвергли, а епископ Лондонский скупил большое количество экземпляров и устроил их торжественное сожжение. Тиндейл дважды подвергал свой перевод Нового Завета тщательному редактированию, а к 1566 году уже было издано сороковое по счёту издание. В 1536 году Тиндейл был схвачен в Антверпене и задушен, а затем сожжён как еретик недалеко от Брюсселя 6 октября.

К тому моменту уже было напечатано 50 тысяч экземпляров Нового Завета, вдохновивших последующих многочисленных переводчиков Библии.

Феномен перевода становится и поводом для расправы, и предметом дискуссий.

3 августа 1546 г. состоялась казнь **Этьена Доле** (Etienne Dolet, 1509–1546) через сожжение из-за якобы неправильного перевода: казнен за свой

еретический перевод одного из диалогов Платона: «...когда ты умрёшь, ты вовсе больше ничто» / «rien du tout, что было демонстративным отрицанием бессмертия – так решил теологический факультет Сорбонны. Это изменение сделало текст более категоричным в отрицании жизни после смерти, чем у Платона.

В труде «О способе и образе хорошо переводить с одного языка на другой» (1540) Доле изложил свои принципы перевода. Переводчик должен:

- полностью понимать смысл и предмет оригинала, идею и автора;
- полностью владеть ИЯ и ПЯ;
- не цепляться за слова (особенно в устном переводе);
- не употреблять много латинизмов (особенно во французском), а переводить на понятный, разговорный язык;
- писать красивым, элегантным, легким, а главное – понятным стилем.

Принципы Доле подчеркивали важность в понимании текста оригинала, как основной предпосылки успешного перевода, а также отмечали роль переводчика.

Эдмонд Кэри, один из ирландских политиков 20 века, обсуждая теорию Доле, подчеркивал значение перевода в 16 в.: «Битва переводов бушевала в век Доле. Реформация была, прежде всего, спором переводчиков. Перевод стал госделом и делом религии. И Сорбонна, и король были заинтересованы в переводе». В той атмосфере, когда переводчика могли казнить из-за его перевода, неудивительно, что борьба была яростной.

Основной отличительной чертой этого исторического периода было обновление языка предыдущих переводов путем использования современной лексики, современного стиля, идиоматики, без существенных изменений содержания переводного текста.

В 1611 г.: появляется **Библия короля Якова I** – это англоязычный перевод Библии, выполненный по заказу короля Англии Якова I (James I). Официальное название на английском – King James Version (KJV) или Authorized Version («Авторизованный перевод»). Перевод был создан под

покровительством короля, хотя фактически прямого королевского утверждения в виде документа он никогда не получал.

Его цель – предоставить единую, авторитетную английскую версию Писания для Англиканской церкви и всего английского народа. В 1604 году Яков I собрал конференцию (Хэмптон-кортскую), чтобы решить проблемы с существующими переводами и поручил создать новый. Работой занимались 47 переводчиков (учёных и священников), разделённых на группы, которые работали над разными частями Библии. Они опирались на древние источники:

– Ветхий Завет – на древнееврейские и арамейские тексты масоретской традиции;

– Новый Завет – преимущественно на греческий текст.

KJV стала самой влиятельной англоязычной Библией и долгое время была стандартным текстом в англоязычном мире. Благодаря своей литературной силе, поэтичности языка и культурному влиянию она оказала огромное воздействие на английскую литературу и культуру вообще. Многие поздние переводы английской Библии опирались на текст KJV, и она до сих пор читается и издаётся. Хотя английский язык в KJV уже кажется архаичным современному читателю, для многих верующих она остаётся священным, традиционным переводом.

17 век прошел во многом «по инерции» для перевода, и следующим важным этапом в его истории считается **перевод эпохи Романтизма**.

В эпоху романтизма (конец XVIII – первая половина XIX века) принципы перевода существенно изменились по сравнению с предшествующими эпохами (классицизмом, эпохой Просвещения). Романтики переосмыслили саму природу перевода, выдвинув на первый план:

- верность духу оригинала, а не букве;
- передачу национального и исторического колорита;
- творческую свободу переводчика как соавтора.

Приоритет «духа» над «буквой».

Романтики отвергли дословный, «механический» перевод. Главное – передать смысл, настроение, эстетическую целостность произведения,

даже если для этого нужно отступить от формальной точности. Перевод понимался как творческий акт, а не техническое копирование.

Сохранение национального колорита

Важнейшей задачей стало воспроизведение:

- особенностей эпохи и культуры оригинала;
- фольклорных и диалектных элементов;
- специфической образности и метафор.

Например, при переводе Шекспира стремились сохранить архаизмы и поэтическую речь, а не «осовременивать» текст.

Творческая свобода переводчика

Романтики видели переводчика не как «ремесленника», а как соавтора и художника. Это допускало:

- перестройку синтаксиса для большей выразительности;
- замену культурно-специфических реалий на близкие по духу аналоги;
- усиление эмоциональной экспрессии там, где оригинал сдержан.

Внимание к поэтической форме

Если в классицизме допускалась свободная переделка стихов в прозу, романтики настаивали на:

- сохранении размера и ритма (где это возможно);
- передаче звуковых повторов, аллитераций, рифм;
- воссоздании авторской интонации.

Интерес к «экзотическим» литературам

Романтики активно переводили: средневековые эпосы (например, «Песнь о Нибелунгах»), восточную поэзию (в т. ч. персидскую, арабскую), народные баллады и сказки. Это расширяло горизонты национальной литературы и ломало прежние каноны «хорошего вкуса».

Теория «непереводимости» как вызов

Некоторые романтики (например, Новалис) утверждали, что идеальный перевод невозможен, поскольку каждый язык несёт уникальный «дух народа». Однако это не отменяло попыток максимально приблизиться к оригиналу через творческое переосмысление.

Рассмотрим значимые примеры.

Фридрих Шлейермахер (1768–1834) в труде «О различных методах перевода» жестко противопоставляет метод отчуждения методу онемечивания. Его методика: приблизить автора к читателю (метод адаптации) или читателя к автору (метод отчуждения). При переводе поэтических и философских произведений следует пользоваться методом отчуждения. Шлейермахеру принадлежит идея использования собственного языка перевода, которая всегда обуславливает возникновение языковых изменений, так как только отклонения от норм ПЯ высвечивают наиболее полно особенности ИЯ.

Как и В. Гумбольдт, Шлейермахер считал, что дух народа непереволим.

Эта идея разделялась многими переводчиками данного периода в Англии: считалось, что переводчик должен сохранять все особенности оригинала, при чем переводной текст должен быть как можно более иностранным, чтобы передать ощущения оригинала. Использовались причудливые, архаичные варианты с иностранным привкусом, что позволяло преодолеть недостатки оригинала. Таким образом переводились античные, средневековые тексты.

Иоганн Вольфганг Гёте (1749–1832) достаточно много размышлял о принципах перевода и выделял три типа перевода, которые отражают разные подходы к передаче иноязычного текста:

1. **Прозаический перевод** («скромный прозаический перевод»). На этой стадии происходит первичное знакомство с чужой культурой. Переводчик нивелирует специфику оригинала, фокусируясь на передаче общего содержания. Примером такого подхода Гёте считал перевод Библии Мартином Лютером.

2. **Пародийный перевод**. Здесь мысли и чувства оригинала выражаются через призму собственных мыслей и чувств переводчика. Чужие элементы заменяются аналогами, выросшими на почве принимающей культуры. Гёте связывал этот тип с французской традицией, где иностранные тексты часто ассимилировались и адаптировались под местные вкусы.

3. **Перевод, стремящийся к полной идентичности исходного и переведённого текстов**, которая достигается путём соединения уникальности оригинала с новой формой и структурой. Гёте называл среди переводчиков, достигших этого уровня, В. Фосса, который перевёл на немецкий язык поэмы Гомера. Этот тип перевода предполагает воспроизведение ритмомелодической стороны оригинала, его стилистических особенностей и даже диалектных различий.

Гёте говорит о двух возможных принципах перевода:

1. Перенести иностранного автора к читателям, чтобы последние могли увидеть в нём соотечественника.
2. Перенести читателя в чужую страну и приспособить к условиям жизни автора, складу его языка и остальным особенностям.

Гёте подчёркивал высокую миссию переводчика как посредника в «всеобщем духовном товарообмене».

Повышение требований к качеству перевода привело к обострению осознания его трудностей. Развитие сопоставительного языкознания, которое пролиvalo свет на своеобразие национальных языков и несопоставимость подходов в отражении специфики народного «духа», дало толчок к развитию **«теории непереводимости»**, которой будет посвящена специальная лекция.

К концу XIX века в Германии появилась тенденция, согласно которой переводной текст должен производить такое же впечатление, какое оказывал в своё время на читателей оригинал. Ульрих фон Виламовиц-Мёлендорф в работе «Что такое перевод?» (1891) писал, что цель художественного и поэтического перевода достигается прежде всего выбором средств, производящих впечатление, идентичное оригиналу. Переводчик должен **пренебречь «буквами» и следовать «духу»**, то есть главным предметом его внимания должен стать не перевод отдельных слов и выражений, а усвоение и передача мыслей и чувств оригинала.

В Англии сохранялись **традиции вольной интерпретации** переводимого автора («имитации», по Каули и Дэнему). Ярким примером считаются

рубайи Омара Хайяма, воссозданные Эдвардом Фицджеральдом. Перси Биши Шелли (1792–1822) высказывался о принципиальной неосуществимости перевода, прежде всего поэтических произведений. Он считал, что стремиться передать поэзию с одного языка на другой – это то же самое, что бросить в тигель фиалку с целью открыть основной принцип её сущности.

Таким образом, XIX век стал периодом противоречивых подходов к переводу: от стремления к буквализму до радикальной вольности, от акцента на национальной специфике до идеи непереводаемости. Эти дискуссии заложили основы для дальнейшего развития теории и практики перевода в XX веке.

История перевода в России

Переводческое дело на Руси. Переводческая деятельность в России имеет богатую историю, начало которой было положено еще во времена Киевской Руси. Уже в IX в. на Руси в достаточно зрелой форме одновременно возникли письменность, литература и перевод. В 864 г. греческие монахи **Кирилл и Мефодий** были посланы императором Византии для проповедования христианства среди славянских народов. Они начали свою деятельность с создания алфавита (именуемого до сих пор кириллицей), с помощью которого перевели с греческого на старославянский несколько религиозных текстов. Среди их первых переводов были Новый Завет, Псалтырь и Молитвенник. После того, как в 988 г. состоялось Крещение Руси, появилось множество переводов, которые должны были ознакомить новообращенных с философскими и этическими доктринами новой религии и с церковными обрядами и обычаями.

Для эпохи Киевской Руси важным явлением было время правления князя Ярослава Мудрого. Известно, что **Ярослав Мудрый** (ок. 978–1054) способствовал созданию школ по обучению греческому и латинским языкам, по обучению письменности и переводу. Он активно приглашал в Киев добровольцев из числа византийских монахов для переписывания церковных книг и для обучения этому ремеслу русичей. Ярослав Мудрый собрал в Киеве огромную по тем временам библиотеку.

В XVI в. Москва окончательно превратилась в политический, а также в переводческий центр России. Переводы больше не были анонимными, а роль переводчиков в развитии языка и культуры начала получать общественное признание. В 1515 г. московский Великий князь Василий I обратился к греческому патриарху с просьбой прислать в Москву какого-нибудь ученого переводчика из греческого монастыря. Такой переводчик прибыл в Москву в 1516 г. в составе греческого посольства и стал известен под именем *Максим Грек*. В течение всей своей жизни (он умер в 1555 или в 1556 г.) Максим Грек занимался переводами, в основном религиозных книг, а также некоторых нерелигиозных текстов, вносил исправления в прежние переводы и сопровождал их комментариями.

От XVII в. до нас дошло уже больше имен переводчиков и большее число переводов (главным образом нерелигиозных материалов).

Тематика научных переводов включала вопросы астрономии и астрологии, арифметики и геометрии, анатомии и медицины и описания различных животных. Некоторые переводы можно отнести к разряду беллетристики. В этот период впервые в помощь переводчику были созданы многоязычные словари: латино-греко-славянский, русско-латино-шведский и некоторые другие.

Переводчиков того времени можно разделить на четыре категории:

1) в различных ведомствах трудились **штатные переводчики**, главным образом иностранцы (поляки, немцы, голландцы) или выходцы из западных и южных областей России. Обычно они неплохо знали классические языки или польский, но слабо разбирались в русском и старославянском. Вероятно, им помогали писцы, которые записывали и исправляли их переводы;

2) была небольшая **группа ученых монахов**, которые переводили только религиозные тексты с латинского и греческого языков. Среди них наиболее известны такие имена, как *Епифаний Славинецкий*, *Арсений Грек* и *Дионисий Грек*;

3) членов третьей, наиболее многочисленной группы, можно назвать **переводчиками по совместительству**, которые более или менее случайно выполняли один-два перевода;

4) несколько **переводчиков-любителей**, занимавшиеся этим делом из любви к искусству и самостоятельно выбиравшие тексты для перевода. Среди них были и приближенные царя: *Андрей Матвеев, Григорий Богданов, Михаил Кропоткин*.

Решающий вклад в развитие переводческой деятельности в России внес **XVIII век**. Политические реформы Петра I значительно расширили экономические и культурные контакты Москвы с европейскими странами, создав потребность в многочисленных переводах научно-технических текстов, равно как и произведений художественной литературы. Теперь к переводам стали предъявлять более высокие качественные требования. Царь Петр издал специальный указ о переводах, требуя «внятной» передачи переводимого содержания. В этот период начала складываться литературная норма русского языка, и многие образованные люди видели в переводах средство обогащения своего языка, увеличения его семантического и экспрессивного потенциала. В 1724 году 23 января Петр издает указ, в котором говорилось: «Для переводу книг нужны переводчики, а особливо для художественных, понеже никакой переводчик, не умея того художества, о котором переводит, перевесть то не может».

Выдающаяся роль в развитии традиций отечественной школы перевода принадлежала великому русскому ученому и поэту *Михаилу Васильевичу Ломоносову*. Ломоносов и его талантливые современники *Александр Петрович Сумароков* и *Василий Кириллович Тредиаковский* создали большое число преимущественно поэтических переводов. Они часто сопровождали свои переводы теоретическими рассуждениями, объясняя, почему надо было перевести именно так, а не иначе, подчеркивая особую важность переводческого труда, его творческий характер.

Особенно многочисленны и многообразны были переводы Ломоносова, выполненные с латинского, немецкого, французского и греческого

языков. В них он проявил замечательное умение как достигать эквилибрности, так и создавать свободные версии оригиналов. Ломоносов уделял большое внимание передаче ритмической организации оригинала, используя различные формы ямбов и хореев в качестве эквивалента александрийскому стиху французских эпосов и гекзаметру греческих трагедий. Поскольку русская поэзия в это время только формировалась и основывалась на силлабическом стихосложении, новаторство Ломоносова обогащало ее ресурсы, создавало новые нормы и традиции в использовании поэтических жанров и метрических систем.

Золотым веком русского перевода стал **XIX в.** Если в предыдущем столетии перевод превратился в особый вид профессиональной деятельности, то в XIX в. эта деятельность была возведена в ранг высокого искусства. Новая русская школа перевода начала формироваться благодаря, в первую очередь, выдающемуся вкладу таких известных деятелей культуры, как историк Н.М. Карамзин и поэт В.А. Жуковский.

В конце XVIII – начале XIX в. ***Николай Михайлович Карамзин*** опубликовал в разных журналах большое число переводов. Он видел в переводах хорошую школу для улучшения стиля писателя, а также ценный источник информации, как он говорил, «из любопытства, для исторических фактов, для женщин, для новых журналов или из малоизвестных книг». Удивляет широта переводческих интересов Н.М. Карамзина: он переводил труды классических и современных авторов с греческого, французского, латинского, немецкого, английского, итальянского и некоторых восточных языков.

Василия Андреевича Жуковского Пушкин называл «гением перевода». Жуковский был талантливым поэтом, но значительную часть его творчества составляли переводы. Жуковский переводил с английского, французского, старославянского, латинского и немецкого языков. Благодаря ему русские читатели получили доступ ко многим произведениям Шиллера, Гете, Байрона, Вальтера Скотта и других корифеев мировой литературы. Диапазон его творческих поисков поистине поразителен: от

переводов сказок Шарля Перро и братьев Гримм до «Одиссеи» Гомера и знаменитого русского эпоса «Слово о полку Игореве». Жуковский был одним из величайших мастеров перевода за всю историю этой деятельности.

Почетное место в истории перевода в России принадлежит двум великим русским поэтам – *А.С. Пушкину* и *М.Ю. Лермонтову*. Хотя в их творчестве переводы занимали сравнительно скромное место, они внесли значительный вклад в повышение качества художественных переводов в России. В поэтических парафразах и подражаниях они сумели воспроизвести наиболее важные особенности иностранной поэзии, но самое главное – их творения были замечательными произведениями искусства, не уступающими их оригинальным шедеврам. Их переводы-парафразы послужили образцовыми примерами для других переводчиков, поскольку они утверждали главный принцип, что хороший художественный перевод должен быть неотъемлемой частью национальной литературы на языке перевода. Особо следует подчеркнуть роль в развитии русской школы перевода Пушкина, называвшего переводчиков «почтовыми лошадьми просвещения».

Хотя в этот период большинство переводчиков ратовало за вольный перевод, некоторые из них продолжали настаивать на максимальной близости перевода к оригиналу, на крайнем буквализме даже в ущерб смыслу и понятности. Среди них были и такие известные литераторы, как *Петр Вяземский*, *Николай Гнедич*, *Александр Фет*, которые много переводили с разных языков. Правда, они сами не всегда придерживались провозглашаемых ими принципов. Порой талант и художественная интуиция переводчика преодолевали барьеры буквализма.

После Октябрьской революции 1917 г. в России произошел новый подъем переводческой деятельности. По инициативе М. Горького было сразу же создано новое издательство «Всемирная литература», поставившее перед собой грандиозную цель: издать новые или исправленные переводы всех крупных произведений как западных, так и восточных литератур. Несмотря на огромные материальные и организационные трудности,

это издательство сумело в течение последующих десятилетий опубликовать переводы книг многих выдающихся писателей и поэтов – Бальзака, Франса, Стендаля, Гейне, Шиллера, Байрона, Диккенса, Шоу, Твена и многих, многих других.

Большое число переводов было также издано в 30-е гг. и позднее другими общесоюзными и местными издательствами. В этой работе приняли участие выдающиеся ученые и литераторы, которые подняли искусство перевода на новый высокий уровень. Заслуженную известность приобрела целая плеяда талантливых переводчиков, и имена таких мастеров перевода, как *Михаил Лозинский*, *Татьяна Щепкина-Куперник*, *Самуил Маршак* и многие другие, пользовались заслуженным уважением в Советском Союзе и за рубежом.

Растущим масштабам переводческой деятельности в немалой степени способствовало то, что Советский Союз был страной многонациональной. В стране происходил широкий обмен произведениями литератур населения ее народов. Русские читатели получили возможность познакомиться с замечательными эпосами грузинского, армянского, узбекского, казахского, азербайджанского и других народов. Большой вклад в эту работу внесли известные русские писатели и поэты *Лев Гинзбург*, *Борис Пастернак*, *Николай Тихонов* и другие.

2. Становление переводоведения: лингвистическая основа и междисциплинарная парадигма

Наука о переводе имеет многочисленные названия:

- теория перевода;
- переводоведение;
- наука о переводе;
- science of translating (Nida, 1964);
- translatology (в англосаксонской среде);

- traductologie, traductologia (исп.);
- Traduction (фр.);
- traduzione (ит.);
- Übersetzungswissenschaft, Translatorik, Translatologie, Translation (Kade, 1968) (нем.) как гипероним для понятий устного и письменного перевода (Лейпцигская школа).

Перевод в широком смысле:

1. Внутриязыковой перевод, или переименование. Это интерпретация знаков с помощью других знаков (словесных и т. д.) того же языка. Пример: текст для врача переделать в текст для пациента.

2. Межъязыковой перевод – интерпретация вербальных знаков одного языка с помощью знаков другого языка.

3. Межсемиотический перевод – интерпретация вербальных знаков с помощью невербальных знаков семиотики. Пример изложение учения Фрейда в виде комиксов.

Что есть хороший перевод? Это:

- сохранение функциональной узнаваемости текста;
- учет интенций автора/отправителя;
- учет специфики адресата;
- учет актуальной ситуации коммуникации.

Эти факторы можно свести к основным понятиям:

- текст;
- ситуация/коммуникация/прагматика;
- культура.

Обозначенные данными понятиями области изучают:

- филология;
- лингвистика текста;
- прагматика и когнитивистика;
- семиотика;
- культурология;
- антропология.

Теория перевода и другие лингвистические науки.

1. **ТП и фонология** как наука о фонемном составе языка. Фонология дает материал для ТП – например, как переводить письменные тексты, предназначенные для слушания (драматические произведения, проза, которая ставится в театре, и т. д.). Проблема – передача устных особенностей на письме (редукция, ассимиляция и др.). Нужны ремарки автора и переводчика.

2. **ТП и семантика** как наука о значении (лексическом, грамматическом и др.). Пример: *3-bedroomed flat for sale* – *продается квартира с тремя комнатами* (а не: *спальнями*); *screwbolt* – *болт, винт, шуруп*.

3. **ТП и синтаксис** как описание синтаксических отношений в предложении (в немецком и русском языке сначала в предложении идет рема, тема идет в конце).

4. **ТП и стилистика** – изучение языковых единиц в конкретной ситуации использования языка. Пример:

Dear Sirs!

Sehr geehrte Damen und Herren!

Многоуважаемые дамы и господа!

5. **ТП и сравнительно-сопоставительная лингвистика**, цель которой – синхронное сопоставление языков и выявление общих черт на основе метаязыка, то есть 3-го языка, или одного из сопоставленных, который берется за эталон. Принципы описания языков в контрастивной лингвистике:

– принцип функциональности описания (от функции к языковым средствам);

– принцип системного языкового описания, который не учитывает конкретную речевую или коммуникативную ситуацию.

Контрастивная лингвистика дает ТП материал на уровне словарных эквивалентов (нем. *Geschwister* = *братья и сестры*). Переводчик опирается на конкретную языковую ситуацию, поэтому эквиваленты не всегда срабатывают. Перевод – это не просто смена кода, а передача информации

с учетом конкретной культуры и коммуникативной ситуации, поэтому чаще срабатывают принципы контекстной эквивалентности.

6. ТП и социолингвистика, изучающая соотношение языка и культуры. Перевод – это, с одной стороны, отражение социального мира. Это процесс, на который влияют социальные факторы (в первую очередь социальная норма языка). Встает проблема перевода социальных реалий. Социальная обусловленность языка отражается в речи литературных персонажей (диалект в переводе передается разговорной речью, иногда сниженной).

Социальная норма – это набор правил, которыми определяется поведение личности (переводчика). Социальная норма перевода – понятие изменчивое.

7. ТП и психолингвистика (ПСЛ), объектом которой является речевая деятельность. Объектом ТП является особый вид речевой деятельности, и в этом их общая черта. ПСЛ, как и ТП, считает, что в основе речевой деятельности лежат когнитивные процессы, мышление, понимание. Нет одной модели, по которой выполняется перевод (в этом ПСЛ и ТП едины).

Существуют три фазы речевой деятельности: фаза планирования (анализ ситуации); фаза реализации + коррекция; фаза сопоставления (то, что планировалось, и то, что получилось). Это деление совпадает с 3-фазовым членением перевода. ПСЛ и ТП считают, что перевод задается извне.

8. ТП и лингвистика текста (ЛТ), объектом которой является текст как связанное целое. ЛТ изучает устройство текстов, выделяет в них определенные конструктивные блоки (начало, концовка и т. д.); способы перехода от одной мысли к другой (союзы и др.); выражение отношений в тексте.

Перевод может опираться на этот материал, оперируя знанием структуры текстов двух языков. Выделяются тексты с жесткой (научно-техническая литература) и с мягкой (художественные тексты) структурой.

9. **ТП и семиотика** (наука о знаковых системах). Общим является понятие текста, который есть знак или система вербальных или невербальных знаков. Для ТП важна следующая формула теоретика информации Ласуэлла: «Кто говорит, что, по каким каналам и с каким эффектом» (Wilss, 1996). Эта формула отражает важнейшие измерения текста: информация об авторе, тема текста, функция текста, круг получателей, то есть прагматика текста, анализ текста с точки зрения лексики, стилистики и синтаксиса.

10. **ТП и теория межкультурной коммуникации.** Поскольку перевод является вербальным оформлением межкультурного трансфера, в теории перевода актуальны все наработанные молодой наукой ТМКК положения, и эти науки взаимно обогащают друг друга, особенно в плане интерпретации коммуникативных проблем не одноязычной, а опосредованной межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация предполагает, что переводчик владеет языком, знанием культуры, знает образ мышления носителей языка и весь мир изучаемого языка, то есть традиции как устойчивые элементы культуры, обычаи и обряды; традиционнo-бытовую культуру, принятые нормы повседневного общения вместе с мимическим и пантомимическим кодом, «национальные картины мира» и менталитет, отражающие особенности восприятия мира, художественную культуру, отражающую культурные традиции этноса и его национальный характер.

3. Цель и задачи теории перевода

Дефиниция понятия «перевод» сопряжена со следующим ассоциативным рядом: коммуникация, информация, смысл, значение, содержание, установка, воздействие, равноценность, адекватность, эквивалентность, реакция, эффект. Дать правильное толкование предмету исследования очень важно, потому что от этого зависит весь процесс теоретического моделирования в пределах конкретной науки.

Представим определения классиков переводоведения.

А.В. Федоров:

«Перевод – творческая деятельность, связанная с языком и литературой и неизбежно предполагающая соприкосновение двух языков, передачу подлинника средствами другого языка» (Федоров, 2002, с. 20).

«Перевод есть

– процесс, совершающийся в форме психического акта и состоящий в том, что речевое произведение (текст или устное высказывание), возникшее на одном – исходном языке, пересоздается на другом – переводящем языке;

– результат этого процесса, т.е. новое речевое произведение (текст или устное высказывание) на переводящем языке» (Федоров, 2002, с. 13).

В.Н. Комиссаров:

«Перевод – это вид языкового посредничества, при котором содержание иноязычного текста (оригинала) передается на другой язык путем создания на этом языке коммуникативно равноценного текста» (Комиссаров, 1990, с. 43).

И.С. Алексеева:

«Перевод – это деятельность, которая заключается в вариативном перевыражении, перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком, который творчески выбирает вариант в зависимости от вариативных ресурсов языка, вида перевода, задач перевода, типа текста и под воздействием собственной индивидуальности; перевод – это также и результат описанной выше деятельности» (Алексеева, 2004, с. 7).

Перевод описывается рядом концепций, моделей, теорий, и уже их названия говорят о многомерности данного феномена и возможности и необходимости его различных интерпретаций:

- теория закономерных соответствий;
- семантическая модель;
- ситуативная модель;

- трансформационная теория перевода;
- теория уровней эквивалентности;
- функциональная теория перевода.

Процесс производства речи все еще не изучен до той степени, которая позволяет говорить о процессе перевода как об абсолютно понятном и «транспарентном» процессе.

Любая модель – это схематичное представление об одной из сторон изучаемого феномена, и теории перевода имеют право на существование, если они решают конкретную задачу – содействовать оптимизации переводческой деятельности.

Цель науки о переводе – систематизировать и обобщать огромный практический опыт, новые технологические возможности в осуществлении перевода, творчески применять в анализе достижения лингвистики и наук культурно-антропологической исследовательской парадигмы и **вырабатывать подходы, улучшающие переводческую деятельность.**

Система переводоведческих понятий и категорий направленно служит тому, чтобы свести до минимума:

- субъективность произвола переводчика;
- субъективность произвола критики перевода;
- ссылки на «интуицию» как оправдание такого произвола.

Задачи теории перевода:

1. Исследование сущности переводческой деятельности:

- как можно представить перевод как когнитивный процесс;
- возможен ли перевод вообще и чем эта возможность обеспечивается;
- какие лингвистические и экстралингвистические факторы лежат в основе процесса перевода.

2. Изучение акта перевода как процесса преобразования текста на ИЯ в текст на ПЯ:

- каковы границы перевода;
- как сочетаются объективные и субъективные факторы;

- как обобщить и описать трансформации и трудности их осуществления;
- чем обусловлены требования, предъявляемые к переводу различных типов текстов;
- в чем сущность эквивалентности и каковы условия ее достижения.

3. Изучение системных отношений между единицами двух конкретных языков:

- глубокое проникновение в природу структурных различий контактирующих языков;
- выявление причин соответствий, их отсутствия;
- почему перевод – это «перевод мысли из тюрьмы одного языка в тюрьму другого языка»;
- почему перевод – это компромисс.

Список литературы

- Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2004. – 352 с.
- Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
- Семинарская и святоотеческая библиотека : [сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://otechnik.narod.ru/k_pammahiu.htm. – Загл. с экрана.
- Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие : для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Федоров. – 5-е изд. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
- BIBLIA SACRA : [website]. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.thelatinlibrary.com/bible.html>. – Title from screen.
- Dolet, E. La maniere de bien traduire d'une langue en autre / E. Dolet. – Lyon, 1540. – 48 p. – Electronic data. – Mode of access: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k505680>. – Title from screen.

- Kade, O. Kommunikationswissenschaftliche Probleme der Translation / O. Kade // Grundfragen der Übersetzungswissenschaft / A. Neubert (Hrsg.). – Leipzig, 1968. – S. 3–19. – Beihefte zur Zeitschrift Fremdsprachen II.
- Koller, W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft / W. Koller. – Wiesbaden : Quelle und Meyer, 1987. – 140 S.
- Mounin, G. Problèmes théoriques de la traduction (Theoretical problems of translation) / G. Mounin. – Paris : Gallimard, 1963. – XII, 296 p.
- Nida, E. Toward a science of translation. With special reference to principles and procedures involved in Bible translating / E. Nida. – Leiden : Brill, 1964. – 331 p.
- Nord, Ch. Fertigkeit Übersetzen: ein Selbstlernkurs zum Übersetzenlernen und Übersetzenlehren / Ch. Nord. – Alicante : Editorial Club Universitario, 2002. – 182 S.
- Schleiermacher, F. Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens / F. Schleiermacher. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.bibleresearcher.com/schleiermacher.html>. – Title from screen. – Diese Abhandlung verlas Schleiermacher am 24. Juni 1813 in der Königlichen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
- Wilss, W. Knowledge and skills in translator behavior / W. Wilss. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1996. – 273 p.

Лекция 3–4. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Введение.

1. Теория закономерных соответствий.
2. Денотативная теория перевода.
3. Трансформационная теория перевода.
4. Семантическая теория перевода.
5. Теория уровней эквивалентности.

Введение

Теории, концепции перевода часто обозначаются как модели перевода. Эта номинация теоретической конструкции, объясняющей процесс перевода и recommending определенные действия, представляется логичной.

Модель – схема, аналог определенного существующего объекта, отражающий основные черты, элементы объекта и их взаимосвязи. «Модель – искусственно созданный объект в виде схемы, чертежа, логико-математических знаковых формул, физической конструкции и т. п., который, будучи аналогичен (подобен, сходен) исследуемому объекту... отражает и воспроизводит в более простом, уменьшенном виде структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами исследуемого объекта, непосредственное изучение которого связано с какими-либо трудностями...» (Кондаков, 1975, с. 360).

Свойством модели является относительность и приблизительность знания, так как модель есть лишь аналог оригинала. *Назначение модели* – изучение свойств объекта. В гуманитарных науках можно говорить о вербальной модели, то есть модели, которая отражается в форме определений, и модели, которая отражается в форме каких-либо схем, графиков.

Вербальная модель имеет двойственный характер. *Она содержит констатирующую часть и нормативную (то есть то, каким образом это должно быть).*

Отличие модели от метода перевода заключается в том, что метод – это система правил и приемов перевода (например, перевод буквальный, интерлинеарный, адекватный, поморфемный, пословный, документарный и инструментальный (Nord, 2005), очуждающий и трансферирующий (Schleiermacher, 1963), украшательный, адаптирующий и проч.). С другой стороны, определенный метод может лежать в основе модели перевода.

1. Теория закономерных соответствий

Начало изучения лингвистических аспектов перевода положено в работах **Якова Иосифовича Рецкера** (1950; 1974) и **Андрея Венедиктовича Федорова** (1953). Сходные взгляды выразил в своей книге «Язык и перевод» (1975) **Леонид Степанович Бархударов**, отдельные элементы теории закономерных соответствий использованы Виленом Наумовичем Комиссаровым и Вернером Колером. Основа анализа – не только художественные тексты, но и тексты разной дискурсивной принадлежности.

Я.И. Рецкер уже в своей статье «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык» (1950) выдвинул идею построения лингвистической теории перевода, основанной на изучении закономерных соответствий между средствами ИЯ и ПЯ.

Я.И. Рецкер писал: «Перевод немыслим без прочной лингвистической основы. Такой основой должно быть сравнительное изучение языковых явлений и установление определенных соответствий между ИЯ и ПЯ. Эти соответствия в области лексики, фразеологии, синтаксиса и стиля и должны составлять лингвистическую основу ТП» (Рецкер, 1950, с. 156).

В процессе перевода переводчик совершает следующие действия:

- 1) берет готовое соответствие, не имея выбора;
- 2) производит выбор из нескольких вариантов соответствия;

3) порождает собственное соответствие в рамках закономерностей ПЯ (Алексеева, 2004, с. 155).

Я.И. Рецкер предложил собственную классификацию закономерных соответствий, они образуют 3 группы:

1) эквиваленты – однозначные соответствия;

2) аналоги – соответствия, полученные с помощью выбора одного из синонимов (в поздних работах – «вариантные соответствия»);

3) адекватные замены – соответствия, выбранные исходя из целого: художественного, идейного и т. п. (в поздних работах – «трансформации») (см.: Рецкер, 1950).

Эквиваленты – это «постоянные равнозначные соответствия, не зависящие от контекста», соответствия, полученные с помощью действия № 1.

Такие соответствия встречаются в основном в области лексики. Грамматические и стилистические эквивалентные соответствия встречаются достаточно редко, для этих средств характерна вариативность. Можно указать на форму именительного падежа для подлежащего в языках, где есть склонение. К лексическим однозначным эквивалентам относятся определенные группы лексики:

1. Термины.

Англ.-рус.: *motivity* – *двигательная сила* (физика).

Нем.-рус.: *die Bronchitis* – *бронхит* (медицина).

Фр.-рус.: *moule* – *матрица* (полиграфия).

Терминологическая синонимия имеет место, но как исключение.

2. Имена собственные.

Англ.-рус.: *Lewis* – *Льюис*.

Нем.-рус.: *Heinrich* – *Генрих*.

Фр.-рус.: *Pierre* – *Пьер*.

3. Наименование организаций, партий и т. п.

Англ.-рус.: *The United Nations, UNO*.

Нем.-рус.: *FC Bayern* – *ФК Бавария*, *Siemens* – *Сименс*.

Фр.-рус.: *FIFA* – *ФИФА* (Международная федерация футбольных ассоциаций).

Аналоги – так обычно называются лексические вариантные соответствия, зависящие от контекста. К ним относят все многозначные лексемы, конкретное значение которых реализуется в контексте. Аналогами они являются в том смысле, что между данной единицей ИЯ и соответствующей единицей ПЯ устанавливаются аналоговые отношения: среди синонимических единиц ПЯ, соответствующих единице ИЯ, подбирается вариант передачи текста, наиболее подходящий для контекста.

Сравним:

1) *fair* – *честный, справедливый*.

fairshare – *справедливая доля*.

fairdeal – *честная сделка*,

но и: *fairhair* – *светлые волосы*.

2) *fineskin* – *нежная кожа*.

fineedge – *острое лезвие*.

the finearts – *изобразительные искусства*.

В данном случае влияние оказывает узкий контекст, то есть микрконтекст, сочетаемость единицы, и учет этого делает выбор однозначным, а учет макрконтекста – ситуации, художественного жанра, литературного направления, идеологической ситуации – актуализирует выбор единицы.

Вариантные соответствия обеспечивают принципиальную вариативность языковых средств. Множественность вариантов свойственна художественным, публицистическим, ораторским и т. п. текстам и не должна быть свойственна специальным текстам, в переводе которых доминируют однозначные эквиваленты. На практике переводы все равно отличаются от оригиналов, так как и в переводе спецтекстов присутствует пласт лексики, который передается с помощью вариантных соответствий, и в области грамматических средств вариантные соответствия распространены достаточно широко. Определительное придаточное в английском тексте будет

передано и причастным оборотом, и придаточным предложением, а формы прошедшего времени регулируется временными параметрами.

Адекватные замены – все соответствия, которые переводчик создает или выбирает вне имеющихся вариантов сам, не пользуясь готовым арсеналом средств.

Согласно Рецкеру, в сознании переводчика возникают сначала эквиваленты, потом начинается поиск аналогов, а если ни того, ни другого не находится, то он прибегает к адекватным заменам – трансформациям. Однако Алексеева справедливо отмечает, что «процесс порождения текста перевода как “вторичного” текста – явление синтетическое, включающее в себя априорное знание о различиях языков, и вряд ли он содержит этап “проверки” текста на наличие эквивалентов. Скорее всего, попытка применения трех приемов поиска соответствий происходит одновременно, и вероятность успеха (что переводчик найдет раньше: нужный эквивалент или нужную трансформацию) прогнозировать очень трудно» (Алексеева, 2004, с. 158).

Рецкер относит вариантные соответствия и адекватные замены (трансформации) к технике перевода и, отвечая на критику и на чрезмерную нормативность теории, подчеркивает творческий характер переводческой деятельности. К приемам перевода Рецкер относит:

- 1) конкретизацию недифференцированных и абстрактных понятий;
- 2) логическое развитие понятий;
- 3) антонимический перевод;
- 4) компенсацию, а позднее и целостное переосмысление (Рецкер, 1974, с. 53).

О приемах речь пойдет далее, в другой лекции курса, посвященной технологии перевода, но стоит отметить, что у Рецкера имеют место много неточностей и в примерах (в разделе об антонимическом переводе) мы читаем:

Take your time. – *He спешите.*

Mind your own business. – *He вмешивайтесь в чужие дела.*

Подбор устойчивого выражения с отрицанием вовсе не является антонимическим переводом – таковым является, например: *Я ничего не забыл. – I remember all.*

Многие идеи теории закономерных соответствий созвучны концепции **А.В. Федорова**. 1953 г. стал годом отсчета в создании теории перевода как лингвистической дисциплины: выходит книга А.В. Федорова «Введение в теорию перевода», которая с различными доработками выдержала много изданий. Федоров, безусловно, как художественный переводчик, увлекается литературоведческими аспектами перевода, но именно он обосновывал подход к переводческой проблематике, основанный на лингвистических принципах, выделил общую и частные теории перевода, обосновал классификацию соответствий на лексические, грамматические, стилистические, наметил общие принципы оценки качества перевода.

В своей книге «Язык и перевод» (1975) **Леонид Степанович Бархударов** подчеркивает «макролингвистический» (социоллингвистический в современной терминологии) характер теории перевода как науки и обосновывает первичную роль контекста в выборе соответствия, что учитывается и используемая в современном прикладном переводоведении система приемов (трансформаций), которая, безусловно, родом из ТЗС. По меткому выражению В.Н. Комиссарова, российское переводоведение во многом «вышло из Рецкера».

2. Денотативная теория перевода

Денотативная, или, в других вариантах, **ситуативная**, или **ситуативно-денотативная теория перевода**, базируется на работе британского лингвиста **Джона Кунисона Кэтфорда (J. Catford)** «Лингвистическая теория перевода» («A linguistic theory of translation») (1965), в которой в качестве центральной проблемы перевода выступает раскрытие понятия переводческой эквивалентности, выявление степени смысловой близости ИТ и ПТ.

Компонентный анализ показывает, что имеет место только *частичное совпадение семантического состава соотнесенных высказываний*.

Однако основанием эквивалентных отношений между высказываниями служит ***тождество описываемых ситуаций***.

Ситуации выступают в качестве денотатов, ситуация является своеобразным набором денотатов, находящихся в тех или иных отношениях.

Речь не о ситуации, в которой происходит акт коммуникации, а о предметной ситуации, находящей выражение в создаваемых текстах.

Основа модели: одна и та же предметная ситуация может быть описана разным набором семантических комплексов, отражающих различные ракурсы рассмотрения отношений и связей между предметами.

Логика данной модели такова:

Наблюдаемый объективный мир в целом един для всего человечества, но в разных языках он описан по-разному, и процесс перевода состоит в том, чтобы описать денотаты, отраженные в ИЯ, средствами ПЯ.

- Денотат: объект внеязыковой реальности, которому соответствует лингвистическое выражение. Например, в предложении «Я вижу кошку», кошка является денотатом, объектом реальности, к которому относится это предложение.

- Ном: языковое выражение, которое относится к денотату. Ном может быть словом, фразой или предложением. Объект, к которому относится ном, называется денотатом. Например, номом в предложении «Я вижу кошку» является слово «кошка».

- Сонома: звучащая форма нома, которая передает его звуковое воплощение. Сонома может быть выражена голосом или письменно. Например, сономой слова «кошка» является его произношение или написание.

- Денотация: процесс, который связывает ном с денотатом. Это отношение между языковой формой и объектом реальности, которому оно соответствует. Например, в предложении «Я вижу кошку», денотацией является связь между словом «кошка» и реальной кошкой, которую я вижу.

- При переводе переводчик должен стремиться *найти соответствующие номы и сономы* для передачи денотатов. Он должен использовать свои лингвистические знания, наблюдение и контекстный анализ, чтобы найти подходящие выражения и конструкции в целевом языке, которые могут передать смысл и референцию оригинала.

Переводчик сначала воспринимает некоторую речевую последовательность, от нее переходит к ситуации, рассматривает ее и сообщает о ней, имея в виду только саму ситуацию, а не ее описание на ИЯ. Этот процесс был назван отечественными лингвистами И.И. Ревзиным и В.Ю. Розенцвейгом *интерпретацией* (Ревзин, Розенцвейг, 1964) (ср.: *творческое преобразование*). Этому процессу противостоит более короткий процесс, который они обозначили как собственно *перевод*, когда переход к ПЯ осуществляется без обращения к действительности, непосредственно по имеющейся сетке соответствий.

Развернутая интерпретация термина «ситуация» дается в работах **Владимира Григорьевича Гака**: это предметные отношения, то есть предметы и связи между ними, описываемые в высказывании (Гак, 1979, с. 18). Стоит отметить, что в любом процессе перевода имеют место:

- этап восприятия текста;
- этап анализа;
- интерпретация оригинала, целью которой является как раз уяснение той действительности, которая стоит за языковыми знаками.

1) *He comes.* – Он идет к нам.

Он приближается.

Он подходит.

2) *Blue* – синий, голубой.

3) *Barn-storming* – описательно как поездки кандидата в ходе предвыборной кампании по провинциальным городам с целью привлечь потенциальных избирателей. Ср.: *чес по провинции*.

Вклад В.Г. Гака в развитие денотативной теории перевода включает следующие аспекты:

- Развитие методов контекстуального анализа: Гак предложил различные методы анализа контекста, которые позволяют определить значение и смысл текста и эффективно перевести его на другой язык. Это включает анализ синтаксической и семантической структуры текста, его лексических и стилистических особенностей.

Денотативная модель помогает осознать технологию перевода в следующих случаях:

1) ДТП хорошо описывает перевод при отсутствии в ПЯ обозначения денотата или ситуации из ИЯ (используется описательный перевод, подбор функционального аналога и создание переводческого неологизма: так появились слова *компьютер*, *стресс*, *овертайм*, *тон*, *стринги* и т. п.);

2) ДТП позволяет объяснить перевод в случае узувального, принятого в целевой культуре способа описания данной ситуации (*По газонам не ходить.* – *Keep off the grass*; *растворимый кофе* – *instant coffee*);

3) ДТП дает возможность объяснить логику перевода, зависящую от прагматических параметров, особенно при переводе художественных и публицистических, ораторских текстов, рекламы;

Но! Эта модель ориентирована на одну функцию речевого акта – *денотативную*. В ее рамках нельзя объяснить вариативность перевода, то есть она функциональна в случае однозначности как основного требования перевода.

3. Трансформационная теория перевода

Работа американского исследователя **Ноама Хомского** (Avram Noam Chomsky) «Аспекты теории синтаксиса» (1965), как и первая публикация «Синтаксические структуры» (1957) представляют язык как действующий механизм, способный с помощью определенного набора трансформационных правил порождать бесконечное число грамматически правильных высказываний из ограниченного числа элементарных ядерных предложений, сыграла значимую роль в науке о переводе. Одним из первых идею о

трансформациях поддержал Александр Давыдович Швейцер и предложил рассмотреть в качестве ядерной структуры следующее предложение:

John hit Bill.

Оно дает много трансформ:

Bill was hit by John.

John's hitting Bill.

Bill's being hit by John.

The hitting of Bill by John.

It was John who hit Bill.

It was Bill who was hit by John (Швейцер, 1973, с. 35).

Другой пример. Ядерное предложение ***Мальчик читает*** (модель «деятель + действие») по правилам трансформационной грамматики позволяет вывести производные:

Чтение мальчика.

Читающий мальчик.

Прочитанное мальчиком.

В них сохраняется модель «деятель + ...», эти трансформы обладают значительной общностью – инвариантностью плана содержания.

В ядерных структурах, в отличие от поверхностных, все просто – это присутствие субъекта-существительного, предиката-глагола и дополнения-существительного (вариативно). Трансформация поверхностных структур в ядерные – это способ установления однозначных соответствий между грамматическими и семантическими категориями или однозначной смысловой интерпретации грамматических конструкций текста.

В переводе идеи порождающей грамматики Хомского нашли двойное воплощение:

1. В ее терминах рассматривается собственно преобразование единиц и структур ИЯ в единицы и структуры ПЯ.

2. Трансформации используются для описания этапов внутриязыкового преобразования (в ИЯ или в ПЯ, при этом внутриязыковые и межъя-

языковые трансформации (собственно переводческие) понимаются как явления одного порядка).

В рамках второго подхода трансформации рассматриваются, таким образом, не как переход от одного языка к другому, а как внутриязыковые этапы переводческой обработки тех или иных единиц и структур. Считается возможным свести многообразие этих единиц и структур в ИЯ и ПЯ к некоему ограниченному числу. В обоих языках выявляются ядерные структуры, и перевод превращается в процесс замещения ядерных структур ИЯ в соответствующие ядерные структуры ПЯ. Зачастую такие структуры является «околоядерными», которые являются упрощенным, свернутым вариантом высказывания. С.В. Тюленев приводит хороший пример перехода от поверхностной к ядерной и околоядерной структуре:

Из-за своей инертности он так ничего и не узнал (поверхностная).

Он был инертен. Он ничего не узнал (ядерные).

Он был инертен, поэтому ничего не узнал (околоядерная) (Тюленев, 2004, с. 193).

Трансформационная концепция используется и в модели, предложенной Юджином Найда.

Ю. Найда в книге «К науке переводить» (Nida, 1964, р. 155–171) (посвященной специфическим проблемам перевода Библии) использует трансформационную модель для анализа процесса перевода, который распадается, по мнению Найда, на 3 этапа:

I. **Анализ** – восприятия и осмысление ИТ (поверхностные структуры оригинала преобразуются в ядерные структуры ИЯ). Анализ поверхностной структуры ИЯ происходит *путем обратной трансформации* – путем преобразования в ядерные предложения, то есть трансформация происходит в пределах ИЯ.

II. **Перенос** – найти «удобную переправу на другой берег», то есть найти в ПЯ соответствие в форме ядерного предложения ядерному предложению ИЯ.

III. **Реструктурирование** – синтез (порождение соответствующего высказывания на ПЯ *путем прямой трансформации*). На данной стадии выбор одного из возможных вариантов перефразирования высказывания обусловлен стилистическими и дискурсивными ограничениями.

Для анализа смысла поверхностной структуры ИТ Ю. Найда вводит 4 универсальных семантических категории (их соотнесенность с грамматическими категориями отличается от языка к языку):

- **предмет** – существительное (предметы, вещи, живые существа);
- **процесс** – глагол (действия, события, происшествия);
- **признак** – прилагательное, наречие, числительное (качество, количество, их степени);
- **отношение** – порядок слов, союзы, связки и др. (смысловые связи между предметами, признаками, процессами).

С точки зрения Найда, *не надо искать окольных путей там, где можно переправиться кратчайшим*.

Например, есть соответствие поверхностного уровня: *the foundation of the house* – *фундамент дома* (словосочетание).

Самый большой плюс трансформационной модели перевода в том, что она позволяет перейти от внешних, завязанных на грамматике структур, к семантике. Внимание только к грамматическим формам является одной из основных причин буквального перевода, а трансформационная модель помогает снять неоднозначность поверхностных структур именно на основе учета общих для ИЯ и ПЯ семантических категорий. Минусом данной теории является невозможность объяснить механизм выбора конечной структуры или единицы, и во многих случаях перевод не всегда сводим к инвариантным ядерным соответствиям в ИЯ и ПЯ.

4. Семантическая теория перевода

Задача данной модели перевода – описание сущности соответствия между планом содержания ИТ и планом содержания ПТ, и так она вносит

вклад в решение одной из основных задач теории перевода. Иногда семантическую теорию и трансформационную теорию объединяют в трансформационно-семантическую, что не вполне логично, потому что ней более подробно разрабатывается именно семантический компонент описания взаимодействия языков. В основе – анализ на основе сем как элементов смысла. Автор теории **Джон Кэтфорд** выдвинул идею общности сем оригинала и перевода в качестве основы переводческой эквивалентности. Пример:

I have arrived. – Я пришла.

Содержание соотносится так, что английское предложение содержит 5 элементарных смыслов:

- 1) 1-е лицо;
- 2) прибытие без указания на способ передвижения;
- 3) прошедшее время;
- 4) связь с другим действием или моментом времени – перфект;
- 5) связь с моментом речи.

Русское предложение содержит 6 смыслов:

- 1) 1-е лицо;
- 2) прибытие;
- 3) прошедшее время;
- 4) женский род;
- 5) движение пешком;
- 6) совершенный вид (цит. по: Комиссаров, 1999, с. 20).

Общие семы *1-е лицо, прибытие, прошедшее время*, но их достаточно для обеспечения эквивалентности перевода. Хотя – чем больше совпадает, тем лучше. Семы могут не совпадать, но могут быть связаны отношениями семантического перефразирования (ср. также: *преподаватель* – *professor*).

Last year saw a rapid growth of industrial production – В прошлом году отмечался быстрый рост промышленного производства (Комиссаров, 1990, с. 66).

A видит *X* у себя –

X наличествует у *A* –

X существует в период, когда *A*.

Семантическая модель позволяет объяснить многие причины семантических расхождений между двумя текстами, указывает на ряд факторов, определяющих выбор варианта перевода.

Недостатки данной модели в том, что она:

- не предусматривает случаи, когда языки используют разные семантические категории в одной и той же ситуации – *растворимый кофе*, *instant coffee*;
- не затрагивает проблем передачи образных и других ассоциаций в переводе;
- в ней нет места категории цели коммуникации, играющей решающую роль при выборе средств перевода.

5. Теория уровней эквивалентности

Анализируя различные теории перевода, **Вилен Наумович Комиссаров** отмечает, что в каждой из них отражены только отдельные аспекты процесса перевода, и только в комплексе, в совокупности они могут дать достаточно полную систему обеспечения эквивалентности перевода. Он предлагает претендующую на универсальность теорию уровней эквивалентности.

«Теория уровней эквивалентности – это модель переводческой деятельности, основанная на предположении, что отношения эквивалентности устанавливаются между аналогичными уровнями текстов оригинала и перевода. Основой этой модели является выделение в содержании текста ряда последовательных уровней, отличающихся по характеру информации, передаваемой от Источника к Рецептору¹» (Комиссаров, 1973, с. 62).

¹ В.Н. Комиссаров неправильно использует термин «рецептор», имея в виду «реципиент», «получатель».

Суть теории в том, что

- различия систем ИЯ и ПЯ;
- особенности создания текстов в ИЯ и ПЯ.

в разной степени ограничивают возможность полного сохранения в переводе содержания оригинала. Поэтому переводческая эквивалентность может основываться на сохранении и утрате разных элементов смысла, содержащихся в оригинале. В зависимости от того, какая часть содержания передается для обеспечения его эквивалентности, различаются разные уровни (типы) эквивалентности. На любом уровне эквивалентности перевод может обеспечивать межкультурную коммуникацию (см.: Комиссаров, 1990, с. 51).

В коммуникации для того, чтобы быть понятым, иногда достаточно просто показать рукой, не говоря: *Я имею в виду тот предмет, который...*

Переводчик может описать ситуацию, сохранив и цель, и способ ее достижения через идентификацию ситуации другими, отличными средствами: *Fragile!* («хрупкий») превращается в *Осторожно, стекло!* или даже *Не кантовать!*

В тексте, передаваемом от Источника к Рецептору, Комиссаров выделяет 5 основных уровней плана содержания:

- 1) уровень языковых знаков (слов);
- 2) уровень высказывания;
- 3) уровень (структуры) сообщения;
- 4) уровень описания ситуации;
- 5) уровень цели коммуникации.

Данная последовательность уровней, по мнению Комиссарова, отражает не только структуру содержания текста, но и основные этапы анализа Рецептором переданного ему текста.

Получатель идентифицирует языковые знаки, затем уясняет содержание текста на уровне высказывания, сообщения, описания ситуации и приходит к пониманию содержания целого на уровне цели коммуникации.

Так, Комиссаров рассматривает уровни эквивалентности в 1973 г. в монографии «Слово о переводе». Верхний порог переводимости – эквивалентность на низшем уровне языковых единиц, низший – на уровне цели коммуникации. Эквивалентность на низшем уровне предполагает эквивалентность и на более высоких уровнях, поэтому переводчику следует уяснить все уровни содержания оригинала: от слов до цели коммуникации. Переводчик переходит с одного уровня на другой, уясняя их, снизу вверх. Поуровневый анализ показывает, на каком из них требуется обязательное употребление определенных форм.

Позднее Комиссаров изменил последовательность выделяемых уровней на обратную и ввел термин *тип эквивалентности*, сначала как синоним *уровня*, а потом отказался от *уровня*.

Разные уровни эквивалентности Комиссаров иллюстрирует следующими примерами:

1-й тип – эквивалентность на уровне цели коммуникации.

That's a pretty thing to say! – Постыдился бы!

Цель в данном случае – выражение эмоций говорящего, в оригинале имеет место оценка тому, что сказано, а в переводе ситуация описана по-другому – рекомендации в адрес сказавшего. В переводе – стереотипная фраза для выражения возмущения, составляющие ее языковые средства не соответствуют единицам оригинала. Мы наблюдаем:

1) несопоставимость лексического состава и синтаксической организации;

2) невозможность связать лексику и структуру оригинала и перевода отношениями семантического перефразирования или синтаксической трансформации (невозможность трансформации);

3) отсутствие реальных или прямых логических связей между сообщениями в оригинале и переводе, которые позволили бы утверждать, что в обоих случаях сообщается об одном и том же;

4) наименьшая общность содержания оригинала и перевода по сравнению со всеми иными переводами, признаваемыми эквивалентными.

Таким образом, в данном типе эквивалентности в переводе как будто говорится «совсем не то» и «совсем не о том», что в оригинале.

2-й тип – эквивалентность на уровне описания ситуации.

He answered the phone. – Он снял трубку.

Общая часть содержания оригинала и перевода не только передает цель коммуникации, но и отражает одну и ту же внеязыковую ситуацию – *снять трубку* это и есть *ответить на звонок*. Мы наблюдаем:

1) несопоставимость лексического состава и синтаксической организации;

2) невозможность связать лексику и структуру оригинала и перевода отношениями семантического перефразирования или синтаксической трансформации;

3) сохранение в переводе цели коммуникации, поскольку, как мы уже установили, сохранение доминантной функции высказывания является обязательным условием эквивалентности;

4) сохранение в переводе указания на ту же самую ситуацию, что доказывается существованием между разноразличными сообщениями прямой реальной или логической связи, позволяющей утверждать, что в обоих случаях сообщается об одном и том же.

3-й тип – эквивалентность на уровне сообщения.

Scrubbing makes me bad-tempered. – От мытья полов у меня настроение портится.

При таком переводе сохраняется цель коммуникации, описывается та же ситуация и сохраняются общие понятия, с помощью которых эта ситуация обозначена в ИТ, хотя ни синтаксическая структура, ни слова в ПТ не воспроизводят синтаксической структуры и значений слов ИТ. Мы наблюдаем:

1) отсутствие параллелизма лексического состава и синтаксической структуры;

2) невозможность связать структуры оригинала и перевода отношениями синтаксической трансформации;

3) сохранение в переводе цели коммуникации и идентификации той же ситуации, что и в оригинале;

4) сохранение в переводе общих понятий, с помощью которых осуществляется описание ситуации в оригинале, то есть сохранение той части содержания исходного текста, которую мы назвали способом описания ситуации.

4-й тип – эквивалентность на уровне структуры высказывания.

I told him what I thought of her. – Я сказал ему свое мнение о ней.

Наряду с сохранением компонентов 3-го типа эквивалентности в данном типе имеет место воспроизведение в ПТ значительной части значений синтаксических структур оригинала, имеет место сохранение значений, заключенных в связях между языковыми единицами, но эквивалентности на уровне слов нет. Мы наблюдаем:

1) значительный, хотя и неполный параллелизм лексического состава – для большинства слов оригинала можно отыскать соответствующие слова в переводе с близким содержанием;

2) использование в переводе синтаксических структур, аналогичных структурам оригинала или связанных с ними отношениями синтаксического варьирования, что обеспечивает максимально возможную передачу в переводе значения синтаксических структур оригинала;

3) сохранение в переводе всех трех частей содержания оригинала, характеризующих предыдущий тип эквивалентности: цели коммуникации, указания на ситуацию и способа ее описания.

5-й тип – эквивалентность на уровне языковых знаков.

The house was sold for 10 thousand dollars. – Дом был продан за 10 тысяч долларов.

В данном типе имеет место максимальная степень близости содержания ИТ и ПТ, которая может иметь место между текстами на разных языках. Мы наблюдаем:

1) высокую степень параллелизма в структурной организации текста;

2) максимальную соотнесенность лексического состава: в переводе можно указать соответствия всем знаменательным словам оригинала;

3) сохранение в переводе всех основных частей содержания оригинала.

К четырем частям содержания оригинала, сохраняемым в предыдущем типе эквивалентности, добавляется максимально возможная общность отдельных сем, входящих в значения соотнесенных слов в оригинале и переводе. Степень такой общности определяется возможностью воспроизведения в переводе отдельных компонентов значения слов оригинала, что, в свою очередь, зависит от того, как выражается тот или иной компонент в словах ИЯ и ПЯ и как в каждом случае на выбор слова в переводе влияет необходимость передать другие части содержания оригинала.

Семантика слов, входящих в высказывание, составляет важнейшую часть его содержания. Слово в качестве основной единицы языка фиксирует в своем значении *сложный информативный комплекс*, отражающий различные признаки обозначаемых объектов (*предметно-логическое значение слова*), отношение к ним членов говорящего коллектива (*коннотативное значение слова*) и семантические связи слова с другими единицами словарного состава языка (*внутрилингвистическое значение слова*). Информация, составляющая семантику слова, неоднородна, и в ней могут выделяться качественно различные компоненты. Взятый сам по себе, любой из таких компонентов может быть воспроизведен средствами иного языка, но нередко одновременная передача в переводе всей информации, содержащейся в слове, оказывается невозможной, так как сохранение в переводе некоторых частей семантики слова может быть достигнуто лишь за счет утраты других ее частей. В этом случае эквивалентность перевода обеспечивается воспроизведением коммуникативно наиболее важных (доминантных) элементов смысла, передача которых необходима и достаточна в условиях данного акта межкультурной коммуникации.

Замена термина *уровень* термином *тип* снимает ряд трудностей, потому что *уровень* предполагает восхождение, что неуместно в переводе, и само понятие уровня предполагает качественную оценку.

Предложенные В.Н. Комиссаровым уровни – лишь способ описания возможных действий переводчика, модель, подсказывающая ему, в каких пределах и какой частью содержания оригинала он волен или не волен пожертвовать. Нельзя жертвовать целью, но нельзя и утверждать, что эквивалентность на уровне цели лучше, чем эквивалентность на уровне языковых знаков, и наоборот.

Тип как термин не вызывает никаких ассоциаций с иерархичностью, не содержит имплицитных оценок, поэтому данная модель дала новый толчок дискуссии проблемы эквивалентности в переводоведении. Кроме того, данная модель может быть охарактеризована как описательно-пропозициональная, потому что позволяет переводчику принять решение, какой степени близости, основанной на типе эквивалентности, он может достичь в переводе данного текста.

Список литературы

- Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2004. – 352 с.
- Бархударов, Л. С. Язык и перевод : (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
- Бархударов, Л. С. Курс лекций по теории перевода / Л. С. Бархударов, Я. И. Рецкер. – М. : Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз им. М. Тореца, 1968. – 263 с.
- Гак, В. Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ / В. Г. Гак // Тетради переводчика. – Вып. 16. – М. : Междунар. отношения, 1979. – С. 11–21.
- Комиссаров, В. Н. Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе) / В. Н. Комиссаров. – М. : Междунар. отношения, 1973. – 216 с.
- Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

- Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЧеРо, 1999. – 136 с.
- Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1975. – 721 с.
- Ревзин, И. И. Основы общего и машинного перевода / И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. – М. : Высш. шк., 1964. – 243 с.
- Рецкер, Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык / Я. И. Рецкер // Вопросы теории и методики учебного перевода : сб. ст. – М. : Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1950. – С. 156–183.
- Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М. : Междунар. отношения, 1974. – 216 с.
- Сдобников, В. В. Теория перевода / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 448 с.
- Тюленев, С. В. Теория перевода : учеб. пособие / С. В. Тюленев. – М. : Гардарики, 2004. – 336 с.
- Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие : для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Федоров. – 5-е изд. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
- Федоров, А. В. Введение в теорию перевода / А. В. Федоров. – М. : Изд-во литературы на иностр. языках, 1953. – 336 с.
- Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский ; пер. с англ. под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 129 с.
- Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. – М. : Воениздат, 1973. – 280 с.
- Catford, J. A linguistic theory of translation / J. Catford. – London : Oxford University Press, 1965. – 110 p.
- Nida, E. Toward a science of translation. With special reference to principles and procedures involved in Bible translating / E. Nida. – Leiden : Brill, 1964. – 331 p.
- Nord, Ch. Text analysis in translation. Theory, methodology, and didactic application of a model for translation-oriented text analysis / Ch. Nord. – 2nd ed. – Amsterdam ; New York : Rodopi, 2005. – 284 p.
- Schleiermacher, F. Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens / F. Schleiermacher // Das Problem des Übersetzens / Hrsg. H. J. Störig. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1963. – S. 38–70.

Лекция 5. ПРОЦЕСС ПЕРЕВОДА В КОММУНИКАТИВНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ И ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

1. Коммуникативная модель перевода.
2. Модель динамической эквивалентности.
3. Функциональная модель перевода.

1. Коммуникативная модель перевода

Во многих традиционных моделях перевода проявляется осознание того, что процесс перевода распадается на этап восприятия переводчиком ИТ и этап создания ПТ. Однако все признают и промежуточный, непосредственно не наблюдаемый, самый таинственный этап «черного ящика» – этап перехода от знаков ИЯ к знакам ПЯ, стараясь представить его с разным успехом и подробностями.

Ксередине 1960-х гг. в Лейпциге складывается школа трансляционной лингвистики. Основные ее представители – Отто Каде, Герт Егер и Альбрехт Нойберт. Теоретической базой школы стало понимание перевода как акта коммуникации. Основные позиции:

- вслед за Якобсоном исследователи исключают художественный перевод из предметной сферы переводоведения;
- дефиницию эквивалентности определяют в зависимости не от ситуации, а от языковой системы и предлагают свою типологию эквивалентности на основе структуры языка;
- вывели модель идеального транслятора – переводчика, обучаемого не на основе способностей, а по правилам «грамматики перевода»;

– основу контрастивных системно-языковых исследований Лейпцигской школы образовало понимание процесса перевода как коммуникативного акта, описываемого в терминах теории коммуникации (Прунч, 2015, с. 57).

Вначале Отто Каде рассматривает основные черты обычной, одноязычной коммуникации.

Модель коммуникации: кто говорит, что, кому и с каким эффектом.

Основные компоненты модели коммуникации:

- отправитель информации;
 - получатель информации, или говорящий и слушающий;
 - канал передачи информации, который может быть акустическим (слуховым), зрительным;
 - код – параметр коммуникативной информации, это запас определенных знаков и правил их соединения в речевой цепи;
 - сообщение (Botschaft, Nachricht, message);
 - нарушение связи (шумы в канале связи);
 - прагматическое значение (эффект, авторская интенция, цель и др.)
- (цит. по: Прунч, 2015, с. 51).

При обычной, *одноязычной коммуникации* ее участники О (отправитель) и П (получатель) владеют тождественным кодом, с помощью которого О кодирует определенное информационное содержание в форме текста. П декодирует текст и извлекает из него информационное содержание.

Информационное содержание – это не предметно-логическое содержание высказывания, а коммуникативная значимость языкового высказывания, которая проявляется в том, что определенная последовательность знаков способна оказывать определенный эффект-воздействие на П, приблизительно соответствующий определенному намерению О. Таким образом, элементарное условие успешной коммуникации – тождественность кодов О и П.

Коды О и П не бывают полностью идентичными:

- 1) знаки языка имеют способность к варьированию в определенных границах;

2) партнеры по кооперации имеют различия в языковом и внеязыковом опыте, что ведет к возникновению идиолектов;

3) имеют место диалектные, региональные, социальные влияния, которым в рамках языкового сообщества подвержены отдельные группы коммуникантов.

Отсутствие абсолютного тождества между кодами О и П не является препятствием для взаимопонимания между участниками коммуникации, поскольку всегда имеется часть кода, которая инвариантна, неизменна. Равенство кодов – относительная величина, их условного равенства достаточно для взаимопонимания между коммуникантами.

Особенности *двуязычной коммуникации* определяются тем, что О и П не владеют одинаковым кодом и нуждаются в посреднике. Поэтому акт коммуникации с посредником распадается на три этапа:

1. О как Отправитель № 1 + Транслятор как Получатель № 1 → Текст № 1 на ИЯ.

2. Перекодирование с ИЯ на ПЯ.

3. Транслятор как Отправитель № 2 + П как Получатель № 2 → Текст № 2 на ПЯ.

Поскольку для Каде условие успешной коммуникации – примерное соответствие воздействия на П намерению О, передаваемому с помощью отправляемого высказывания, участие идеального транслятора является абсолютным условием достижения нужной в данном акте коммуникации эквивалентности (Прунч, 2015, с. 52).

О. Каде подробно излагает составляющие *коммуникативной эквивалентности* и правила ее достижения, которым должен следовать идеальный транслятор (Probleme des übersetzungswissenschaftlichen Textvergleichs, 1981) (об эквивалентности подробно в лекции № 7 «Проблема эквивалентности перевода»).

2. Модель динамической эквивалентности

Проблема эквивалентности всегда выступает в качестве одной из базовых в моделировании перевода. Одной из самых удачных разработок стала **модель динамической эквивалентности**, предложенная Юджином Найда («К науке переводить») (Nida, 1964) и Чарльзом Тейбером (Nida, Taber, 1969) на основе огромного эмпирического материала – переводах Библии на разные языки в рамках деятельности Американского библейского общества (The American Bible Society). Ю. Найда занимал пост Исполнительного секретаря и научного консультанта отдела переводов, под руководством которого создавались переводы Библии на 200 языках семидесяти пяти стран. Перевод осуществлялся как шпагат между формальной и динамической эквивалентностью.

В основе представления Найда о необходимости различать данные два вида эквивалентности лежит убеждение в том, что совершенно точный перевод невозможен, однако очень близким может быть воздействие ПТ на получателя по отношению к воздействию ИТ на его получателя. Найда проводит следующую дифференциацию между данными типами эквивалентности:

Формальная эквивалентность имеет место, когда ПТ максимально привязан к ИТ и опирается на него с помощью формально корреспондирующих средств, то есть перевод ориентируется на отдельные элементы поверхностной структуры ИТ, он представляет собой попытку установить линейную связь именно между поверхностными структурами. Такой связи чаще всего не хватает, поэтому чтобы послание ИТ (*message*) адекватно передать в ином культурном контексте, необходимо добиться реакции целевой группы получателей, равной реакции соответствующей группы получателей ИТ.

Динамическая эквивалентность состоит, таким образом, в том, чтобы сохранить *послание, интенцию ИТ* и реализовать ее в ПТ так, чтобы добиться идентичной реакции. Высший ее критерий – *не тождествен-*

ность, а адекватность, соответствие реакции получателей ПТ, как ее ожидает О.

Определяя выбор между переводом-подстрочником, то есть буквальным переводом, и свободным переводом-парафразой, Найда выделяет основные цели, которые преследует переводчик: 1) передать информацию или 2) вызвать определенный тип поведения; кроме того, 3) учесть способность получателя понять ПТ.

Найда вводит 4 уровня понимания:

- 1) способность детей;
- 2) способность малограмотных;
- 3) способность среднеобразованного человека;
- 4) способность специалиста.

Все эти факторы определяют стратегию переводчика, выбор определенного типа эквивалентности между ИТ и ПТ – формальной или динамической (Гарбовский, 2004, с. 303).

При формальной эквивалентности переводчик ориентируется на ИЯ, форму и содержание ИТ. Такие переводы не всегда понятны среднему получателю без примечаний и комментариев, они интересны специалистам и располагающим инокультурными знаниями адресатам.

При динамической эквивалентности перевод, по Найда, выступает как «самый близкий естественный эквивалент исходного сообщения» (Nida, Taber, 1969, p. 129), при этом объяснения таковы:

- эквивалент* – ориентация на исходное сообщение,
- естественный* – на сообщение на ПТ,
- самый близкий* – объединяет обе указанные ориентации.

«Естественность» связана, по Найда, со следованием нормам ПЯ и целевой культуры в целом, соответствии контексту сообщения и соответствии уровню аудитории. «Естественность» связана, таким образом, с приспособлением к целевой культуре, и культурная адаптация как крайний случай динамической эквивалентности также присутствует в концепции Найда.

Очень большой проблемой является правильность понимания перлокутивной стратегии ИТ, заложенной автором/отправителем текста. Может ли вообще переводное сообщение вызвать у получателя реакцию, подобную той, которую вызвал ИТ?

И надо ли? И стоит ли?

Отметим, что оппозиция формальной и динамической эквивалентности присутствовала в переводе так же долго и так же навязчиво, как и оппозиция «буквальный/вольный перевод».

Формальная эквивалентность, сохраняющая черты иноязычности оригинала, самая лучшая, с позиций Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803): «Мы, немцы... почти не имеем читающей публики, без широкого национального вкуса (по сравнению с французами) и хотим видеть Гомера таким, какой он есть» (цит. по: Копанев, 1972, с. 179). Такие же взгляды имел и Гете (1749–1832): «Перевод, стремящийся к тождеству с оригиналом, приближается к подстрочнику и сильно облегчает понимание оригинала, таким образом... нас подтягивают к основному тексту...» (цит. по: Копанев, 1972, с. 189–192).

В эпоху глобализации актуальность постмодернистского стремления сохранить идентичность, «самость» оригинала усилилась на фоне общей установки на унификацию, стандартизацию многих дискурсов и коммуникативных процессов в целом.

Для Ю. Найда динамическая эквивалентность является предпочтительной, потому что перевод Библии связан с созданием самого большого в истории пропагандистского текста, и ориентирован он на очень среднего получателя. В более поздних работах Найда отказался от тотальной адаптации в пользу использования ссылок и примечаний, таким образом достигается максимально правильное понимание, но одинаковое воздействие не обеспечивается – сравните с рекламой и идеологическими текстами (экологи, антиглобалисты, новые эзотерические течения, секты, пропаганда здорового образа жизни, борьба с наркоманией, сетевой маркетинг в разных формах и т. п.).

3. Функциональная модель перевода

Понимание акта перевода как акта коммуникации все более сильно влияло на то, что не только и не столько лингвистика определяла возникновение и развитие новых моделей перевода. Теория речевых актов, которая сама появилась на свет в трудах не лингвиста, а логика и философа Джона Остина, выявила примат цели в любом акте коммуникации, и интенция отправителя стала одной из нескольких задействованных в акте установок. В основе концепции Джона Остина лежит мысль о том, что главной целью философского исследования является прояснение выражений обыденного языка, и его «препарирование» речевого акта сыграло значимую роль в анализе составляющих коммуникативного процесса.

Поворотным моментом в истории переводоведения XX в. стали книга немецких переводоведов Ханса Хенига и Пауля Кусмауля «Стратегия перевода» (Hönig, Kußmaul, 1982) и Катарины Райс и Ханса Вермеера «Основы общей транслатологии» (Reiß, Vermeer, 1984).

Стратегии имеют смысл, если задана цель.

Хениг и Кусмауль ориентируются на установки этнолингвистики и приходят к пониманию того, что:

- язык не решает, что можно и нужно сказать, а только предоставляет материал;
- текст представляет собой вербализованную часть социокультуры, и его невозможно освободить от этой обусловленности, если не знать, для чего это должно произойти.

В отличие от Найда, Хениг и Кусмауль анализируют перевод не «священных» текстов, а тексты из обычной переводческой практики – и тексты эти можно обозначить как обусловленные и культурой, и конвенциями производства текста в рамках конкретного дискурса.

Большое влияние на данном этапе развития теории перевода оказала на моделирование процесса перевода теория речевых актов, в которой языковая форма служит для достижения определенной цели, а в переводе

корректная языковая форма задается тем, как данная цель может быть вербализована в целевой культуре.

Так, весьма показательным стал пример перевода фразы прощания на зимних Олимпийских выборах в Инсбруке:

Auf Wiedersehen in Lake Placid!

Good bye in Lake Placid!

Варианты

See you...

So long...

We'll meet again in Lake Placid!

не были использованы...

Следуя достижению цели, переводчик становится не пассивным трансформатором текста, а соучастником, сотворцом коммуникативного процесса, и его действия, то, как он *handelt und verwandelt* (*действует и преобразует*), происходит на основе ситуативной обусловленности процесса перевода. Решающими факторами являются целевая публика, ее культура и пресуппозиция – ее осведомленность и отношение к ситуации.

Кроме того, огромное значение имеет переводческое задание, и поэтому Хениг и Кусмауль предлагают следующие этапы процесса перевода:

1) переводчик воспринимает ИТ как переводчик и соотносит его с ситуацией как переводчик;

2) переводчик уточняет переводческое задание-заказ и устанавливает коммуникативную функцию ПТ;

3) переводчик на основе установленной функции определяет **степень необходимой детализации и дифференциации**:

Когда умер отец, мать не могла позволить себе оправить сына в Итон.

Когда умер отец, мать не могла позволить себе оправить сына в одну из дорогих частных школ.

Когда умер отец, мать не могла позволить себе оправить сына в Итон, одну из дорогих частных школ, выпускники которой большей частью входят в политическую и экономическую элиту;

4) переводчик оформляет ПТ в соответствии с определенной степенью детализации и конвенциями данного типа текстов в целевой культуре.

К. Райс и Х. Вермеер в своей модели – скопос-теории – также отказываются от равенства функций ИТ и ПТ. Данная теория базируется исключительно на общей теории деятельности, и лингвистических позиций в сосюрровском понимании в ней нет. «В скопос-теории транслят² понимается не только как феномен языка, но и как элемент коммуникативного действия в данной ситуации» (Vermeer, 1989).

Итак, основные позиции скопос-теории:

1. Доминантой перевода является его цель.
2. В переводе действует принцип «цель оправдывает средства».
3. Скопос – это целеполагание, цель перевода.
4. Цель задается адресатом (Прунч, 2015, с. 161–178).

Таким образом, в данной теории произошло смещение в сторону ПТ, и ИТ понимается не как набор поверхностных структур, а как определенный объем информации, который нужно «пересадить» в целевую культуру, в рамках которой транслят должен быть интерпретируемым и осмысленным для получателя.

Так происходит «свержение с трона» ИТ, потому что он – всего лишь *ein Ausgangstext* (один из возможных вариантов исходного текста), а переводчик – всего лишь один из многих возможных интерпретаторов, который предпринимает интерпретацию с точки зрения функции ПТ.

Таким образом, данная теория отказалась от традиционного в переводе требования эквивалентности. Райс и Вермеер рассматривают процесс перевода как подбор поверхностных структур транскодированием, и в качестве примеров дают такие варианты перевода:

ИТ	Транскодирование	Коммуникативный перевод
Dear Sir	Lieber Herr	Sehr geehrter Herr...
Good afternoon	Guten Nachmittag	Guten Tag/Abend
Love	Liebe	alles Liebe, Tschüss

² Транслят – текст перевода.

Для определенного скопоса правильным может быть и транскодирование, если есть такое переводческое задание.

Эквивалентность в понимании Райс и Вермеера состоит в том, что ПТ способен выполнить необходимую коммуникативную функцию на заданном уровне, а **адекватность** – отношение между ИТ и ПТ при условии последовательного учета цели – скопоса перевода. Поэтому **эквивалентность – всего лишь особый вид адекватности**.

Пример:

Le general de Gaulle est mort. La France est veuve.

General de Gaulle ist tot. Frankreich ist eine Witwe.

De Gaulle ist tot. Frankreich ist verwaist (Prunč, 2007, S. 150).

Генерал де Голль мертв. Франция стала вдовой.

Де Голль умер. Франция осиротела.

Примеры: ПТ как заказ для дублирования фильма, как новое название фильма, книги, реферирование в устном, особенно синхронном переводе.

Райс и Вермеер первыми используют термин «культурный трансфер» и понимают культуру как совокупность норм и конвенций поведения общества и результатов данного обусловленного нормами и конвенциями поведения.

Кроме того, Вермеер указывает на важность учета диакультур – культур отдельных социальных групп, и диокультур – культур отдельных личностей, что нельзя отрицать, но не совсем реально использовать в переводческой деятельности.

Ютта Хольц-Мянттари (германо-финский лингвист и переводовед, автор теории переводческого действия) предложила концепцию коммуникативной деятельностной системно-теоретической социотранслятологии, согласно которой переводчик является **экспертом** (Holz-Mänttari, 1984).

В этой концепции модель перевода не учитывает ориентацию на оригинал.

В любом обществе поведение человека определяется тремя группами факторов:

1) общественные факторы (особенности культуры);

2) ситуативные (внешние общества);

3) индивидуальные (здоровье человека и т. д.) (Комиссаров, 1999, с. 101).

Цель, форма и содержание текста, который создается переводчиком, обусловлены культурой, сознанием переводчика. Если различие между культурой ИЯ и ПЯ большое, то заказчик может почувствовать себя недостаточно компетентным, и тогда он обращается к переводчику, который в этом разбирается.

Мы живем в обществе с разделением труда. Деятельность переводчика относят к *экспертной деятельности*. Хольц-Мянттари приходит к выводу, что создание перевода должно предполагать согласование между всеми заинтересованными лицами на всех этапах создания оригинала и использования данного текста.

Например: для поставки компьютеров создается группа экспертов, куда входит и переводчик, так как он знает особенности культуры той страны, куда поставляют компьютеры. С другой стороны, есть пользователь компьютера и получатель текста. Деятельность переводчика оценивается функционально, исходя из решения конкретной группы людей (начальник экспортного отдела, инженер и т. д.), а не из структуры текста оригинала. При этом, учитывая факторы культуры и языка, перевод понимается как процесс коммуникации с партнером из другой культуры. Именно требования культуры ПЯ определяют сущность, содержание и форму перевода.

Основные характеристики этой модели:

- тексты существуют не просто так, а имеют свою историю, традицию, жанр;
- барьеры между культурами носят не только языковой характер, содержание и форма текста определяются не только грамматикой и стилистикой, но и всеми особенностями культуры (сюда относятся формы вежливости, темы, на которые можно и нельзя говорить);
- текст перевода является полноправным текстом, хотя и опирается на оригинал, но должен функционировать независимо;

- переводчики, как эксперты, несут ответственность за свою деятельность, которую заказчик не выполнил бы без их помощи.

Таким образом, условием деятельности переводчика также является цель перевода. Переводчик является специалистом в области создания текста, который в случае необходимости сотрудничает с другими людьми (юристами, техниками).

Профессионализм переводчика определяется следующими компетенциями:

- 1) умение анализировать коммуникативную ситуацию заказчика (получает он заказ от переводческого бюро или непосредственно от пользователя текста), ситуацию автора исходного текста и получателя перевода в рамках соответствующей культуры. Только на основе такого анализа переводчик может определить условия своей работы;

- 2) умение создавать тексты, быть их «дизайнером». Для этого он должен знать, как в культуре получателя говорят о предмете его перевода;

- 3) умение вести исследовательскую работу для того, чтобы приобретать необходимые знания и сделать наиболее адекватный перевод (Комиссаров, 1999, с. 101).

Новое в модели Хольц-Мянттари – понимание того, что деятельность переводчика является общественной; на нее оказывают влияние многие неязыковые факторы; переводчик должен выполнить много функций как эксперт, уметь аргументировать свои решения и работать в определенном коллективе.

Список литературы

Гарбовский, Н. К. Теория перевода : учебник / Н. К. Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.

Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЧеРо, 1999. – 136 с.

Копанев, П. И. Вопросы теории и истории художественного перевода / П. И. Копанев. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1972. – 296 с.

- Прунч, Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической : пер. с нем. / Э. Прунч. – М. : Р. Валент, 2015. – 512 с.
- Holz-Mänttäri, J. Translatorisches Handeln. Theorie und Methode / J. Holz-Mänttäri. – Helsinki : Suomalainen Tiedekatemia, 1984. – 193 S.
- Hönig, H. G. Strategie der Übersetzung: Ein Lehr- und Arbeitsbuch / H. G. Hönig, P. Kußmaul. – Tübingen : Narr, 1982. – 172 S.
- Nida, E. The theory and practice of translation / E. Nida, Ch. R. Taber. – Leiden : Brill, 1969. – VIII, 220 p.
- Nida, E. Toward a science of translation. With special reference to principles and procedures involved in Bible translating / E. Nida. – Leiden, 1964. – 331 p.
- Probleme des übersetzungswissenschaftlichen Textvergleichs / Hrsg. O. Kade. – Leipzig : VEB Enzyklopädie, 1981. – 140 S. – (Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 4).
- Prunč, E. Entwicklungslinien der Translationswissenschaft: von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht / E. Prunč. – Berlin : Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2007. – 440 S.
- Reiß, K. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie / K. Reiß, Hans J. Vermeer. – Tübingen : Niemeyer, 1984. – 253 S.
- Vermeer, Hans J. Skopos und Translationsauftrag / Hans J. Vermeer. – Heidelberg : Groos, 1989. – 164 S.

Лекция 6. ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ / НЕПЕРЕВОДИМОСТИ / ВСЕПЕРЕВОДИМОСТИ

1. Переводимость как языковой и культурный феномен.
2. Инвариант перевода. Функциональные доминанты текста и перевод.
3. Буквальный и вольный перевод.

1. Переводимость как языковой и культурный феномен

Проблема переводимости – одна из старейших проблем перевода, она обсуждается с глубокой древности. Переводимость рассматривается как предпосылка эквивалентности перевода и понимается как принципиальная возможность перевести какой-либо текст.

На обиходном уровне некоторые тексты объявляются непереводаемыми, это, прежде всего, художественные тексты, однако сложность соблюдения эстетики, художественной формы одно, а переводимость – нечто другое.

Сначала непереводаемыми считались сакральные тексты, затем в эпоху Средневековья – светские, поскольку полная симметрия между разными семантическими системами невозможна.

Данте Алигьери (1265–1321): «Пусть каждый знает, что нечто, заключенное в целях гармонии в музыкальные основы стиха, не может быть переведено с одного языка на другой без нарушения всей его гармонии и прелести» (цит. по: Чуковский, 1968, с. 182).

Сервантес (1547–1560) говорит о том, что перевод похож на изнанку ковра: «Перевод с одного языка на другой, если только это не перевод с языка греческого или же с латинского, каковые суть цари всех языков, – это все равно, что фламандский ковер с изнанки: фигуры, правда, видны,

но обилие нитей делает их менее явственными, и нет той гладкости, и нет тех красок, которыми мы любуемся на лицевой стороне, да и потом, чтобы переводить с языков легких, не надобно ни выдумки, ни красот слога, как не нужны они ни переписчику, ни копиисту» (Сервантес, 1988, с. 331).

Грамматика *Пор-Рояля* (книга, изданная аббатами монастыря Пор-Рояль Антуаном Арно и Клодом Лансло в 1660 г., стала первым фундаментальным грамматическим сочинением, относимым к универсальным грамматикам, в которых грамматические категории объясняются через категории мышления и восприятия человеком действительности) (Арно, Лансло 1990) провозгласила установление принципов, присущих всем языкам, предпринимались попытки создать универсальный язык. Философы Просвещения *Декарт*, *Лейбниц*, *Вольф* утверждали, что все языки есть лишь вариации некоего общего *lingua universalis*, и для перевода важна лишь общность понятий (Алексеева, 2004, с. 133).

Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835), опираясь на идеи антропологического подхода к языку, тесной связи языка, мышления и «духа народа», писал своему другу Августу Шлегелю: «Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из подводных камней, слишком точно придерживаясь либо подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно» (цит. по: Cauer, 1914, S. 4).

Язык уникальных произведений, греческих трагедий, к примеру, отражает дух и мышление народа, и в этом смысле языки лишь синонимичны, составляющие их слова не могут быть признаны эквивалентными словам другого языка (исключения – обозначения физических объектов), поэтому возможность полноценного перевода сомнительна, однако Гумбольдт сам переводит трагедии Эсхила, и все эти сомнения мы читаем в предисловии к «Агамемнону» в его переводе. Таким образом, полноценный перевод невозможен. Идеи Гумбольдта развивал и Лео

Вайсгербер, утверждавший, что каждый язык содержит уникальную «картину мира», определяющую мировосприятие говорящих на этом языке (Вайсгербер, 1993).

В российской лингвистике идеи Гумбольдта поддержал Александр Афанасьевич Потебня, который подчеркивал принципиальную асимметричность языков – непереводимы, по его мнению, остроты – исчезает «соль», а мысли не совпадают (Потебня, 1895).

В. Белинский говорил о границах переводимости, критикуя перевод «Илиады» Н. Гнедича, он отмечал, что только греческий язык мог выразить греческое содержание, и на всех других языках «Илиада» – засушенное тропическое растение, хотя и сохранившее, по возможности, и блеск красок, и ароматический запах» (Белинский, 2012).

В 1930-е гг. в США Эдвардом Сепиром и Бенджамином Л. Уорфом была разработана *теория лингвистической относительности* (гипотеза Сепира – Уорфа, принцип лингвистического детерминизма/ релятивизма), согласно которой структура языка определяет структуру мышления и тот способ, каким человек, говорящий на данном языке, познает окружающий его мир.

Ученые возвели язык в абсолют, в силу, которая формирует мир, но язык сам является результатом отражения человеком объективного мира. Различия в членении мира возникают в период первичного образования единиц языка и обуславливаются ассоциативными различиями, унаследованным от прошлых эпох языковым материалом и влиянием других языков. В решении проблемы переводимости в теории перевода данная гипотеза стала основой теории непереводимости. Она противостоит теории всепереводимости, или абсолютной переводимости.

В XX в. всех «успокоила» порождающая грамматика Н. Хомского, но для нас особую значимость имеет принцип переводимости, обоснованный А.В. Федоровым, и его доводы таковы:

- мышление людей принципиально схоже вне зависимости от национальной и этнической принадлежности;

- категории мышления универсальны;
- потери в переводе связаны с планом выражения, языковой формой, содержание может быть донесено до получателя перевода описательно;
- при передаче формы больше всего страдают тексты, близкие к художественным, а таких в общем объеме современных переводов немного;
- возможность перевода подтверждает история человечества (Федоров, 2002, с. 141).

Сегодня мы учитываем классическую схему деления на переводимость и непереводимость в следующем ключе.

За **непереводимость** говорят:

- 1) неодинаковая категоризация деятельности в разных языках (грамматические категории, различие в объеме семантики – например, *рука* в переводе на английский и немецкий);
- 2) этнографические лакуны – реалии;
- 3) игра слов (Федоров, 2002, с. 156). Например:

Человек пришел посмотреть на похороны королевы с некоторым опозданием.

– *I'm late?*

– *Not you, sir. She is.*

У слова *late* два значения, и на вопрос *Я не опоздал?* возможен ответ в значении этого слова *покойник*. Как выразить? Обыгрывается нечто среднее типа: – *Все кончено?* – *Не для вас, сэр, для нее;*

- 4) заимствования, которых нет в ПЯ как интернационализмов (*эминировать*);

5) авторские установки на языковые трюки и заумь (Слоган кандидата в депутаты Бундестага Маттиаса Ильгена – «AMERICA FIRST? ILGEN FÖRSTER!». Языковая игра основана на созвучии двух слов, относящихся к разным языкам, но сходных по звучанию: английского *first* («первый») и немецкого *Förster* («лесник»). Смысл слогана – роль Ильгена как борца против вмешательства США в политическую жизнь ФРГ, ведь фраза

«America first» («Америка прежде всего») относится к внешнеполитической позиции США);

б) диалекты в тексте как значимые единицы ИТ (герои Шолохова в переведенных на немецкий язык фильмах говорят на баварском диалекте).

За **переводимость** говорят:

1) возможность описания значений слов;

2) приемы компенсации потерь;

3) способы передачи более крупных отрезков текста при невозможности перевода отдельных деталей.

Однако любой процесс коммуникации сопровождается некоторыми потерями, и они не препятствуют процессу общения. Как писал Ю. Найда, «потеря информации является частью любого процесса коммуникации, и, таким образом, потери некоторой части информации при переводе не должны удивлять и не должны служить основанием для сомнений в возможности перевода» (цит. по: Сдобников, Петрова, 2007, с. 120).

Таким образом, проблема переводимости сводится к вопросу о степени подобия оригинала и перевода как максимально возможного теоретически + реально достижимого в конкретных условиях осуществления процесса перевода.

И.С. Алексеева совершенно справедливо полагает, что принципы абсолютной переводимости и абсолютной непереводимости недостаточно полно отражают реальную картину «всепереводимости» языков, поскольку им недостает динамичности. Любой язык – это гибкое, многогранное образование, и как и культура, он подвержен постоянным изменениям (Алексеева, 2004, с. 133). Переводимость сегодня в очень большой степени зависит от межкультурной коммуникации в целом, от того, насколько диалог культур соответствует запросам жизни общества в разных сферах, насколько лингвокультурные концепты открыты или закрыты для понимания носителями контактной культуры, и поэтому представляется логичным признать правоту **Вернера Колера**, предложившего **принцип относительной переводимости**:

«Взаимообусловленная связь: язык как отдельно взятый язык – мышление – восприятие действительности – представляется динамичной и постоянно меняющейся. Границы, которые устанавливают для познания язык и интерпретации действительности, оформленные с помощью языка, сразу находят свое отражение в процессе познания, они изменяются и расширяются, эти изменения, в свою очередь, отпечатываются в языке. Языки, и, соответственно, носители языков обладают креативностью, которая выражается, среди прочего, и в методах перевода, с помощью которых заполняются пробелы в лексической системе ПЯ. Следовательно, переводимость не только относительна, но и всегда прогрессивна: **переводя, мы одновременно повышаем переводимость языков**» (цит. по: Алексеева, 2004, с. 134, выделено мной – В.М.).

2. Инвариант перевода.

Функциональные доминанты текста и перевод

Что отличает перевод от пересказа, аннотации, реферирования материала, что должно оставаться неизменным при всевозможных трансформациях текста, переводимого с одного языка на другой? Что заставляет нас признать один текст переводом другого? Считается, что перевод – иноязычная копия ИТ, и большая степень отклонений от ИТ, не оговоренная переводческим заданием, приводит к выводу о том, что перевод плохой. Таким образом, при переводе должно сохраниться то, что определяет обязательное присутствие при разных предъявлениях текста – инвариант перевода как то, что сохраняется при переходе от ИТ к ПТ.

Инвариант – выражение, остающееся неизменным при определенном преобразовании переменных, связанных с этим выражением (как гласит математическое определение, его и приводит Л.Л. Нелюбин (Нелюбин, 2009, с. 60).

Инвариант текста – «совокупность его функциональных характеристик, коммуникативное задание» (Латышев, 1981, с. 87).

По мнению Бархударова, *инвариант в переводе* – «общность семантического содержания исходного текста и текста перевода» (цит. по: Миньяр-Белоручев, 1980, с. 35).

А.Д. Швейцер: «В процессе перевода неизменным остается или, во всяком случае, должно оставаться *функциональное содержание* (здесь и далее выделено нами. – В. М.) исходного сообщения, т.е. его *смысловая сторона* (как семантическая, так и прагматическая), определяемая коммуникативной установкой и функциональными характеристиками переводимого высказывания и, что не менее важно, соотношением между ними» (Швейцер, 1973).

Однако нельзя ограничиваться семантикой, нужна и *ситуация*, потому что содержание – это та информация, которая воспринимается получателем и оказывает на него воздействие, это тот материал, который используется для данного воздействия.

Содержание и функция текста – это разные вещи, потому что всякая информация, закодированная языком, представляет собой текст, у которого есть свойство вызывать определенный коммуникативный эффект, реакцию адресата, это и есть его функция, коммуникативное задание, как мы это уже увидели в определении Латышева. Функция текста, реализуемая через содержание, должна получить уточнение в речевой ситуации:

– *Ну ты молодец!* (роль интонации).

– *Оплачиваем проезд, кто еще вошел!* – *Wer ist noch zugestiegen?*

Коммуникативное задание реализуется только в соотношении содержания и ситуативного контекста.

Как можно представить содержание?

1. Предметы и явления – денотаты.
2. Их образы в сознании – сигнификаты.
3. Люди – интерпретаторы.
4. Языковой код как система.
5. Ситуативный контекст – единство предметной и речевой ситуации.

Таким образом,

денотативное содержание – общая соотнесенность текста с реальным миром, не зависящая от лингвокультурных особенностей;

сигнификативное содержание – зафиксированная соотнесенность отражения денотатов носителями лингвокультуры (элементы данного содержания называют сигнификативными коннотациями):

- 1) устойчивые ассоциации: *осел* – упрямство, глупость; *снег* – белизна;
- 2) соотнесенность с определенным периодом в истории: *околоточный*, *группенфюрер*;
- 3) идеологическая оценочность: *рука Москвы*;
- 4) соотнесенность с социальной средой: *оклад*, *зарплата*, *денежное содержание*, *жалованье*, *гонорар*;
- 5) экспрессивно-оценочная окраска: *девушка* – *телка* – *бабец*;
- 6) указание на регистр общения: *официальный доклад*, *беседа друзей*, *научная дискуссия*.

Интерпретативное содержание – та часть содержания, которая связана с индивидуальным толкованием при порождении текста и при его восприятии; интерпретация содержания происходит в 4 этапа:

- 1) порождение источником;
- 2) восприятие переводчиком;
- 3) перевыражение переводчиком;
- 4) восприятие адресатом.

К данному виду содержания относятся аллюзии как намеки на события, прецедентные тексты, пословицы (*Рубикон*, *маниловщина*, *Бородино*).

Внутриязыковое содержание – соотнесенность языковых знаков между собой и внутри языкового кода, не выходя за рамки данного языка.

Данные связи внутри языка носителями не осознаются, и только в переводе важен род существительных, если он значим, а также вид глагола, артикль и т. п.

Таким образом, **инвариант перевода** – это соотношение содержания текста и ситуативного контекста, разное для каждого конкретного текста и

представляющее его коммуникативное задание. Это соотношение и должен передать переводчик в переводе (Алексеева, 2004, с. 135–137).

Инвариант в переводе – это нечто общее, присущее всем вариантам перевода и тексту оригинала, нечто такое, что остаётся неизменным при переводе на другой язык или языки.

3. Буквальный и вольный перевод

То, насколько инвариант сохранен в переводе, принято определять с помощью проекции перевода на оппозицию **буквальный перевод :: вольный перевод**. Эта дихотомия обсуждается с античности, мы помним и рассуждения Цицерона, и Иеронима («слово в слово» // «смысл в смысл»).

Стремление воспроизвести в ПТ сумму формальных или семантических компонентов ИТ приводит к тому, что в итоге получается **буквальный перевод**, а желание установить соответствия между текстами на уровне квантов ключевой информации, независимо от формальных и семантических компонентов, приводит к **вольному переводу**. На практике они чередуются в пределах одного текста и даже предложения как результат поиска варианта, подходящего для нормы ПЯ.

Буквальный, или **дословный, пословный перевод**, может и нарушать, и не нарушать нормы ПЯ. Если не нарушает, то этот буквальный перевод – простая подстановка, и фраза вполне нормальна:

Мой брат живет в Москве. – My brother lives in Moscow. – Mein Bruder wohnt in Moskau.

Если же перевод нарушает нормы ПЯ, то это – буквалистский П.

Основные признаки:

- сохранение синтаксической структуры оригинала;
- минимальная перестройка предложений;
- прямые словарные соответствия;
- ориентация на форму оригинала.

Пример:

He made a decision.

Он сделал решение.

Он принял решение.

Буквальный перевод демонстрирует, что формальное соответствие не всегда равно естественности.

Преимущества буквального перевода:

- точность формулировок (важно в юридических, технических, научных текстах);

- сохранение терминологии;
- прозрачность структуры оригинала.

- **Недостатки:**

- возможная неестественность;
- нарушение норм языка перевода;
- искажение смысла при наличии идиом.

Вольный перевод почти всегда искажает содержание ИТ (купюры, привнесение новой информации), но не нарушает норм ПЯ, поскольку переводчик свободен в выборе средств для производства красивой законченной фразы. Это передача содержания текста с приоритетом смысла, стилистического эффекта и читательского восприятия над формой оригинала.

Вольный перевод – не всегда и зачастую вовсе не результат перевода – творческого преобразования, потому что он должен быть оправдан, как, к примеру, в ситуации перевода пословиц:

Назвался груздем, полезай в кузов. – Noblesse oblige.

Основные признаки:

- изменение структуры предложения;
- замена идиом аналогами;
- адаптация культурных реалий;
- ориентация на читателя.

Пример:

Английское выражение:

It's raining cats and dogs.

Буквальный перевод:

Дождь идёт кошками и собаками.

Вольный перевод:

Льёт как из ведра.

Преимущества вольного перевода:

- естественность звучания;
- адекватная передача идиом и образности;
- сохранение эмоционального воздействия.

Недостатки:

- риск отхода от авторского замысла;
- субъективность переводчика;
- возможная утрата стилистических особенностей оригинала.

Гиви Гачечиладзе, известный специалист в области изучения теории перевода, подчеркивает, что «как показывает история, художественный перевод (выделено нами. – В. М.) колеблется между двумя крайними принципами: дословно точный, но художественно неполноценный перевод и художественно полноценный, но далекий от оригинала, вольный перевод» (см.: Гачечиладзе, 1980). Он полагает, что при всей привлекательности свободы творчества подражание не есть перевод, и свобода творчества не должна выходить за рамки перевода.

Афоризмы о художественном переводе.

Поэзия – то, что гибнет в переводе (Роберт Фрост).

Читать поэзию в переводе – все равно что целовать женщину через вуаль (Джозеф Джейкобс).

Переводы как женщины: если верны, то некрасивы, а если красивы, то неверны (Сафир Мориц-Готлиб).

Оригинал неверен по отношению к переводу (Хорхе Луис Борхес).

Русские переводчики с английского – ослы просвещения (Владимир Набоков).

Перевод – это автопортрет переводчика (Корней Чуковский).

Переводчики – почтовые лошади просвещения (Александр Сергеевич Пушкин).

Нет ничего такого, что нельзя было бы извратить плохим пересказом (Теренций Публий).

Раньше я все время удивлялся: Почему наше село Гадюшкино англоязычные Боголюбовым называют? Пока не узнал, что наше «гад» по-английски «бог» означает (Владимир Борисов).

Хороший переводчик переводит любые слова, а отличный – только нужные (Аврелий Марков).

Переводчик в прозе – раб, переводчик в стихах – соперник (В.А. Жуковский).

Мало что на свете может сравниться со скукой, которую вызывает в нас хороший перевод (Марк Твен).

Гюго Виктор – автор знаменитого романа «Notre Dame de Paris», вышедшего на русском языке под заглавием «Наши дамы из Парижа» (Аркадий Аверченко).

Переводы – это цветы под стеклом (Вольфганг Менцель).

Перевод – всегда комментарий (Лео Бек).

Переводил со всех языков на суконный (Эмиль Кроткий).

Переводы очень похожи на оборотную сторону вышитых по канве узоров (Пьер Буаст).

Есть много способов перевести книгу; лучший из них – поручить это дело переводчику (Дмитрий Пашков).

От перевода страдают все, кроме епископа (Филипп Дормер Стенхоп Честерфилд).

Точный перевод с языка одной страны на язык другой так же затруднителен, как и конвертирование валют этих стран (Валерий Афонченко).

Забавно, когда одна и та же фраза в разных переводах – кто как понял, тот так и переврал (Игорь Карпов).

Список литературы

- Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2004. – 352 с.
- Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля: Пер. с франц., коммент. и послесл. Н. Ю. Бокадоровой / Общ. ред. и вступ. ст. Ю. М. Степанова. – М.: Прогресс, 1990. – 272 с.
- Белинский, В. Г. Публицистика / В. Г. Белинский. – М. : Директ-Медиа, 2012. – 1801 с.
- Вайсгербер, Й. Л. Язык и философия / Й. Л. Вайсгербер // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2.
- Гачечиладзе, Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Г. Гачечиладзе. – 2-е изд. – М. : Сов. писатель, 1980. – 256 с.
- Латышев, Л. К. Курс перевода (эквивалентность перевода и способы ее достижения) / Л. К. Латышев. – М. : Междунар. отношения, 1981. – 247 с.
- Миньяр-Белоручев, Р. К. Общая теория перевода и устный перевод / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Воениздат, 1980. – 237 с.
- Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 320 с.
- Потебня, А. А. Язык и народность / А. А. Потебня // Вести Европы. – 1895. – Т. IX (Сентябрь). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_158.shtml. – Загл. с экрана.
- Сдобников, В. В. Теория перевода : [учеб. для студентов лингв. вузов и фак. иностр. яз.] / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 448 с.
- Сервантес Сааведра, М. де. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский. В 2 ч. Ч. 2 / М. де Сервантес Сааведра ; пер. Н. Любимова. – М. : Худож. лит., 1988.

- Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие : для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Федоров. – 5-е изд. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
- Чуковский, К. И. Высокое искусство / К. И. Чуковский. – М. : Сов. писатель, 1968. – 384 с.
- Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. – М. : Воениздат, 1973. – 280 с.
- Cauer, P. Die Kunst des Übersetzens / P. Cauer. – Berlin : Weidmann, 1914. – 178 S.
- Whorf, B. L. Language, thought, and reality / B. L. Whorf. – New York : MIT Press, 1964. – 278 p.

Лекция 7. ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА

1. Понятие эквивалентности.
2. Модели переводческой эквивалентности.
3. Типология эквивалентности Вернера Коллера в переводе: денотативная, коннотативная, текстово-нормативная, прагматическая, формально-эстетическая.

1. Понятие эквивалентности

Переводчики всегда стремились к максимально возможному, близкому соответствию перевода оригиналу. В современном переводоведении такое соответствие рассматривается в рамках понятия эквивалентности.

Эквивалент (от лат. *aequis* «равный» и *valeus* «действенный») – равнодейственный элемент, «предмет или количество, равноценные, равнозначные или соответствующие в каком-либо отношении другим и могущие служить им выражением или заменой; эквивалентный – равнозначный; эквивалентность – равноценность» (см.: Краткая философская энциклопедия, 1994).

Термин заимствован из математики и формальной логики.

В теории перевода под эквивалентностью понимается абстрактное требование равноценности, но не тождественности определенных аспектов в оригинале и переводе.

Отметим, что понятие эквивалентности перевода включает представление и о результате перевода, и о средствах достижения этого результата.

Достаточно долго сильное влияние на понимание эквивалентности имело представление о тексте как арифметической сумме элементов,

из которых каждый в отдельности мог быть воспроизведен в переводе. Поэтому периодически возникало сомнение в возможности перевода вообще – этому способствовали и изучение лингвоэтнической специфики, природы знака, психологии коммуникации и т. п. Выяснилось, что посредством перевода невозможна ни полная передача информации, ни полное воспроизведение единства текста. Нельзя сказать, что перевод вообще невозможен, но следует подчеркнуть, что перевод не есть абсолютная иноязычная копия оригинала, то есть эквивалентность перевода предусматривает достижение максимального подобия. Теория эквивалентности – это теория возможного, исходя из очень субъективного фактора – компетентности переводчика.

На начальном этапе ТП интерпретировала понятие эквивалентности:

- на уровне отдельных лексических единиц, то есть эквивалентность подразумевала определенное отношение между лексическими единицами ИЯ и ПЯ;

- понятие эквивалентности не переносилось на межтекстовые отношения, под эквивалентностью понималось постоянное равнозначное соответствие, которое не зависело от речевого контекста (Рецкер, 1974, с. 10).

В таком подходе явно просматривается влияние сопоставительной системной лингвистики. Процесс перевода как субституция знаков одного языка знаками другого зиждился на понимании языка как системы. С другой стороны, переводчики начинают понимать, что определение эквивалентности как отношения между единицами языков не отражает всю полноту, многогранность этого явления.

«Такой подход является статичным, абстрактным» (Snell-Hornby, 1988). Такой подход оправдан при переводе-подстановке (перевод специальных текстов в разных отраслях экономики, науке, праве, медицины и т. д.), но есть и другие виды текстов.

Эквивалентность перевода неизбежно связана с функцией речи, которую он обслуживает, и для ее определения и классификации большую роль сыграла классификация речевых функций **Романа Якобсона** (1896–

1982, российский и американский лингвист, педагог и литературовед, один из крупнейших лингвистов XX века), которая позволяет указать на наиболее общие аспекты содержания высказывания и определить лингвистическую реальность явления, которое мы назвали целью коммуникации. Таким образом, цель коммуникации, сохранение которой лежит в основе эквивалентности переводов заданного типа, может быть интерпретирована как часть содержания высказывания, выражающая основную или доминантную функцию этого высказывания. Отдельные отрезки текста могут иметь различные цели коммуникации. Вместе с тем возможно существование общей цели коммуникации для всего текста значительной величины или даже для ряда текстов определенного типа.

В любом акте коммуникации, по Р. Якобсону, обязательно присутствуют 6 компонентов:

- 1) отправитель сообщения;
- 2) адресат;
- 3) референт (то, о чем идет речь в сообщении);
- 4) канал связи;
- 5) языковой код;
- 6) сообщение, имеющее определенную форму.

Высказывание, с помощью которого осуществляется коммуникация, может быть преимущественно ориентировано на один из этих компонентов.

Соответственно классифицируются основные речевые функции:

- 1) *эмотивная функция* (выражение чувств отправителя);
- 2) *волеизъявительная/побудительная функция* (установка на получателя);
- 3) *референтная* (ориентация на содержание сообщения);
- 4) установка на *канал связи* (контактоустанавливающая / *фатическая*);
- 5) установка на *языковой код* (*металингвистическая*);
- 6) установка на *форму сообщения* (*поэтическая функция*).

Роман Якобсон различает *интралингвальный, интерлингвальный и интерсемиотический перевод*, и именно интерлингвальный перевод выявляет, по его мнению, различие языков в том, что *они должны выражать, а не то, что они способны и могут выражать*. Такой вывод он делает на фоне того, что любой когнитивный опыт и его классификация могут быть выражены средствами любого из существующих языков (Якобсон, 1975).

2. Модели переводческой эквивалентности

Модель формальной эквивалентности.

Данная модель – одна из самых старых моделей эквивалентности, которая сформировалась для обслуживания письменного перевода. Священный христианский текст – Библия – требовал бережности, и письменность развивалась в монастырских стенах как инструмент перевода Библии. Письменный текст был значим вне его соотнесенности с действительностью.

Поскольку слово как единица данной модели обладало формальными характеристиками, это вело в пословном переводе к перенесению в ПТ компонентов и формы, и содержания.

Дословный перевод оказывался перегруженным внутриязыковой информацией, которая блокировала когнитивную, и денотат и сигнификат оказывались тоже заблокированными.

Малопонятность такого текста была нужна для его сакрализации.

В дальнейшем данная концепция сыграла большую роль в художественных переводах, ориентированных на форму, и в советской школе художественного перевода она была распространена в середине XX века. Сейчас – в аудиовизуальном переводе наряду с вольностями адаптированного перевода.

Таким образом, **формальная эквивалентность** фокусирует внимание на самом сообщении, на его форме и содержании, на структурной эквивалентности.

Перевод должен быть «настолько близким, насколько это возможно».

Ю. Найда выделяет следующие виды формальной эквивалентности:

- перевод-гlossa (буквальный перевод формы и содержания, подстрочник для научных целей). Он предполагает перевод сведений о времени, образе мыслей, манере говорить, и читатель должен идентифицировать себя с получателем оригинала. Текст понятен при наличии множества примечаний. Пример: *holy kiss* – *святое целование* (по Библии, во времена Ветхого Завета это было обычной формой приветствия». – комм. переводчика);
- перевод на уровне формальных эквивалентов текста, например, если в тексте ИЯ стоит глагол, переводчик должен заменить его тоже глаголом;
- дословная передача фразеологизмов;
- сохранение пунктуации, структуры абзаца, поэтической формы (Nida, 1964).

Модель нормативно-содержательного соответствия.

Данная концепция реализуется в текстах, перевод которых осуществлен с установкой на передачу информации. На содержание ориентировались и толмачи, и эта эквивалентность базируется на двух принципах:

- 1) максимально полная передача содержания;
- 2) соблюдение норм ПЯ.

Отметим, что данная модель появилась на основе потребности в другом переводе Библии, когда смысл стал главным в познании Писания. Именно Лютер, который предложил Библию на простом средненемецком языке, может считаться ее автором. Аналогичная эквивалентность – в переводах М. Грека. В принципе, все светские нехудожественные переводы стали выполняться в данном режиме. Именно формирование литературных языков, их нормы как основного маркера и стало базой устного официального перевода.

Модель эстетического соответствия.

Так обозначается принцип подхода к ИТ как к исходному материалу для создания путем перевода идеального текста, соответствующего определенному эстетическому идеалу. По правилам эстетики Буало создавались классицистские переводы XVII–XVIII веков. В переводе доминиро-

вал только подход, при котором переводчик стремится передать не столько буквальное содержание текста, сколько его **художественный эффект, стиль, образность и эмоциональное воздействие** на читателя.

Главная цель – чтобы перевод вызывал у читателя **аналогичное эстетическое впечатление**, какое производит оригинал.

Основные принципы модели

- Передача художественного образа, а не дословного значения.
- Сохранение стиля автора (высокий, разговорный, иронический и т. д.).
- Воссоздание ритма и звучания (особенно в поэзии).
- Передача культурных ассоциаций.
- Допустимость трансформаций ради сохранения художественного эффекта.

Примеры

Поэтический перевод

Оригинал – William Shakespeare:

Shall I compare thee to a summer's day?

Буквальный перевод:

Сравнить ли мне тебя с летним днем?

Художественный перевод (С. Маршак):

Сравню ли я тебя с весенним днем?

Здесь «summer» переведено как «весенний», потому что в русской культуре **весна** ассоциируется с нежностью и красотой, что ближе к эстетическому восприятию.

Таким образом – главное, чтобы воспроизвести впечатление.

Концепция полноценного перевода.

Данная концепция сформировалась на основе художественных переводов XIX–XX вв. как выражение критериев, выведенных Федоровым и Рецкером:

- 1) исчерпывающая передача информации;
- 2) передача содержания соответствующими средствами (Латышев, 1981, с. 7).

Равноценность средств здесь – это не их формальное сходство, а эквивалентность функций, равноценность выразительных средств. Тексты, которые этим критериям соответствуют, могут быть признаны полноценными, или адекватными. Сложно согласиться с используемыми в рамках данной концепции понятиями: «содержание» – и узко, и широко можно понимать, а «функция» – обозначает то, что может быть содержанием. Кроме того, эта модель не учитывает конфликта между формой и содержанием и наводит на мысль о возможности передачи всех особенностей содержания оригинала по принципу функционального соответствия средств. Данная модель может быть плодотворной для художественного перевода, если концепцию полноценного перевода дополнить положением о ранговой иерархии компонентов содержания.

Модель динамической эквивалентности.

Ю. Найда в книге «К науке переводить» (Найда, 1978) обосновывает понятие *динамической эквивалентности* (принцип эквивалентного эффекта) в противовес так называемым формальной эквивалентности: так как идентичных эквивалентов просто не существует, при переводе необходимо искать наиболее близкие эквиваленты. Предлагает сравнивать не ИТ и ПТ, а реакции их получателей. Если в интеллектуальном и эмоциональном плане реакции совпадают, значит, перевод эквивалентен оригиналу.

Ю. Найда указывает на фактор *цели* перевода.

Динамическая эквивалентность не столько делает акцент на совпадение сообщений на ИЯ и ПЯ, сколько пытается создать динамическую связь между сообщением и получателем на ПЯ, которая была бы приблизительно такой же, как связь, существующая между сообщением и получателем на языке оригинала (то есть речь не о зеркальном отображении). При этом переводчик, соблюдая нормы выражения стиля, предлагает читателю нормы

поведения, соответствующие контексту его собственной культуры. Читателю не требуется понимание контекста исходной культуры. Переводчик Дж.Б. Филиппс передал *holy kiss* как *обменяются сердечным рукопожатием* (Phillips, 1958), так как это более понятно в культуре получателя.

С точки зрения динамической эквивалентности вводится понятие «естественность выражения», означающее:

- 1) соответствие нормам и культуре ПЯ;
- 2) соответствие контексту всего сообщения;
- 3) соответствие аудитории.

Динамическая эквивалентность не настаивает, чтобы при переводе мы передавали дословно культурные и языковые нормы ИЯ.

Приспособление норм происходит с помощью адаптации. Для этого требуется учет сочетаемости слов и соответствие всему контексту сообщения, даже интонации (необходимо избегать использования вульгаризмов). Трансформации могут иметь и стилистическую природу.

Таким образом, перевод в рамках динамической эквивалентности предполагает проведение некоторых преобразований в тексте перевода, «ибо невозможно и форму соблюсти, и динамичность обрести».

Понятие динамической эквивалентности сходно с понятием функциональной эквивалентности, предложенным А. Швейцером в 1973 г. (Швейцер, 1973). Швейцер предлагает ориентироваться на коммуникативную установку, от которой зависит выбор языковых средств. Данные средства участвуют в реализации характеристик речевого акта: денотативной, экспрессивной, поэтической, металингвистической, контактоустанавливающей.

По Швейцеру, необходимо выделить доминирующие характеристики, определить средства их выражения – функциональные доминанты и на этой основе строить эквивалентный перевод.

Большой проблемой данной модели является, к сожалению, отсутствие параметров измерения и сравнения реакций, да и сам термин «реакция» стоит уточнить.

Реакции в данном случае – не индивидуальные, а усредненные, типичные для носителей ИЯ и ПЯ. Так, компетентный переводчик может располагать знанием о лингвоэтнических реакциях. Концепция динамической эквивалентности может хорошо сочетаться с концепцией нормативно-содержательной эквивалентности, например, в устном официальном переводе.

Лингвоэтнические различия имеют место в переводе текстов СМИ, устной коммуникации в рамках бытийного дискурса.

В некоторых текстах специфика сохраняется специально, иначе невозможен диалог культур вообще.

Эквивалентность в рамках скопос-теории.

Поскольку в рамках функциональной теории перевода эквивалентность зависит от того, как переводчик выполнил задачу, поставленную перед ним, никакая модель/концепция эквивалентности не поможет, если цель не достигнута. А она может быть разной – и пересказ, и изложение для детей, и дезориентация получателя. Понятие эквивалентности занимает подчиненное положение в пределах данной модели, а успех определяет адекватность, понимаемая как правильный выбор технологии перевода.

К. Райс (K. Reiß) в статье «Adäquatheit und Äquivalenz als Schlüsselbegriffe der Übersetzungstheorie und -praxis» определяет **адекватность как соразмерность выбора языковых средств и переводческого решения цели перевода** (Reiß, 1995).

Адекватность	Эквивалентность
– отношение между целью и средством; – ориентирована на процесс	– отношение между ИТ и ПТ; – ориентирована на результат; – заключается в равноценном соотношении содержания и формы текста с учетом их функций для выражения смысла текста

К. Райс и Х. Вермеер считают, что эквивалентность и адекватность не статичны как понятия, потому что и цель перевода всегда меняется, и

эквивалентность: на разных исторических этапах люди по-разному понимают функцию одного и того же текста (Reiß, Vermeer, 1984).

3. Типология эквивалентности Вернера Коллера в переводе: денотативная, коннотативная, текстово-нормативная, прагматическая, формально-эстетическая

Вернер Коллер выделяет 5 нормативных уровней эквивалентности в зависимости от условий ее достижения (Koller, 1992):

1) **Денотативная эквивалентность** – ориентирована на внеязыковое понятийное содержание, передаваемое с помощью текста.

Субституция: *son* – *Sohn* – сын.

Диверсификация: *river* – *Fluss, Strom* – *fleuve, rivie`re* – река.

Нейтрализация: *control* – *control unit* – *regulator* – *governor* – *Regler* – регулятор.

Компенсация, инновация: *directory* – *Directory* – директория.

Интерполяция: *дух* – *mind* – *Geist*.

2) **Коннотативная эквивалентность** – ориентирована на коннотации, обусловленные разными факторами:

- стилистическими – *умереть* в разных регистрах;
- социолектакльными – *хорошо* в разных социолектах;
- географическими – *картофель* в австрийском *Erdäpfel*, в немецком *Kartoffeln*;

- устной/письменной коммуникацией: разный синтаксис, эллипсы.

3) **Прагматическая эквивалентность** – ориентирована на получателя, учет степени адаптации для правильной стратегии перевода.

- актуальна в переводе текстов рекламы, презентационного контента и т. п.

4) **Текстово-нормативная эквивалентность** – ориентирована на нормы ИЯ и ПЯ в аспекте узуса и текстопроизводства. Эту эквивалент-

ность можно обозначить и как нормативно-конвенциональную (Алексеева, 2004, с. 140).

Например: конвенции в оформлении постановления суда в разных лингвокультурах в рамках юридического дискурса.

5) **Формально-эстетическая эквивалентность** – ориентирована на эстетические, формальные и индивидуальные свойства текста: рифма, стихотворный размер, ритмика, игра слов, метафорика.

Список литературы

- Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2004. – 352 с.
- Краткая философская энциклопедия / ред.: Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М. : Прогресс, 1994. – 576 с.
- Латышев, Л. К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения / Л. К. Латышев. – М. : Междунар. отношения, 1981. – 248 с.
- Найда, Ю. К науке переводить / Ю. Найда // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М. : Междунар. отношения, 1978. – С. 114–137.
- Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М. : Междунар. отношения, 1974. – 216 с.
- Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. – М. : Воениздат, 1973. – 280 с.
- Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. – М., 1975. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm>. – Загл. с экрана.
- Koller, W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft / W. Koller. – Aufl. 4. – Heidelberg ; Wiesbaden : Quelle und Meyer, 1992.
- Nida, E. Toward a science of translation. With special reference to principles and procedures involved in Bible translating / E. Nida. – Leiden : Brill, 1964. – 331 p.

- Phillips, J. B. The New Testament in modern English / J. B. Phillips. – London : G. Bles, 1958. – 576 p.
- Reiß, K. Adäquatheit und Äquivalenz als Schlüsselbegriffe der Übersetzungstheorie und –praxis / K. Reiß // Grundfragen der Übersetzungswissenschaft. Wiener Vorlesungen / M. Snell-Hornby, M. Kadric (Hrsg.). – Wien : WUV-Universitätsverlag, 1995. – 132 S.
- Reiß, K. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie / K. Reiß, Hans J. Vermeer. – Tübingen : Niemeyer, 1984. – 253 S.
- Snell-Hornby, M. Translation studies: An integrated approach / M. Snell-Hornby. – Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins, 1988. – 163 p.

Лекция 8. ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА

1. Прагматический потенциал исходного текста как коммуникативный фактор.
2. Прагматика получателя как доминанта перевода: логика и противоречия. Прагматические факторы перевода в концепции К. Норд.
3. Прагматическая адекватность перевода. Причины и способы прагматической адаптации текста перевода.

1. Прагматический потенциал исходного текста как коммуникативный фактор

Термин «прагматика» был предложен в конце 30-х гг. XX в. для обозначения раздела семиотики, который занимается изучением отношений между знаками и пользователями-интерпретаторами этих знаков. По мнению Н.Д. Арутюновой, лингвистическая прагматика не имеет четких контуров, она представляет собой направленное изучение комплекса вопросов, связанных с говорящим субъектом (шире – отправителем сообщения), адресатом, их взаимодействием, ситуацией коммуникации (Арутюнова, 1990). В изучении опосредованной, переводной коммуникации вопросы, рассматриваемые прагматикой, актуализируют формулу «отправитель знака – знак – переводчик – знак – получатель знака». Текст выступает в данной коммуникации как макрознак, и для переводчика важно выполнить действия, позволяющие ему обеспечить необходимый коммуникативный эффект, который должен произвести ПТ. В отечественном переводоведении первым объемное определение прагматики перевода предложил В. Комиссаров: «Влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и стремления обеспечить желаемое воздействие на Рецептора перевода на-

зывается прагматическим аспектом или прагматикой перевода» (Комиссаров, 1990, с. 210). То есть он имеет в виду именно текст как макрознак. Прагматический потенциал этого макрознака определяется как «способность текста производить коммуникативный эффект, вызвать у Рецептора прагматические отношения к сообщаемому, иначе говоря, осуществлять прагматическое воздействие на получателя информации» (Комиссаров, 1990, с. 209).

Как прагматический потенциал текста влияет на процесс перевода? Отметим несколько этапов, важных для прагматической плоскости перевода (переводчик должен учитывать особенности каждого из них):

- 1) появление коммуникативной интенции у автора ИТ;
- 2) создание текста как модели смыслообразования (Брандес, Провоторов, 2001), знаковой системы с определенными правилами взаимодействия знаков (реклама, роман, договор и т. д.);
- 3) наделение текста доминантной функцией – она обеспечивает коммуникативный эффект;
- 4) восприятие текста получателем – и в переводной коммуникации первым получателем выступает переводчик, поэтому –
- 5) анализ ИТ переводчиком (на данном этапе он должен установить коммуникативную интенцию отправителя ИТ, какую потребность он выполняет и для О, и для П, то есть его доминантную функцию).

А.Д. Швейцер подчеркивает, что «основной прагматической установкой является учет расхождений в восприятии одного и того же текста со стороны носителей разных культур, участников различных коммуникативных ситуаций. Здесь сказываются различия в исходных знаниях, представлениях, интерпретационных нормах» (Швейцер, 1988, с. 152). Преодоление барьера на пути понимания текста получателем сопряжено с тем, что переводчик нивелирует различия между горизонтами ожидания и восприятия коммуникантов, принимая во внимание всю полноту их национальной специфики. Переводчик должен быть и билингвальным, и бикультурным. Культура – это способ организации бытия, модель поведе-

ния, схема деятельности. Непонятное в чужой культуре может вызвать и настоящий культурный шок. Л.К. Латышев настаивает на том, что ИТ и ПТ должны быть равноценны по своей способности вызывать реакции у своих адресатов. Эту способность он называет регулятивным воздействием, так как воздействуя на адресата, текст определенным образом регулирует и изменяет его мыслительную деятельность, его эмоции и поведение. Должно иметь место совпадение двух классов реакций. Надо отметить, что не вся ответственность лежит на переводчике, особенно в ситуации, когда факт перевода очевиден. Отправитель должен учитывать, что он общается через посредника, что его партнер по коммуникации не обязан иметь равный кругозор, настроение и т. п.

Итак, совершенно очевидным является то, что переводчик «приговорен» к разбору ИТ по прагматическим факторам, потому что *текст* имеет место в том случае, если он выполняет свою коммуникативную функцию, и семантико-синтаксическое оформление текста зависит от этой функции.

Отметим, что оформление может быть дефектным, с погрешностями и отклонениями от конвенций создания данного типа текстов, но текст надо переводить! Поэтому – проводим скрупулезный анализ ИТ по прагматическим факторам.

2. Прагматика получателя как доминанта перевода: логика и противоречия. Прагматические факторы перевода в концепции К. Норд

Самым значимым прагматическим фактором, по признанию большинства исследователей, является получатель перевода. В. Комиссаров отмечает:

«Установление необходимого прагматического отношения Рецептора перевода к передаваемому сообщению в значительной степени зависит

от выбора переводчиком языковых средств при создании им текста перевода» (Комиссаров, 1990, с. 210).

На *первом этапе* восприятия текста переводчик, как первый получатель ИТ, старается как можно полнее извлечь содержащуюся в нем информацию, для чего он должен обладать теми же фоновыми знаниями, которыми располагают носители исходного языка.

Он должен соблюдать нейтральность, не допускать проявления личного отношения к тексту.

На *втором этапе* «переводчик стремится обеспечить понимание исходного сообщения Рецептором перевода. Он учитывает, что Рецептор перевода принадлежит к иному языковому коллективу, чем Рецептор оригинала, обладает иными знаниями и жизненным опытом, имеет иную историю и культуру. В тех случаях, когда подобные расхождения могут воспрепятствовать полноценному пониманию исходного сообщения, переводчик устраняет эти препятствия, внося в текст перевода необходимые изменения.

Отсутствие у Рецептора перевода необходимых фоновых знаний вызывает необходимость в эксплицировании подразумеваемой информации, внесении в текст перевода соответствующих дополнений и разъяснений» (Комиссаров, 1990, с. 211).

Следует сказать, что Комиссаров говорит о том, что разница в прагматике перевода разных текстов велика.

И.С. Алексеева также отмечает, что ПТ – это «зависимый текст, поэтому намерения автора и заказчика неизбежно связаны с представлениями о том, как ПТ будет соотноситься с ИТ» (Алексеева, 2004, с. 261).

Она также подчеркивает большую по сравнению с отправителем и получателем компетентность переводчика: последний может скорректировать восприятие заказчика – донести во всей полноте состав информации или изменить для социально или культурно обусловленных целей использования ПТ.

И.С. Алексеева выделяет особую роль конвенций – переводчик может просто знать, как должен быть оформлен текст и использовать языко-

вые средства данного типа текстов, не задумываясь о переводе, – усредненно он ясен и понятен.

Особую роль в методике и дидактике перевода сыграл алгоритм комплексного предпереводческого анализа, предложенный немецким переводоведом Кристиане Норд (Christiane Nord). Анализ основан на функциональном подходе и скопос-теории и учитывает условия создания текста и его функционирования в коммуникации (Nord 1995).

Предложенный Кристиане Норд анализ базируется на популярной по W-формуле (), стал очень популярным и хорошо работает на благо перевода и переводчиков.

Данная формула базируется на коммуникационной формуле Харольда Ласуэлла (Lasswell, 1948), который использовал латинские вопросы (quis, quid, ubi и т. д.), чтобы получилось *Who says What in Which channel to Whom with What effect?*

Одним из первых в ТП в 1977 г. к ней прибегает Найда, понимающий акт перевода как акт коммуникации, в котором важно (Найда, 1978): *Кто, кому, при каких обстоятельствах, по какой причине что-то говорит и какую цель при этом преследует.*

Кристиане Норд использует данную установку на анализ ИТ по важным для перевода прагматическим факторам и представляет текст как взаимодействие внетекстовых, собственно прагматических (textexterne), и внутритекстовых, прагмалингвистических (textinterne) факторов и анализирует текст по W-Formel (*Wer? Wozu? Warum? Wem? Was? Wann? Wo? Wie? Womit? Warum gerade so?*) (Nord, 1995; Reiß, Vermeer, 1984; Hönig, Kußmaul, 1982). Представим этот анализ в удобной для анализа форме:

Внетекстовые факторы	Внутритекстовые факторы
Кто (О – отправитель = производитель ИТ)	О чем говорит текст – тематика
Зачем (интенция О)	Что говорит – содержание
Кому (П – получатель)	Что не говорит – пресуппозиция

Внетекстовые факторы	Внутритекстовые факторы
Каким способом (medium, средство коммуникации)	В каком порядке – композиция
Где (место)	С использованием каких невербальных элементов
Когда (место)	Какими словами – лексика
Почему (повод)	Какими предложениями – синтаксис
С какой функцией	В каком тоне – просодические, супraseгментные признаки
Отправляет текст	С каким воздействием? (эффектом)

Уже в окружении текста можно найти очень много важной информации для анализа и перевода – внетекстовых факторов:

- название;
- контекст названия;
- имя автора;
- библиографические данные – год, место издания;
- обозначение типа, жанра текста.

Если нет внетекстовых признаков, то внутритекстовые признаки дают возможность делать предположения.

Существуют различные точки зрения на внетекстовые факторы. Разные исследователи выделяют как главные:

- тип и функцию текста (Райс, 1978);
- реакцию получателя (Koller, 1992);
- установку, направленность текста (ИТ и ПТ) (Neubert, 1985);
- отношение между отправителем и получателем и их социальную роль (Wilss, 1977);
- значение времени, пространственно-культурную удаленность текста и коммуникативной ситуации (Nord, 1995).

Кроме того, очень важными некоторые авторы считают возраст, происхождение, социальное положение, образованность получателя и др., а также настроение и представление партнеров друг о друге.

Итак, К. Норд предлагает анализировать внетекстовые факторы раз-
вернуто:

Прагматика отправителя – КТО?

О (отправитель) или производитель (автор) T:

не всегда О = автор текста, для переводческой стратегии это важно!
(см. аннотации, реклама, путеводитель).

Данные об отправителе:

- роль автора в создании текста;
- его статус;
- роль пользователя языком в конкретном коммуникативном акте (разные варианты английского: американский – британский; немецкого: германский – австрийский); для перевода все важно.

Передача данных об отправителе / источник (окружение текста (Textumfeld) – источники, ссылки, предисловие – послесловие): имя автора (!); географическое, социальное положение отправителя.

По прагматике отправителя самые важные данные – это ответы на вопросы:

1. Кто является отправителем текста?
2. Является ли О автором Т?
3. Какую информацию об О может взять из окружения текста (время, география, социальное происхождение, образование, статус, отношение к теме текста и др.)? Нужны ли определенные знания для восприятия текста? Какие данные об О можно вывести из ситуации, СМИ, времени, места, повода и функции текста?
4. Что дают данные об О для перевода?

Прагматика интенции отправителя – ЗАЧЕМ?

Интенция – функция T – воздействие.

Вместо термина «интенция» используются также «намерение», «цель»:

Mitteilungsabsicht (Wilss, 1980; Reiss, 1984),

Mitteilungszweck (Thiel, 1974).

В сравнении с вопросом *о данных об О* вопрос об интенции однозначен:

Как О хочет повлиять на П данным текстом?

Есть трудность с тем, чтобы отделить понятие интенции отправителя от понятий о функции текста и его воздействии.

Многие интенции отправителя могут быть ассоциированы с функцией Т, но интенции отправителя не всегда проявляются в ситуации коммуникации.

В принципе, в идеале интенция, намерение (Intention), функция (Funktion) + воздействие, коммуникативный эффект (Wirkung) должны быть конгруэнтны.

Интенция отправителя имеет значение для переводчика, так как она влияет на *взаимосвязь формы* (коммуникация, стиль, использование невербальных компонентов и т. д.) *и содержания* (тема, выбор информации).

Например, медицинская аннотация составляется по определенным закономерным предписаниям, определяющим структуру текста и выбор языковых средств.

Какую интенцию может иметь отправитель?

Основные интенции:

- интенция *представления информации*;
- интенция *выражения*;
- интенция *призыва*;
- интенция *установления контакта*.

Интенция отправителя не доступна получателю непосредственно, он получает текст как результат интенции отправителя.

Вопросы:

1. Есть ли внетекстовые комментарии отправителя о своей интенции в данном тексте?
2. Какие интенции связаны с данным типом текстов?
3. Какие указания об интенции отправителя выводятся из других факторов?

4. Какое значение имеет интенция отправителя для ситуативных факторов перевода, канала связи, функций текста и текстовых характеристик?

Прагматика получателя – КОМУ?

Получатель (адресат, реципиент) исходного текста рассматривается как *важнейший* прагматический фактор, и его прагматика воспринимается как *прагматика в целом* с позиций:

- его речи (Wilss, 1977);
- его ожиданий относительно О (Thiel, 1974, S. 77);
- его отношения к содержанию Т;
- его отношения к языковому знаку (Reiß, 1980).

Получатель ИТ / Получатель ПТ

Переводчик при анализе ИТ изолирует те элементы, которые определяет специфика перевода ИТ.

У ПТ *иные реципиенты*, чем у ИТ, и поэтому Umpolung (переключение полюсов) этих элементов очень важно (в силу *лингвокультурного* окружения), так как у них разные получатели.

Данные о получателе, которые имеют значение: возраст, пол, образование, общее окружение, географическое происхождение, социальная роль по отношению к отправителю и т.п. (например, тексты о вреде наркотиков для молодежной аудитории). Эти знания особенно важны, так как осведомленность получателя определяет в широком смысле используемый код.

Вопросы:

1. Какая информация известна о получателе ИТ из макроконтекста?
2. Какие данные о получателе выводимы из информации об отправителе и его интенции?
3. Какие указания на получателя ИТ, его ожидания, его фоновые знания выводимы из ситуативных факторов – канала, места, времени, повода и функции текста?
4. Есть ли информация о реакции получателя ИТ, которая может повлиять на перевод?

5. Какие данные об интенции влияют на внутритекстовые характеристики?

6. Как меняется получатель в результате перевода?

Прагматика средства коммуникации – КАК? КАКИМ ОБРАЗОМ?

К. Норд называет каналом средство «транспортировки текста»: звуковые волны, бумагу, – то есть речь идет об устной или письменной коммуникации.

При устной время и место известны, при письменной – должны быть вербализованы.

Но! Очень часто происходит переход текстов в разные формы (протокол допроса, приветственная речь, лекции и т. д.):

- журнал для специалистов ↔ глянец;
- личное письмо ↔ стандартное деловое письмо;
- туристический проспект ↔ путеводитель *Bädecker*.

Канал зависит *от отправителя, его интенции и повода коммуникации*. Время и место, а также то, что принято в данной культуре для передачи данной информации, сокращают число возможных каналов информации.

Вопросы:

1. Текст из устной или письменной коммуникации? Как он репрезентован?

2. Как Т достигает получателя?

3. Есть ли указание на средство коммуникации из информации об отправителе, поводе и т. д.?

4. Что дает информация о средстве для прагматики Т в целом?

Прагматика места коммуникации – ГДЕ?

Место коммуникации – особенно для языков с географическими вариантами (английский, испанский, немецкий, французский).

Вопросы:

1. Где был произведен/отправлен Т? Знает ли об этом получатель?

2. Какие данные о прагматике места есть в данных о получателе, отправителе, средстве, поводе?

3. Какие данные о прагматике места важны для всей коммуникативной ситуации?

Прагматика времени коммуникации – КОГДА?

Время влияет и на состав языковых средств, учитывается также и исторический контекст в художественной литературе.

Есть ли данные о том, что знает получатель о времени создания текста?

Вопросы:

1. Когда Т был написан/опубликован/отправлен?

2. Есть ли информация о прагматике времени в макроконтексте?

Располагает ли получатель информацией об этом?

3. Что можно узнать о прагматике времени из информации об отправителе, канале, получателе, поводе, функции Т?

4. Что дает информация о прагматике времени данным об отправителе, получателе, канале?

5. Каковы проблемы прагматики времени, если она различна у ИТ и ПТ?

Повод коммуникации – ПОЧЕМУ?

Информация о поводе важна и для отправителя, и для получателя. Ее просто установить для объявлений, сообщений, комментариев, протоколов, критических обзоров или договоров.

Значение повода: дает информацию обо всех факторах коммуникации. Зависит от прагматики времени.

Вопросы:

1. Почему был создан / отправлен ИТ?

2. Знает ли получатель повод коммуникации?

3. Есть ли данные о поводе в макроконтексте?

4. Создан ли текст по определенному поводу? Сколько раз он будет восприниматься – один или много?

5. Что можно узнать о поводе из данных о других факторах?
6. Что дает информация о поводе?
7. Какие проблемы возникают из-за различия в поводах между ИТ и ТП?

Функция текста – С КАКОЙ ФУНКЦИЕЙ?

Коммуникативная функция или комбинация, коммуникативная функция текста в конкретной ситуации.

Тип текста в пределах типов текстов = реализация определенных коммуникативных типов поведения = типы социокоммуникативного поведения (Schmidt, 2003).

Функция Т – ситуативный компонент.

Функция Т есть констелляция ситуативных факторов.

Например, *литературный текст* – культурные специфические характеристики, это очень важно для жанров определенной тематики («Руководство по эксплуатации» и др.)

Для функционально ориентированного перевода важна направленность на функцию ПТ, который может быть:

- а) документом прошлого, составляющим коммуникации;
- б) инструментом акта сиюминутной коммуникации.

Вопросы:

1. Какую функцию текста использует отправитель? Есть ли в макроконтексте указания на, например, жанр Т, на то, какую функцию он выполняет?
2. Что дают данные о функции Т для других прагматических факторов?
3. Какую информацию о функции Т можно получить из данных о других прагматических факторах?

Отметим, что в процессе обучения очень важно научиться учитывать все пункты анализа, но на практике он может быть, безусловно, сокращен.

3. Прагматическая адекватность перевода. Причины и способы прагматической адаптации текста перевода

Как уже упоминалось, В.Н. Комиссарову принадлежит в отечественном переводоведении классическое понимание прагматики перевода, и ему удалось наметить многие важные аспекты исследования данного параметра. Одним из них стала прагматическая адаптация перевода.

«Как правило, переводчик не может ставить перед собой задачу добиться заданного коммуникативного эффекта. Если же такая задача ставится, ее осуществление часто требует прагматической адаптации текста, выходящей за рамки перевода как процесса создания текста, коммуникативно равноценного оригиналу. Подобная адаптация при передаче на иной язык, например, текста рекламы, который должен обеспечить сбыт данного товара, нередко приводит к составлению на ПЯ нового параллельного текста (co-writing), учитывающего специфические вкусы и наклонности будущих покупателей. В ряде случаев фактическое воздействие текста перевода на данную группу Рецепторов может быть проверено путем наблюдения за реакцией группы информантов, которым читают текст перевода, с последующим внесением необходимых изменений. При устном переводе переводчик имеет возможность наблюдать за реакцией Рецептора перевода и порой дополнительно разъяснять ему, каких действий ожидает от него Источник в ответ на полученную информацию. В условиях непосредственного общения Источник может непосредственно обращаться к переводчику с просьбой добиться желаемой реакции у Рецептора. Все подобные действия переводчика часто лежат за пределами не только процесса перевода, но и адаптивного транскодирования» (Комиссаров, 1990, с. 221).

Успешная, ориентированная на получателя коммуникация нуждается в особом обеспечении, приведении текста в такую форму, которая максимально облегчает его восприятие и способствует оказанию соответствующего

щего коммуникативного эффекта. Однако дело не только в форме, но и в изменении содержания текста, во внесении дополнительной информации в виде пояснений или замене, опущении информации.

У В. Коллера адаптация ограничена, как мы видели, прагматической эквивалентностью, зависящей от П, и он категорически против адаптации, настаивая только на разъяснениях и описаниях (Koller, 1992).

А. Нойберт (Albrecht Neubert) считает адаптацию обязанностью переводчика, особенно текстов потребительских, специальных, и категорически против дословности таких переводов (Neubert, 1985).

В.В. Сдобников отмечает, что жанровая принадлежность текста влияет на степень его прагматической адаптации (Сдобников, Петрова, 2007, с. 165). Ср.: художественные, специальные тексты.

Сегодня прагматическая адаптация часто обозначается как «локализация», но это не совсем верно, поскольку это более широкий процесс, и адаптация может иметь место и с учетом требований глобализации, интернационализации текста под ожидания и требования глобальной международной, мировой аудитории.

При глобализации текста мы учитываем

- единый бренд;
- единый стиль;
- универсальный образ.

При локализации текста мы учитываем

- адаптацию к культуре;
- учет ценностей;
- норму и узус языка перевода.

Можно дефинировать **локализацию в переводе как комплексную адаптацию текста к нормам конкретной культуры.**

В более широком значении она включает:

- перевод;
- адаптацию единиц измерения;

- изменение дат и форматов;
- учет правовых норм;
- изменение визуальных элементов;
- культурную корректировку содержания.

Локализация особенно актуальна для:

- сайтов;
- мобильных приложений;
- видеоигр;
- маркетинговых кампаний.

Рассмотри разные уровни **прагматической адаптации**:

Языковой уровень

- замена реалий;
- перефразирование;
- упрощение или усложнение синтаксиса;
- изменение стилистического регистра.

miles → километры

pounds → килограммы

формат даты 12/05/2025 → 12.05.2025

\$199 → 199 \$ или 19 990 Р

Пример 1: Реалии

Оригинал (США):

He bought a dozen donuts.

В русском переводе:

- «Он купил дюжину пончиков» (буквально).
- «Он купил двенадцать пончиков» (адаптация для нейтрального стиля).

Слово *dozen* может звучать стилистически иначе в русском контексте.

Культурный уровень

- замена культурных аллюзий;
- адаптация юмора;

- корректировка символики;
- учет табу и ценностей.

Thanksgiving dinner.

Варианты:

- *ужин в День благодарения*
- в детском тексте возможно добавление пояснения:

традиционный семейный праздник в США.

Американская шутка:

He runs like Forrest Gump.

Если аудитория не знает фильм *Forrest Gump*, возможна адаптация:

- *Бежит как марафонец*
- *Бежит без остановки*

Социокоммуникативный уровень

- учет возраста аудитории;
- профессиональной принадлежности;
- уровня образования.

Английский рекламный стиль часто прямой и энергичный:

Вуу pow!

В русском рынке более приемлемы мягкие формы:

- *Купите сейчас*
- *Успейте приобрести*
- *Не упустите возможность*

Английское:

You /ты / Вы /вы

Выбор зависит от:

- возраста аудитории,
- жанра,
- корпоративного стиля.

Each student must submit his paper.

Современная адаптация:

- *Каждый студент должен сдать работу.*
- *Студенты должны сдать свои работы.*

Коммерческий уровень

- ориентация на маркетинговую стратегию;
- усиление эмоционального воздействия;
- изменение слоганов.

Английский слоган:

Feel the power!

В русском переводе возможны варианты:

- *Почувствуй силу!*
- *Ощути мощь!*
- *Зарядись энергией!*

Выбор зависит от целевой аудитории и маркетинговой стратегии.

Слоган Nike:

Just Do It

В русском:

- *Просто сделай это*
- *Просто действуй*
- *Действуй!*
- Главное – сохранить мотивирующий эффект.

Интерфейс

В английском интерфейсе кнопка:

Submit

Варианты перевода:

- *Отправить*
- *Подтвердить*
- *Сохранить*

Выбор зависит от контекста действия.

Особого внимания требуют:

– имена собственные в форме топонимов, экзотизмов. В.Н. Комиссаров приводит пример из Сэлинджера:

For desert you got Brown Betty, which nobody ate... – На сладкое – «рыжую Бетти», пудинг с патокой, только его никто не ел (Комиссаров, 1990, с. 211;

– пояснения страноведческого характера:

State Duma, the lower House of the Russian Parliament;

– этнокультурные особенности – выпить или вместе пообедать в знак дружеского расположения, и на это указывал и Найда (ветки, устилающие путь Христа в Иерусалим, у африканцев преобразовались в чистую дорогу для уважаемого человека);

– опущение информации, иногда на уровне обобщения (*капли от насморка // нафтизин*);

Н.К. Гарбовский подчеркивает, что введенная Найда в переводе установка на «переводческую аккультурацию» должна сейчас приниматься с большой осторожностью, потому что глобализация и мультикультурность изменили требования к переводу, и *пионеры* – это *не бойскауты*. Адаптация – прежде всего межкультурное, а не межъязыковое явление.

Может иметь место и решение **прагматической сверхзадачи**:

«Прагматическая “сверхзадача” обуславливается факторами, не имеющими прямого отношения к тексту оригинала, как-то: стремлением переводчика оказать желательное воздействие на ПР, отношением переводчика или ПР к содержащимся в тексте идеям или к творческой манере автора, особой заинтересованностью их в какой-то части содержания текста и т. п.

Стремясь выполнить прагматическую “сверхзадачу” конкретного акта перевода, переводчик может иногда отказываться от достижения максимальной эквивалентности, довольствоваться неполным или выборочным переводом, добиваться воздействия на Рецептора перевода, не совпадающего с намерениями Источника и прагматическим потенциалом оригинала» (Комиссаров, 1990, с. 222).

Список литературы

- Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2004. – 352 с.
- Арутюнова, Н. Д. Прагматика / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 389–390.
- Брандес, М. П. Предпереводческий анализ текста : (для ин-тов и фак. иностр. яз.) : учеб. пособие / М. П. Брандес, В. И. Провоторов. – 3-е изд., стер. – М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 224 с.
- Гарбовский, Н.К. Теория перевода : учебник / Н. К. Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
- Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
- Найда, Ю. К науке переводить / Ю. Найда // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М. : Междунар. отношения, 1978. – С. 114–137.
- Райс, К. Классификация текстов и методы перевода / К. Райс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 202–228. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://samlib.ru/w/wagarow_a_s/rais-classif.shtml. – Загл. с экрана.
- Сдобников, В. В. Теория перевода : [учеб. для студентов лингв. вузов и фак. иностр. яз.] / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 448 с.
- Швейцер, А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.
- Hönig, H. G. Strategie der Übersetzung : Ein Lehr- und Arbeitsbuch / H. G. Hönig, P. Kußmaul. – Tübingen : Narr, 1982. – 172 S.
- Koller, W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft / W. Koller. – Aufl. 4. – Heidelberg ; Wiesbaden : Quelle und Meyer, 1992. – 343 S.
- Lasswell, H. D. Power and personality / H. D. Lasswell. – Norton, 1948. – 262 p.
- Neubert, A. Text und Translation / A. Neubert. – Leipzig : Verlag Enzyklopadie, 1985. – 168 S.

- Nida, E. Toward a science of translation. With special reference to principles and procedures involved in Bible translating / E. Nida. – Leiden : Brill, 1964. – 331 p.
- Nord, C. Textanalyse und Uebersetzen: theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer uebersetzungsrelevanten Textanalyse / C. Nord. – Heidelberg : Gross, 1995.
- Reiß, K. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie / K. Reiß, Hans J. Vermeer. – Tübingen : Niemeyer, 1984. – 253 S.
- Reiß, K. Zeichen oder Anzeichen? Probleme der AS-Textanalyse im Blick auf die Übersetzung / K. Reiß // Semiotik und Übersetzen / W. Wilss (Hrsg.). – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1980. – S. 63–72.
- Schmidt, S. J. Kognitive Autonomie und soziale Orientierung: konstruktivistische Bemerkungen zum Zusammenhang von Kognition, Kommunikation, Medien und Kultur / S. J. Schmidt. – Münster : Lit, 2003. – 362 S.
- Thiel, G. Methodische Probleme einer Übersetzungsunterrichtlich relevanten Textanalyse / G. Thiel // Wilss & Thome. – 1974. – Bd. II. – S. 64–81.
- Wilss, W. Semiotik und Übersetzungswissenschaft / W. Wilss // Semiotik und Übersetzen. – Tübingen, 1980. – S. 9–22.
- Wilss, W. Übersetzungswissenschaft. Probleme und Methoden / W. Wilss. – Stuttgart : Klett, 1977. – 360 S.

Лекция 9–10. ТИПОЛОГИЯ ТЕКСТОВ И СТРАТЕГИЯ ПЕРЕВОДА

1. Подходы к классификации текстов в переводоведении.
2. Типология К. Райс: тип текста и стратегия перевода.
3. Виды текстовой информации.

1. Подходы к классификации текстов в переводоведении

В любом виде перевода речевое произведение поступает к переводчику и адресату в виде текста.

По мнению социолога Тамары Моисеевны Дридзе, изучавшей текстовую деятельность в социальной коммуникации, текст – это «некоторая совокупность элементов разной степени сложности и комплексности, несущая определенную смысловую концепцию» (Дридзе, 1983, с. 39).

Но! Текст может быть объединен общим назначением, например – упражнение (см. также: текст роли, словаря, книги; гипертекст сайта).

Цельность речевого продукта определяется его единым назначением, например, знакомит с творчеством писателя, является средством воздействия, объектом работы (например, текст упражнения).

Текст = любая последовательность графических или звуковых языковых знаков, ограниченная единым назначением.

Объем текста – от одного предложения до нескольких печатных листов.

Однако текст интересует переводоведение не только как некоеместилище тех или иных языковых явлений (фонем, слов, грамматических структур), но и как самостоятельный феномен, обладающий признаками,

релевантными для перевода. Именно эти признаки позволяют переводчику выбрать общую стратегию переводческих действий.

Однако в основном представление о связи особенностей текста и специфики его перевода, сформировавшееся на основе практического опыта, содержит лишь самые общие, грубые градации: научно-технический перевод, художественный перевод; или актуальный на сегодня вариант: художественный перевод и специальный перевод. Иногда к этому разграничению добавляются тематические/ отраслевые подвиды: военный перевод, юридический перевод, медицинский перевод. К сожалению, это тематическое разграничение не отражает специфики перевода на уровне текста. Ведь любой научный текст, будь то текст по химии, биологии или психологии, переводится с применением одинаковой стратегии. Зато любая тематическая группа текстов, например, объединенная в случае их перевода под названием «радиотехника» или «биология», далеко не едина и может состоять из целого ряда разнообразных типов: деловое письмо, инструкция, научная статья, реклама, журналистское эссе и т. п. Типологические признаки этих разных текстов могут быть релевантны для перевода или нерелевантны, и для выбора верной стратегии их надо выявить. Даже с терминами дело обстоит не так просто. Из терминологических синонимов, которые есть в словарях, в научной статье допустимы одни, в инструкции – другие, в Госстандарте – третьи.

Итак, очевидно, что разграничение типов текста для перевода важно. В настоящее время существует достаточно полное лингвистическое описание типов текста и предлагаются их классификации на разной основе. Но так же, как полный всесторонний филологический анализ, являясь базой для прикладного переводческого анализа текста, избыточен по своему содержанию, так и текстовая типология, учитывающая самые разные признаки текстов, избыточна для целей перевода и для создания переводческой модели и переводческой стратегии. Обратим внимание на некоторые уже ставшие классическими подходы и принципы классификации текстов.

Например, у *Андрея Венедиктовича Федорова* – принцип жанрово-стилистической принадлежности (Федоров, 2002, с. 225–234):

1) газетно-информационные + специально-научные тексты (сочетание общеупотребительной лексики с терминологией, а также черты книжно-письменной речи, связанные с расчетом на читателя, а не слушателя);

2) общественно-политическая литература, публицистика, ораторские тексты (пропагандистская или агитационная установка, сочетание научного стиля с особенностями стиля художественной литературы);

3) художественная литература.

У *Венедикта Степановича Виноградова* аналогичный подход, он выделяет 6 основных *функционально-стилевых типов* текстов:

1. **Разговорные тексты.** Они могут подразделяться на разговорно-бытовые, разговорно-деловые и др. Разговорные тексты выполняют функцию общения, реализуются в устной диалогической форме и ориентируются на взаимную коммуникацию ради каких-нибудь целей.

2. **Официально-деловые тексты,** к которым относятся великое множество государственных, политических, дипломатических, коммерческих, юридических и тому подобных документов.

У них основная функция – сообщение. Как правило, они существуют в письменной форме, которая в некоторых видах документов бывает сравнительно жестко регламентированной.

3. **Общественно-информативные тексты.** Они содержат самую различную информацию, проходящую по каналам массовой коммуникации, газетам, журналам, радио и телевидению. Их главная функция – сообщение. Эти тексты могут быть тенденциозными и рассчитанными на определенное воздействие, на обработку общественного мнения. Однако функция сообщения остается у них основной, формирующей типологию текста. Форма этих текстов чаще всего письменная. На радио и телевидении письменные тексты ретранслируются в устной форме. Нечто подобное происходит и с ораторской речью, когда она воспроизводит письменный оригинал.

4. **Научные тексты**, имеющие много подтипов, видов и подвидов, в зависимости от областей знаний и назначения. Среди них выделяются, прежде всего, тексты специальные, рассчитанные на профессионалов, и научно-популярные, предназначенные для массового читателя. Всем им присуща функция сообщения и ориентация на логически последовательное, объективное и доказательное изложение содержания. Научные тексты реализуются главным образом в письменной форме. На конференциях, съездах, симпозиумах и т. п. их форма может быть устной.

5. **Художественные тексты**, охватывающие все жанровое разнообразие художественной литературы, литературной критики и публицистики. Следует подчеркнуть, что у них две основные взаимосвязанные текстообразующие функции: воздействия и эстетическая. В таких текстах особое значение приобретает форма изложения. В литературе воплощается не только и не столько рациональное, сколько художественное и эстетическое познание действительности. От того, как и в какой форме материализуется содержание, зависит эстетическая ценность произведения и уровень эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя. В художественных текстах используются единицы и средства всех стилей, но все эти стилевые элементы включаются в особую литературную систему и приобретают новую, эстетическую функцию.

Конечно, художественные тексты следует подразделить на виды, например, соответствующие литературным жанрам. У каждого из видов окажется своя художественная, языковая и функциональная специфика.

6. **Религиозные сочинения**. Их содержание, характеристики отличаются особым своеобразием. Основное место среди них занимают канонические книги Священного Писания, апокрифы, жития святых, проповеди, теологические сочинения. Переводы библейских книг имеют многовековую историю. Библейские переводы связаны с экзегетикой – разделом богословия, трактующим многозначность некоторых мест Библии и библейской лексики, уточнением текстов.

Многие текстовые параметры нерелевантны для перевода, как отмечает Алексеева, так как являются общими для текстов одного типа на разных языках, не затрагивают специфики средств выражения и автоматически входят в инвариант перевода. Это, например, элементы архитектоники текста делового письма или инструкции. Многие текстовые градации не нужны для наших целей, так как соответствующие тексты будут переводиться по одинаковой переводческой модели. Поэтому имеет смысл рассмотреть возможность создания классификации типов текста, **ориентированной на перевод** (Виноградов, 2001, с. 16).

Прежде всего, необходимо, с точки зрения И.С. Алексеевой, отграничить понятие *тип текста* от прочих аспектов *текстовых разновидностей* (Алексеева, 2004, с. 243). Какие *текстовые единства* значимы для определения типа текста в переводе? Ведь при исследовании тексты могут подразделять с различных точек зрения и для различных целей.

Виды текстов. Этот термин рассматривается обычно как семиотическое понятие, объединяющее тексты, оформленные с помощью определенных знаковых систем, и разграничивающее их по признаку знаковой системы: изобразительный текст и вербальный текст; письменный текст и устный; текст, закодированный с помощью азбуки Морзе, и нотный текст.

Вербальные формы текстов. Под этим названием объединяют тексты с разными типологическими чертами, но характеризующиеся какой-либо одной общей чертой их вербальной организации: прозаические тексты, драматические тексты и т. п. В рамках классификаций такого рода выделяют иногда также архитектонико-речевые формы: монолог, диалог, полилог, — основываясь на однонаправленности или взаимонаправленности отраженного в тексте коммуникативного акта. Понятие вербальной формы тесно смыкается с понятием жанров текста, и некоторые исследователи их смешивают.

Жанры текста. Это понятие традиционно применяется в литературоведении для разграничения исторически складывающихся форм худо-

жественных произведений. Жанры, понимаемые в этом значении, могут быть монокультурными (то есть существующими в одной словесно-языковой культуре: японские танки, древнеисландские скальдические произведения) или поликультурными (сонет, былина). Некоторым жанрам присуща универсальность и отсутствие прямой связи со спецификой культуры (сказка, роман, басня).

Однако в последнее время понятие «жанры текста» нашло применение также и в лингвостилистических описаниях, где под жанром понимается система речевого произведения (текста) без учета его функционирования.

Композиционно-речевые (стилевые) формы текста. Под ними подразумеваются формы отражения действительности в тексте. Большинство исследователей выделяют нарративные (сообщающие), дескриптивные (описательные) и аргументативные композиционно-речевые формы. Понятие композиционно-речевых форм тесно связано с традиционной классификацией функциональных стилей.

Типы текста. По поводу этого понятия в лингвистике последних десятилетий существует терминологическая путаница, связанная с одновременным применением в работах термина *Textsorte* (дословно «сорт текста») и термина *Texttyp* («тип текста»). Однако в отечественных исследованиях оба немецких термина соответствуют русскоязычному термину *тип текста*. Поскольку первый термин более актуален для лингвистики, а второй – для переводоведения, далее мы будем называть их соответственно *лингвистический тип текста (Textsorte)* и *транслатологический тип текста (Texttyp)*.

Лингвистические типы текста. Понятие типа текста встречается и активно обсуждается в лингвистике с начала 1970-х гг., и к началу 1980-х гг. можно говорить уже о *лингвистике типов текста* как одном из аспектов лингвистики текста, как о своего рода «систематике» внутри этой науки. В качестве трех основных параметров классификации лингвистических типов текста выступают:

- референциальный (способность *представлять действительность*);
- интерперсональный (способность текста служить *компонентом коммуникации*);
- формальный (тот факт, что текст является *вербально структурированным образованием*).

Названные параметры опираются на представление о трех основных функциях языка, сформулированное Карлом Бюлером (см.: Бюлер, 2000, с. 34) в 30-е гг. XX в.: это *репрезентация, апелляция, экспрессия*. То, какую функцию реализует текст, составляет его функциональную доминанту, важную для перевода, поскольку довольно часто текст и дает информацию, и выражает чувства, и призывает к действию, и *задача переводчика состоит в определении функциональной доминанты как доминанты переводческого процесса*. Языковедческий подход, ориентированный на учет коммуникативной функции, не всегда четко соблюдается в предлагаемых типологиях текстов, и разные исследователи выдвигают на первый план различные признаки типа текста.

Ханс Глинц (Hans Glinz), например, подчеркивает прежде всего *устойчивый характер форм текста*: «Типы текста – это устойчивые формы (образцы) в определенных *ситуациях человеческого общения* (выделено нами. – В. М.)» (см.: Glinz H. Textanalyse und Verstehenstheorie. Bd. 1. Wiesbaden : Athenaion, 1978. S. 83. Цит. по: Алексеева, 2004).

Н. Glinz в своей работе (Glinz, 1971) исходит из намерений и ожиданий авторов текста и ожиданий и отношения пользователей текста (то есть из различия разных ролей: изготовитель текста, производитель текста и пользователь текста). Он различает 7 типов текстов:

1. Тексты, на которые можно ссылаться (договоры, законы, предписания).
2. Тексты, с помощью которых реализуется стремление к выгоде (прошения, речь в суде, реклама).

3. Тексты, которые должны сделать пользователя способным к получению определенных знаний (учебники, руководства).

4. Тексты, которые просто аккумулируют информацию (записки, телефонная книга).

5. Тексты, которые просто сообщают информацию (деловую или личную) определенному адресату (письма, доклады).

6. Тексты, которые должны давать деловую, конкретную информацию, основанную на договоренности, для любого пользователя (справочники, энциклопедии).

7. Тексты (для любых пользователей), которые не предполагают проверки на достоверность, которые читают для расширения кругозора или эстетического удовольствия (художественная литература).

Даже без акцентирования внимания на том, что непрактично разрабатывать методику перевода в применении к одному типу текстов, составленная по «социологическим» критериям классификация не может быть без противоречий перенесена в релевантную для перевода классификацию.

Подытоживая результаты дискуссии о критериях классификации типов текста, Ф. Люкс выдвигает следующее определение: «Тип текста – это лежащий в сфере когерентных вербальных текстов, компетенциально признанный и релевантный класс текстов, строение которого, равно как и вариативные рамки, и участие в контексте коммуникации, подчиняется определенным правилам» (Lux F. Text, Situation, Textsorte... Tübingen, 1981. S. 273. Цит. по: Алексеева, 2004).

Представление об определенных правилах породило специальное понятие **конвенция**. *Под конвенциями в современной лингвистике понимают социально и исторически обусловленные правила (или нормы) построения текстов и правила (нормы) при подборе языковых средств.*

Нетрудно заметить, что типы текстов складываются по мере совершенствования человеческой коммуникации, а выработанные в результате жизненного опыта и, возможно, предложенные кем-то конвенции, отта-

чиваясь, затем получают статус строгих правил. История типов текста – это история их формирования и дифференциации. При этом с самого начала намечается тенденция к их универсальности; *типы текста оказываются общечеловеческой реализацией потребности в коммуникации*. Древние типы текста – а к таковым мы можем отнести сказку, долговую расписку, заклинание и т. п. – известны у разных народов, вне зависимости от специфики их культуры и языка. Позже, когда формируется художественная литература и ее жанры, также появляются разновидности текстов, по поводу которых приняты особые «правила игры»: это и есть литературные жанры. Их конвенциональные признаки связаны со спецификой художественного отражения действительности в определенных формах и быстро преодолевают национально-культурную обособленность, становясь интеркультурными текстовыми явлениями. Динамика развития литературных жанров связана, следовательно, не с потребностями повседневной коммуникации, а с развитием художественного осмысления действительности и с внутренними закономерностями словесного искусства.

Транслатологические, или переводческие, переводоведческие типы текста. Наличие таких признаков, как специфика в области референциальности, интерперсональности и формы, а также устойчивость этих признаков, оказывается, однако, недостаточным условием, чтобы классифицировать тексты в зависимости от особенностей их перевода. Занесение текста в определенный лингвистический тип не означает, что он будет переводиться иначе, чем текст из соседней рубрики. Кроме того, как мы знаем, далеко не все признаки текста при переводе будут переданы; поэтому имеет смысл объединять в одной группе тексты, у которых доминирующие признаки совпадают – именно такие тексты будут переводиться одинаково. От чего же зависит набор доминирующих признаков?

Из всех признаков ИТ исследователи раньше всего заметили его *коммуникативную функцию*, указывая на необходимость ее сохранения

при переводе. Речь об этом так или иначе идет в работах большого числа переводоведов в 70–80-е гг. XX в. (В.Н. Комиссаров, Л.К. Латышев, Л. Людсканов, П. Ньюмарк).

Питер Ньюмарк (Peter Newmark), ведущий британский переводовед современности, опираясь на свой практический опыт и положив в основу функции языка К. Бюлера, предлагает разбить тексты в зависимости от их коммуникативной функции на 3 группы:

- 1) тексты с *экспрессивной* функцией;
- 2) тексты с *информативной* функцией;
- 3) тексты с *апеллятивной* функцией,

считая, что при переводе текстов каждой из групп существуют свои особенности (Newmark, 1988, р. 39). Он не избегает искушения тематического принципа и разделяет тексты на пять видов: межкультурный, информационный, социальный (общественно-политический, научный, технический и т. п.), художественный и поэтический. Но мы обратим особое внимание на его деление текстов по коммуникативной функции.

Неоднократно указывая на коммуникативную сущность перевода в целом ряде работ, **В.Н. Комиссаров** останавливается на распространенной трактовке процесса коммуникации, *где в качестве единицы коммуникации выступает высказывание*. Текст же, по Комиссарову, – это «ряд высказываний, связанных по смыслу, или отдельное высказывание, употребленное самостоятельно» (Комиссаров, 2001, с. 36), следовательно, «именно тексты и высказывания выступают в качестве непосредственных объектов перевода». В.Н. Комиссаров отмечает, что «в процессе перевода происходит коммуникативное приравнивание текстов на разных языках» (Комиссаров, 2001, с. 46). Из этого можно заключить, что:

- 1) по мнению автора, сохранение коммуникативной функции – основная задача перевода;
- 2) автор считает оба текста – ИТ и ПТ – равноположенными по объективным условиям своего порождения.

Для полноты картины стоит упомянуть о классификации **Альбрехта Нойберта** (Albrecht Neubert), немецкого лингвиста и теоретика перевода, предложенной в середине 1980-х годов. Она показывает, что как проходили поиски основ для создания транслатологической классификации текстов. А. Нойберт предлагает подразделять тексты в зависимости от характера прагматических отношений на 4 типа:

I. Тексты, преследующие общие цели для аудитории ИЯ и ПЯ (научные, технические, рекламные); все они обладают высокой степенью переводимости.

II. Тексты, предназначенные только для аудитории ИЯ (законы, местная пресса, объявления и т. п.); они неперево́димы вообще.

III. Художественная литература; она может выражать общечеловеческие потребности, соединяющие аудитории ИЯ и ПЯ, поэтому художественные тексты могут считаться ограниченно переводимыми (поскольку значительная часть формы передана быть не может).

IV. Тексты, заранее предназначенные для перевода на ПЯ и для аудитории ПЯ; они обладают высокой степенью переводимости (Neubert, 1985).

К сожалению, данная классификация учитывает лишь экстралингвистические факторы и не затрагивает специфики самих текстов, а следовательно, не может быть полезна нам для выявления значимых критериев разграничения текстов. Экстралингвистический, гипотетико-прагматический характер приобретает у Нойберта и понятие переводимости, и в этом его уязвимость. Ведь предназначенность текстов для «внутреннего употребления» (например, объявлений), во-первых, вовсе не означает, что они принципиально неперево́димы, и, во-вторых, не исключает ситуации, что необходимость в их переводе все же возникнет (например, объявлениями о продаже квартир заинтересуется иностранец и попросит переводчика перевести эти тексты).

2. Типология К. Райс: тип текста и стратегия перевода

Первая попытка создания развернутой и подробной транслатологической классификации типов текста была предпринята в начале 1970-х гг. немецким переводоведом, разработчиком функциональной теории перевода Катариной Райс (Katharina Reiss). Рассмотрев возможности эмпирического, лингвистического и коммуникативного подхода, Райс предложила опираться преимущественно на коммуникативный подход, положив в основу коммуникативную функцию текста, и, следовательно, учитывать тип передаваемой текстом информации, характеристику источника и реципиента. В соответствии с этим она разделила тексты на четыре основные группы, указывая на возможность пограничных случаев:

I. *Информативные тексты*. Создаются одним или несколькими авторами для одного или нескольких читателей. Коммуникативная функция и, соответственно, языковое оформление определяются прежде всего *предметом описания* (информационное сообщение, научная статья, научно-популярный текст, инструкция и т. п.).

II. *Экспрессивные тексты*. Могут быть также ориентированы на определенного читателя; также передают информацию на определенную тему. Однако языковое оформление в соответствии с коммуникативной функцией текстов такого рода зависит прежде всего от *воли и намерений автора* (роман, новелла, лирика, биографический текст и т. п.).

III. *Оперативные тексты*. Создаются одним или несколькими авторами и посвящены одной определенной теме. Языковое оформление определяется в первую очередь тем, какие именно средства окажут наиболее эффективное *воздействие на определенную целевую группу реципиентов* (реклама, проповедь, пропаганда, памфлет, сатира и т. п.).

IV. *Аудиомедиаальные тексты*. По своей коммуникативной функции тексты этого типа *принадлежат к одной из трех вышеназванных групп*. Но оформляется текст с учетом применяемых технических средств, вы-

ступая в сочетании с невербальными текстовыми компонентами – изобразительными средствами, музыкой, жестами и т. п. (Reiss, 1983, S. 5–18).

Типология текстов по К. Райс

Тип текста	Функция текста	Отличительная характеристика	Стиль эквивалентности	Метод перевода
Информативный [I]	Сообщение информации	Ориентирован на предмет речи	Инвариантность на содержательном уровне	Соответствующий предмету речи (sachorientiert), schlicht-prosaisch, «чисто прозаический», «репрезентирующий»
Экспрессивный (эмотивный) [II]	Художественное выражение (эмоции)	Ориентирован на отправителя	Аналогичность художественного оформления	Соответствующий авторскому замыслу, «идентифицирующий»
Оперативный [III]	Вызов поведенческих импульсов и реакций П	Ориентирован на получателя и его поведение	Инвариантность содержания в тексте призыва	Соответствующий призыву, «адаптирующий» (mundgerecht)

На основе первой классификации возник ее «обогащенный» и несколько измененный вариант (изменилось название групп), который описан коллективом переводоведов в энциклопедии перевода «Handbuch Translation» в 1999 г. (Handbuch Translation, 1999). Примарность в данном контексте обозначает первичность типа ИТ:

I. *Примарно-информативные (потребительские) тексты*: деловая корреспонденция, потребительские инструкции и руководства, компьютерные адаптационные тексты, учебники, научные журнальные статьи, доклады на конференции, патентные тексты, приговоры суда, договорные тексты, документы физических лиц, филологические тексты, тексты информационных агентств.

II. *Примарно-апеллятивные тексты*: реклама, нарративный видеотекст.

III. *Примарно-экспрессивные тексты:*

1. Нарративные тексты: повествовательная проза, массовая литература, детская литература.
2. Сценические тексты: драматический театр, музыкальный театр.
3. Кино- и телетексты: кинотитры в кадре, «бегущая строка» в театральном спектакле, синхронизация.
4. Прочие типы текста: комиксы, лирика, аудиомедиаальные тексты, перевод Библии.

Само появление такой классификации текстов, пусть неполной и очевидно противоречивой, – все же знаменательно. Она обнаружила ключевой характер понятия «текст» для стратегии перевода, показала безграничный диапазон текстового разнообразия.

Итак, опираясь на мнения многочисленных исследователей, а также на наши предшествующие рассуждения, мы можем утверждать следующее.

Поскольку перевод является так или иначе процессом двуязычной коммуникации, *первоочередная его задача – сохранение в ПТ коммуникативной функции ИТ* (если ее изменение не входит в переводческое задание). Именно она во многом определяет специфику компонентов содержания, оформление этих компонентов соответствующими языковыми средствами, и при переводе, как отмечают многие исследователи, определяет состав функциональных доминант. Адекватная передача функциональных доминант является основой сохранения инварианта содержания, то есть основой эквивалентности перевода. Поэтому обязательным условием успешного анализа является анализ информации, которую содержит текст и которая подлежит передаче в переводе.

3. Виды текстовой информации

Вопрос о видах информации в переводе, безусловно, связан с тем, как формируются в процессе перевода заданные коммуникацией языковые

знаки. Э. Пирс и Ч. Моррис – авторы семиотики – выделяют три измерения семиотики:

семантика – отношение между знаком и объектом экстралингвистической действительности;

прагматика – отношение между знаком и его пользователем;

синтактика – это отношение между знаками в рамках одной знаковой системы в линейной последовательности знаков.

Все ли виды этих отношений сохраняются при переводе?

Наиболее адекватно обычно передаются *семантические* отношения, так как они отражают опыт, общий для всех людей, универсальный. Если и есть различия, то переводчик находит нужные приемы (например, описательный перевод при передаче реалий как национально-специфических единиц).

Передача *прагматических* значений – сложная задача. С одной стороны, это стилистические и дискурсивные значения единицы, с другой – весь комплекс проблем между отправителем и получателем.

Синтаксическое значение формирует комплекс внутрилингвистических значений, то есть тех, которые выражают принадлежность к грамматическим категориям (окончание, род, число), и их передача обычно не вызывает проблем, только в некоторых случаях: если внутрилингвистические значения в процессе перевода приобретают статус семантических значений (вид глагола, артикль и т. п.).

Очень хорошо сформулировал значимость этих значений в переводе Л.С. Бархударов: «Требование полного сохранения всех видов значения в процессе перевода... абсурдно, ибо оно равноценно отказу от перевода вообще» (Бархударов, 1975, с. 72).

Виды значений коррелируют с составом информации, и переводчик устанавливает ранговую иерархию информационных составляющих в тексте, учитывая тип ИТ, прагматические факторы и переводческое задание.

Информация – это состав любого сообщения, выражающего содержание, которое может обладать определенной ценностью для получателя,

а также, в концепции Клода Шеннона, феномен, снимающий неопределенность (Shannon, 1948, p. 379–423, 623–656).

Илья Романович Гальперин выделяет следующие виды информации:

1) *содержательно-фактуальная* информация (СФИ). Это информация, которая несет сообщение о событиях, происходящих в реальном или фиктивном мире текстов. Она выражена явно, вербально. Имеет дело с прямыми значениями слов;

2) *содержательно-концептуальная* информация (СКИ). Сообщает индивидуальное авторское понимание действительности. СКИ извлекается из всего текста, а не из отрывка, имеет определенную эстетическую характеристику и представляет категорию художественного текста. Для адекватного декодирования необходимы усилия получателя;

3) *содержательно-подтекстовая* информация (СПИ). Скрытая, извлекается читателем из СФИ благодаря способности языка вызывать ассоциации. Может присутствовать или отсутствовать, требует вдумчивого анализа (Гальперин, 2006, с. 27–28).

Для перевода наиболее простой вид – СФИ, в составе которой фактические данные. СКИ и СПИ наиболее сложны для перевода. Все тексты делятся на тексты с мягкой структурой (они наиболее сложны для перевода) и с жесткой – например, научно-техническая литература, юридические документы и т. п. (они регламентированы и нужно просто знать правила).

Лев Константинович Латышев предлагает свою классификацию видов информации:

- элементы *инвариантные*, которые *не подлежат замене*, они наиболее важны;
- *инвариантно-вариабельные*, их *нельзя убрать, но можно заменить*;
- *вариабельные* элементы, играют определенную роль в реализации коммуникативного задания, но *возможности замен шире*, и они не искажают замысла автора;

– *пустые (строевые)* элементы, их функция чисто морфологическая, они не участвуют в создании коммуникативного эффекта (Латышев, 1981, с. 66–68).

Рюрик Константинович Миньяр-Белоручев (Миньяр-Белоручев, 1999) выделяет следующие виды информации:

- ключевая;
- дополнительная;
- уточняющая;
- повторная;
- нулевая.

В.Н. Комиссаров отмечает, что эквивалентность устанавливается на основе функций речи Jakobsona и цели высказывания (Комиссаров, 2001, с. 120).

Классификация речевых функций Р. Jakobsona (Jakobson, 1975) (см. курсив ниже) позволяет указать на наиболее общие аспекты содержания высказывания и определить лингвистическую реальность явления, которое мы назвали целью коммуникации. Таким образом, цель коммуникации, сохранение которой лежит в основе эквивалентности переводов рассматриваемого типа, может быть интерпретирована как часть содержания высказывания, выражающая основную или доминантную функцию этого высказывания. Отдельные отрезки текста могут обладать различной целью коммуникации. Вместе с тем возможно существование общей цели коммуникации для всего текста значительной величины или даже для ряда текстов определенного типа.

И.С. Алексеева предлагает следующую классификацию видов информации в тексте: *когнитивная, оперативная, эмоциональная, эстетическая* (см.: Алексеева, 2004, с. 249–256).

Эта классификация, безусловно, связана с типологией текстов К. Райс, и представляется логичным рассмотреть их более подробно.

Когнитивная информация. Когнитивной, или познавательной (референциальной) информацией называют объективные сведения

о внешнем мире. Сюда относятся и сведения о человеке, если он предстает как объект объективного рассмотрения. Распознавать когнитивную информацию мы привыкли по тем средствам, которые ее оформляют. В любом языке эти средства обеспечивают наличие трех параметров когнитивной информации: *объективности*, *абстрактности* и *плотности* (компрессивности).

Объективность. В тексте она выражается с помощью языковых средств различного уровня. Начнем с текстовых категорий. При наличии в тексте когнитивной информации текст характеризуется *атемпоральностью*, которая выражается, как правило, с помощью форм презенса глагола. Атемпоральность представляет информацию как «вечную», вневременную, хотя, разумеется, не полагает ее «абсолютной истиной». В таком тексте преобладает модальность реальности (выражаемая формами индикатива глагола), которая может дополняться модальностью вероятности в рамках клишированных языковых средств, оформляющих научную гипотезу.

На уровне предложения объективность обеспечивается нейтральным, преимущественно прямым порядком слов, исключая эмоциональность и соответствующим «простому» тема-рематическому членению: 1) тема; 2) рема – и ясной логической схеме «субъект – предикат – объект». Характерна неличная семантика субъекта (подлежащего). Она выражается либо с помощью безличных и неопределенно-личных предложений, либо с помощью подлежащих, выраженных существительными абстрактного или конкретного неличного значения (преимущественно терминами). С такой спецификой подлежащего согласуется пассивность действия по отношению к субъекту, которая оформляется с помощью глагольных форм пассива и других лексико-грамматических средств со значением пассивности.

На уровне слова объективность когнитивной информации, прежде всего, обеспечивают термины. Это особый слой лексики, который характеризуется однозначностью, эмоциональной неокрашенностью (нейтральностью) и независимостью от контекста (внеконтекстуальностью). Объек-

тивен и тот лексический фон, на котором выступают термины: фон нейтральной литературной нормы языка, представленный лексикой общенаучного описания. Целый ряд слов, относящихся к лексике общенаучного описания, обладает фондом семантически и стилистически равноправных синонимических вариантов (например, в рус. яз.: *играет роль* – *имеет значение* – *важен*; *проявляется* – *выступает* – *предстает* – *обнаруживается* и т. п.).

Абстрактность, а точнее, повышенная степень абстрактности когнитивной информации, также выражается с помощью разных языковых средств. Прежде всего, это *логический принцип построения текста*, проявляющий себя в сложности и разнообразии тех логических структур синтаксиса, которые используются в тексте. Это различные виды сочинительной и подчинительной связи, причастные обороты, инфинитивные группы. Логическая схема характеризуется полнотой, что проявляется в *полносоставности предложения* и отсутствии эллипсиса. Наблюдается также широкий диапазон дублирующих возможностей передачи логических отношений: так, определительные отношения могут выражаться с помощью согласованного определения, генитивного определения, сложного слова, определительного придаточного. Логический принцип реализуется также в предельной степени экспликации формальных средств когезии текста.

На уровне слова абстрактность проявляется в обилии и разнообразии используемых словообразовательных моделей с абстрактной семантикой. Симптоматична также тенденция к выражению процесса через существительное и к одновременной десемантизации глагольных компонентов. Это приводит к преобладанию существительных в таких текстах и возникновению номинативного стиля.

Логическому структурированию информации служат и *шрифтовые средства*: жирный шрифт, курсив, петит, разрядка и т. п. Они же позволяют иерархически классифицировать информацию наиболее компактным способом, без применения лексических средств ее выделения, а значит,

являются одновременно выражением последнего параметра, характерного для когнитивной информации, – ее плотности.

Плотность (компрессивность) – это уникальный параметр, свойственный только когнитивной информации. Он заключается в тенденции к *сокращению линейной (горизонтальной) и вертикальной протяженности языкового кода при оформлении текста*. Существуют разнообразные средства компрессивности: лексические сокращения разных типов (аббревиатуры, сложносокращенные слова и пр.); компрессирующие знаки пунктуации – скобки и двоеточие; использование при оформлении текста компонентов других знаковых систем – цифрового кода, символов, формул; применение графических и других изобразительных средств – схем, графиков, условных рисунков, фотографий и т. п.

Отметим, что плотность, свойственная когнитивной информации, не означает неполноты информации, а представляет собой ее «сжатие». Напротив, неполные структуры (эллипсис) свойственны эмоциональной информации и отражают ее качественно иную специфику, в частности, зависимость от ситуативного контекста (см. ниже).

Оперативная информация. Оперативная (или апеллятивная) информация представляет собой побуждение (призыв) к совершению определенных действий. *Языковыми средствами* оформления этого вида информации являются побудительные средства разного рода: все формы глагольного императива, инфинитив со значением императивности, модальные глаголы, глагольные конструкции со значением возможности и необходимости, модальные слова, конъюнктив, сослагательное наклонение. Значение императивности может подчеркиваться лексическими усилителями-интенсификаторами (например, в рус. яз.: *всегда, никогда, обязательно* и т. п.). Оформление этих основных средств оперативной информации в тексте чаще всего сопровождается нейтральным фоном лексики и нейтральным (не эмоциональным) порядком слов. Это наблюдение позволяет сделать вывод о том, что оперативная информация эффективнее передастся в нейтральном лексико-грамматическом обрамлении.

На синтаксическом уровне для оперативной информации характерны простые полносоставные предложения малого и среднего объема.

Эмоциональная информация. Эмоциональная информация служит для передачи эмоций (чувств) в процессе коммуникации. По своим типологическим признакам этот вид информации во многом представляет собой противоположность когнитивной информации.

Ведущим признаком эмоциональной информации является **субъективность**. Она выражается с помощью самых разнообразных языковых средств.

Так, широко задействованы языковые средства, представляющие собой реализацию текстовых категорий. Темпоральность представлена рядами настоящего, прошедшего и будущего времени и выражается в каждом языке с помощью соответствующих форм. Преобладающей формой модальности при оформлении субъективности является модальность реальности (собственно, она вообще может считаться преобладающей в тексте как таковом), но вполне вероятна для оформления субъективности эмоциональной информации на текстовом уровне также и модальность возможности, предположительности, сомнения – одним словом, нереальности; для этого используется целый спектр средств: сослагательное наклонение, глагольные конструкции с модальным значением, модальные слова и т. п.

На уровне предложения можно назвать преобладание личного подлежащего, разнообразие лица подлежащего (1, 2, 3-е лицо); преобладание активного залога при оформлении сказуемого; сложную структуру актуального членения и, соответственно, разнообразие порядка слов, в том числе и его отклонение от литературной нормы; неполноту структуры предложения (эллипсис), которая восполняется ситуативным контекстом; парцелляцию; наличие односоставных предложений.

Специфичны и лексические средства, отражающие субъективность эмоциональной информации. Это – широчайшая палитра средств, способных передавать все нюансы настроений и эмоций человека:

- 1) *вненормативная лексика*, в том числе и относящаяся к социальным вариантам языка (просторечие, ругательства, табуированная лексика, жаргонизмы, профессионализмы, лексика высокого стиля);
- 2) *территориальные варианты лексики* (диалектизмы);
- 3) *диахронические варианты* (архаизмы, историзмы, неологизмы, модные слова).

Подавляющее большинство лексических единиц этих групп содержит эмоционально-оценочные коннотации. Встречается здесь и специализированная лексика, передающая эмоции (междометия).

Конкретность – еще одна значимая черта эмоциональной информации. Она проявляется и в привязке содержания к конкретному времени, о которой мы уже говорили, и в преобладании лексики, организованной по словообразовательным моделям, в которых сема абстрактности находится на периферии, и в обилии семантически полноценных глаголов. В организации текстового единства эмоциональная информация заявляет о себе малой эксплицированностью средств когезии; преобладает ассоциативный принцип соединения отдельных предложений в единое целое.

У нас создается впечатление, что эмоциональная информация чужда каким-либо обобщениям. Да, абстрактность для нее не характерна, но абстрактность и обобщение, типизация – не одно и то же. Для оформления эмоциональной информации характерна черта, которая служит своеобразным средством ее обобщения, а именно – **образность**. Фразеологизмы, пословицы, клишированные (то есть, в нашем понимании, осознаваемые как образные, но не индивидуальные) метафоры, сравнения и т. п. позволяют ассоциативно обобщить информацию, образно сопоставить ее с другой, уже известной реципиенту. Сюда же относятся разного рода цитаты, а также различные виды текстовых алгоритмов (стилизации). Все эти средства – как образные, так и цитатные и алгоритмические – можно, думается, объединить в понятии интертекстуализмов. Все они – от фразеологизма *у него не все дома* до стилизации журнального очерка под сказку или под детектив – представляют собой один и тот же прием – применение уже го-

тового текстового единства или его фрагмента для типизации эмоциональной информации «по ассоциации».

В применении шрифтовых, графических и изобразительных средств эмоциональная информация значительно изобретательнее, чем когнитивная. Используются нестандартные шрифты, цветовое решение текста и его фона, разнообразные иллюстрации. Все это призвано усиливать «эмоциональные пики» в тексте и способствует оттенению вербально выраженной информации. Но если при оформлении когнитивной информации графические средства служат прежде всего для подчеркивания логической иерархии ее компонентов и являются одним из средств компрессивности, то при оформлении эмоциональной информации их функция – другая: выразить эмоции разнообразно, объемно, воздействовать на разные рецепторы реципиентов.

Как мы видим, все описанные выше виды информации имеют в своем распоряжении достаточно определенный, стандартно оформленный, хорошо опознаваемый набор средств. Однако сама по себе эмоциональная информация неоднородна (как многообразны, неоднородны и сами эмоции) и включает один подвид, который специализируется на оформлении чувства прекрасного; этот подвид мы можем назвать **эстетической информацией**. На наш взгляд, эстетическую информацию необходимо рассматривать отдельно, поскольку, обладая всеми признаками эмоциональной информации, она специализируется на передаче чувств, возникающих от средств оформления ее самой, тех чувств, которые пробуждает в человеке словесное искусство. Это тот редкий случай, когда текст является не только средством передачи информации, но и объектом этой информации. Игра сочетаниями слов, причудливое сочетание смысла и формы – вот что служит основой для эстетической информации. Эстетическую информацию, выраженную с помощью невербальных знаков, мы получаем от других видов искусства; музыки, живописи, архитектуры, прикладного искусства; здесь же она выражена языковыми знаками. Пользуясь всем арсеналом средств, с помощью которых оформляется эмоциональная ин-

формация, она бескрайне расширяет их диапазон, поскольку каждое из них может быть изменено и преобразено под воздействием творческой индивидуальности автора текста: стандартные метафоры заменяются индивидуальными, порядок слов может значительно отклоняться от нормы, значимым становится фонетический уровень речи: в оформлении текста участвуют созвучия (звукопись), повторы, фонетически тождественные окончания строк (рифма). Именно воздействие авторской индивидуальности делает перечень средств выражения эстетической информации открытым: авторы изобретают все новые и новые средства.

Итак, мы выявили 4 вида информации, которая может содержаться в тексте. В какой мере можно разграничить тексты по признаку содержащейся в них информации? Вопрос осложняется тем, что текст редко заключает в себе один вид информации в чистом виде. Как правило, мы обнаруживаем в тексте сочетание нескольких видов информации. Задача переводчика – выявить их иерархию и роль в реализации коммуникативной функции текста.

Список литературы

- Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2004. – 352 с.
- Бархударов, Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 239 с.
- Бюлер, К. Теория языка / К. Бюлер. – М. : Прогресс, 2000. – 528 с.
- Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
- Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Изд. 4-е, стер. – М. : КомКнига, 2006. – 144 с. – (Лингвистическое наследие XX в.).
- Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии : Монография. – М.: Наука, 1984. – 232 с.

- Звегинцев, В. А. О цельнооформленности единиц текста / В. А. Звегинцев // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1980. – Т. 39, № 1. – С. 13–21.
- Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2001. – 424 с.
- Латышев, Л. К. Курс перевода (эквивалентность и способы ее достижения) / Л. К. Латышев. – М. : Междунар. отношения, 1981. – 248 с.
- Миньяр-Белоручев, Р. К. Как стать переводчиком? / Р. К. Миньяр-Белоручев ; отв. ред. М. Я. Блох. – М. : Готика, 1999. – 176 с.
- Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие : для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Федоров. – 5-е изд. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
- Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. – М., 1975. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm>. – Загл. с экрана.
- Glinz, H. Soziologisches im Kernbereich der Linguistik. Skizze einer Texttheorie / H. Glinz // Sprache und Gesellschaft: Beiträge zur soziolinguistischen Beschreibung der deutschen Gegenwartssprache : Jahrbuch 1970 des Instituts für deutsche Sprache. – Düsseldorf : Schwann, 1971. – S. 80–88.
- Handbuch Translation / M. Snell-Hornby, H. G. Hönl, P. Kußmaul, P. A. Schmitt (Hrsg.). – Tübingen : Stauffenburg Verlag, 1999. – 434 S.
- Neubert, A. Text und Translation / A. Neubert. – Leipzig : Verlag Enzyklopadie, 1985. – 168 S.
- Newmark, P. A. Textbook of translation. Part 1 / P.A. Newmark. – London : Prentice Hall International, 1988. – 292 p.
- Reiß, K. Texttyp und Übersetzungsmethode / K. Reiß. – Heidelberg : Groos, 1983. – 146 S.
- Shannon, C. E. A mathematical theory of communication / C. E. Shannon // Bell System Technical Journal. – 1948. – Vol. 27. – P. 379–423, 623–656.

Лекция 11. ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

1. Норма, узус, конвенция в переводе.
2. Трансформации в переводе.
3. Понятие приема, способа, метода перевода.
4. Методика разных видов перевода.

1. Норма, узус, конвенция в переводе

Переводческие **преобразования** текста обозначают термином **трансформация**. В отечественном переводоведении термин трансформация встречается у многих авторов. Однако его использование при описании процесса перевода не одинаково. Термин трансформация последовательно употребляется Я.И. Рецкером, Л.С. Бархударовым, А.Д. Швейцеров и др.

Преобразования текста связаны с **преодолением материала** – и это сопротивление связано с **требованиями нормы**.

Воздействие текста на адресата определяется не только его содержанием, но и тем, насколько он соответствует навыкам адресата в области восприятия речи, языковым и речевым стандартам данного лингвоэтнического коллектива, отраженным в понятиях «норма» и «узус».

Эти два лингвистических понятия неразрывно связаны с третьим – понятием системы языка, поскольку в процессе порождения речи **система языка, языковая норма и речевая норма (узус)** функционируют во взаимодействии.

Система языка – это совокупность взаимозависимых единиц языка разного уровня и моделей, по которым они «работают» (сочетаются) (Латышев, 2005, с. 52). Крайне существенно при этом, что система способна производить не только то, что реально встречается в речи людей и

признается правильным, но и то, что в речи не употребляется, а если и будет употреблено, то будет признано неправильным.

«Система языка, – пишет В.А. Ицкович, – это не то, что реально существует в языке, а то, что может быть в нем создано» (Ицкович, 1968, с. 11).

Так, с точки зрения словообразовательной системы языка, одинаково возможны существующие и не существующие в русском языке отглагольные наименования: *мечтатель, мечтальщик, мечтальник; шутник, шутильщик, шутитель*.

Л.В. Щерба писал о том, что слова *писальщик, читальщик, ковыряльщик* никогда не входили и не входят в словарь, но могут быть всегда образованы и правильно поняты. Теоретическая возможность образования существительных по всем трем моделям (с суффиксами *-тель, -(ль)щик, -ник*) доказывается, в частности, реальным существованием таких слов-дублетов, как *сеятель* и *сеяльщик*.

В повести В. Богомолова «Момент истины» приводятся некоторые оперативные документы советской контрразведки периода Великой Отечественной войны, язык которых весьма своеобразен. Там, в частности, имеется такая фраза: *Прошу Вашего указания сообщить особые приметы или какие-нибудь дополнительные сведения, способствовавшие бы... идентификации задержанных*.

Ни в одной самой подробной грамматике русского языка мы не найдем нормы, позволяющей образовать **сослагательную форму причастия**. В русском имеется сослагательная форма глагола, позволяющая построить правильное словосочетание: *сведения, которые способствовали бы...* Однако и грамматически некорректное словосочетание *сведения, способствовавшие бы...* успешно применялось в названных документах потому, что оно возможно с точки зрения системы русского языка. Система – это, таким образом, действительно, не то, что реально существует в языке и признано обществом, а то, что может быть в нем создано.

Языковая норма – это следующий после языковой системы фактор, управляющий порождением речи. Она является своеобразным фильтром, который как бы пропускает или задерживает то, что способна производить языковая система:

– пропускает то, что реально существует, функционирует в языке и признается обществом правильным, и

– «отфильтровывает» те продукты системы, которые реально в языке не существуют, в речи не употребляются, а если употребляются, то признаются неправильными.

По выражению известного лингвиста Э. Косериу, *норма – это «коллективная реализация системы»*.

Норма – это представление коллектива носителей языка о том, что есть правильное и неправильное в языке и речи. Существовая как объективно данное, норма отражается в грамматиках, словарях, справочниках. Такие возможные продукты языковой системы, как *писальщик*; *читальщик*; *сведения*, *способствовавшие бы...* и т. п., приводившиеся в качестве примеров для иллюстрации возможностей системы, противоречат языковой норме. Норма не есть нечто незыблемое. Существуют ее варианты, наблюдаются колебания, отступления от нормы.

В процессе перевода возникает необходимость в создании неологизмов, и именно норма подсказывает нам предел системы.

В производстве строительной железнодорожной техники используется слово *щебнесос* – оно появилось благодаря переводчику, который использовал словообразовательную модель для означивания данной машины средствами русского языка при переводе немецкого слова *Schotterdeckemaschine*.

Речевая норма является еще одним фактором, регулирующим порождение речи (текста), у нее есть еще одно, более краткое, наименование – «узус».

Узус представляет собой еще один фильтр, следующий за фильтром, образуемым языковой нормой. «Языковой» фильтр отсеивает такие

виды неправильности, которые имеют абсолютный характер, поскольку то, что противоречит языковой норме, неправильно всегда, и не может быть такого, чтобы высказывание, некорректное в нормативно-языковом отношении в одном случае, оказалось бы корректным в каком-то другом. Так, если фразы *Это указывает о большой опасности*, *Проблема играет особое значение* неправильны, будучи произнесенными с трибуны большого собрания, то столь же неправильны они, если произнесены в компании друзей за столом. В обиходе такого рода речь именуется неграмотной.

Узус «отфильтровывает» продукты языковой системы не по критерию «правильно / неправильно», а по критерию «более предпочтительно / менее предпочтительно». Сам термин узус образован от латинского *usus*, что означает «пользование, употребление, обычай».

Свои обычаи и традиции есть и в речевом общении людей. В одной и той же ситуации об одном и том же предмете можно сказать по-разному. Например, о цене на рынке можно спросить: *Почем огурцы?* // *Сколько стоят огурцы?* // *В какую цену огурцы?* Все эти варианты вопросов:

- не только правильны с точки зрения нормы русского языка, но и
- узуальны, то есть соответствуют узусу, поскольку типичны у русских для общения на тему о ценах.

Вас также поймут и ответят на ваш вопрос, если вы спросите о цене иначе, например: *Какова цена ваших огурцов?* // *Сколько вы хотите за ваши огурцы?* // *У вас дорогие огурцы?* Все эти фразы также:

- правильны с точки зрения нормы русского языка,
- но они менее узуальны, то есть менее типичны для той ситуации общения, где употребляются.

Итак, **узус – это правила ситуативного использования языка**. Он отражает речевые привычки и традиции данного языкового коллектива. Узус носит выраженный социальный характер, то есть речевые традиции связаны с социальным аспектом речевого общения: как принято писать научную статью и в каких выражениях составляется коммерческий

договор; как принято говорить с официальными лицами и как с близкими людьми.

Иными словами, узус – отбор средств языкового выражения в зависимости от социального аспекта ситуации общения. Формируя текст, социальный аспект общения оставляет на нем свой специфический отпечаток, позволяющий человеку, находящемуся даже вне ситуации общения, судить о его социальном аспекте.

Использование узуальных вариантов речи способствует успеху речевого общения, и наоборот. Одна из главных причин того, что мы порой с трудом понимаем иностранцев, говорящих по-русски, заключается в том, что они употребляют чрезмерное количество неузуальных фраз и словосочетаний.

Вам можно звонить?

Мне надо туда приехать завтра около обеда.

О том, как расходятся в некоторых случаях узусы разных языковых коллективов, можно судить хотя бы по стандартным русским и немецким надписям и вывескам:

Берегись автомобиля. – Achtung Ausfahrt!

Справочное бюро – Auskunft.

От себя (надпись на двери). – Drücken.

Осторожно, окрашено! – Frisch gestrichen.

Фактор расхождения узуса должен всегда учитывать переводчик.

Рассмотрим подход В.Н. Комиссарова (Комиссаров, 1990, с. 229–231).

Еще одним фактором, влияющим на совершение преобразований, трансформаций, является выполнение **конвенций дискурса, в рамках которого данный текст функционирует.**

Конвенции дискурса – это принятые в определённой культуре и коммуникативной сфере нормы построения текста: структура, стиль, жанровые ожидания, способы аргументации, вежливости, логики изложения и т. д. В переводе они играют ключевую роль, поскольку переводчик работает не только с языком, но и с культурно закреплёнными моделями коммуникации.

Разные жанры (научная статья, деловое письмо, реклама, судебное решение) имеют устойчивые модели. Например:

- англоязычные научные статьи обычно строятся по модели IMRaD (Introduction–Methods–Results–Discussion);
- русские тексты могут быть более теоретически развернутыми во введении.

Если игнорировать эти конвенции, перевод будет восприниматься как «неестественный» или непрофессиональный.

Конвенции дискурса – это не второстепенный фактор, а структурная основа перевода. Переводчик выступает медиатором между двумя дискурсивными системами и должен учитывать:

- культурные нормы коммуникации,
- жанровые модели,
- прагматическую цель текста,
- ожидания целевой аудитории.

Рассмотрим пример преобразований, связанных с выполнением требований юридического дискурса:

The Company hereby represents and warrants that it has full legal capacity and authority to enter into this Agreement and to perform its obligations hereunder.

букв.:

Компания настоящим заявляет и гарантирует, что она имеет полную юридическую способность и полномочия заключить настоящее Соглашение и выполнять свои обязательства по нему.

Проблемы:

- *юридическая способность* – калька с *legal capacity*; в русском праве используется термин *правоспособность* и *дееспособность*;
- *выполнять обязательства* менее типично, чем *исполнять обязательства*;
- конструкция звучит перегруженно и не полностью соответствует русской договорной традиции.

с соблюдением конвенций:

Компания настоящим заявляет и гарантирует, что обладает необходимой правоспособностью и полномочиями для заключения настоящего Соглашения и исполнения обязательств по нему.

1. Терминологическая адаптация

- *legal capacity* – **правоспособность**. Использован термин, закреплённый в российской правовой системе (см. нормы Гражданский кодекс Российской Федерации).

2. Формульность договора

Сохранена типичная для русских договоров формула:

- *настоящим заявляет и гарантирует*
- *обладает необходимой ... полномочиями*

3. Номинативная компактность

- *для заключения ... и исполнения обязательств* – стандартная синтаксическая модель договорного стиля.

4. Институциональный стиль

Используется настоящее время («обладает»), что соответствует нормативно-декларативному характеру русского договорного дискурса.

Итак, система, норма принимающего языка, узус, конвенции дискурса определяют необходимость преобразования текста как языкового целого, которое предусматривает совершение трансформаций.

2. Трансформации в переводе

Переводческие преобразования текста обозначают термином *трансформация*. В отечественном переводоведении термин «трансформация» встречается у многих авторов. Однако его использование при описании процесса перевода не одинаково. Термин «трансформация» последовательно употребляется Я.И. Рецкером, Л.С. Бархударовым, А.Д. Швейцеров и др.

Как уже говорилось (см. Лекции 3–4), в теорию перевода термин *трансформация* переключался из трансформационной, генеративной грамматики. Н. Хомский первоначально выделил пять типов трансформационных правил, то есть типов операций, позволяющих преобразовывать ядерные структуры в поверхностные:

- 1) *опущение* (стирание, устранение, упразднение, удаление) компонентов;
- 2) *добавление* компонентов;
- 3) *субституция* (замена) компонентов;
- 4) *пермутация* (взаимная замена) компонентов;
- 5) *перестановка* (перемещение) компонентов.

Чаще говорят *о четырех типах трансформаций*, объединяя при этом *пермутации* и *перестановки*. В самом деле, взаимная замена компонентов заключается в их *взаимной перестановке* в пределах высказывания, поэтому пермутация может рассматриваться как частный случай перестановки.

Поэтому в отечественную теорию перевода перешла четырехчастная типология трансформаций: *добавление, опущение, перестановка и замена*. Л.С. Бархударов полагал, что «все виды преобразований или трансформаций, осуществляемых в процессе перевода, можно свести к четырем элементарным типам, а именно: 1) *перестановки*; 2) *замены*; 3) *добавления*; 4) *опущения*» (Бархударов, 1975, с. 189).

Перестановки он определяет как «изменение расположения (порядка следования) языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника» (Бархударов, 1975, с. 190). К элементам, которые могут подвергаться перестановке, он относит слова, словосочетания, части сложного предложения (clauses) и самостоятельные предложения в строе текста.

Замены – наиболее распространенный и многообразный, по мнению исследователя, вид переводческих трансформаций – он делит на грамматические и лексические, положив в основу, таким образом, различие уровней языка. Внутри группы грамматических замен он различает заме-

ны форм слова, замены частей речи, замены членов предложения, синтаксические замены в сложном предложении. В качестве лексических замен он рассматривает *конкретизацию, генерализацию и замену, основанную на причинно-следственных отношениях*.

В качестве причин, вызывающих необходимость *добавлений* в переводе, Л.С. Бархударов называет «формальную невыраженность» семантических компонентов словосочетаний в исходном языке, необходимость введения дополнительных компонентов при синтаксической перестройке структуры предложения, а также выражения лексическими средствами тех значений, которые в исходном языке передаются грамматическими средствами.

Опущение же заключается в устранении семантически избыточных элементов. «Как правило, – отмечает Бархударов, – разного рода трансформации осуществляются одновременно, т. е. сочетаются друг с другом – перестановка сопровождается заменой, грамматическое преобразование сопровождается лексическим и т. д. Именно такой сложный, комплексный характер переводческих трансформаций и делает перевод столь сложным и трудным делом» (Бархударов, 1975, с. 229).

В теории Бархударова переводческие трансформации фактически *уподобляются переводческим приемам*. Так, определяя замены как «наиболее распространенный и многообразный вид переводческой трансформации» (Бархударов, 1975, с. 193), Бархударов рассматривает в качестве одного из типов лексических замен «конкретизацию», которую называет также и «приемом».

А.Д. Швейцер, составляя один из первых перечней терминов науки о переводе, различает приемы перевода и трансформации. В его концепции приемы перевода относятся к области переводческой практики, а трансформации, составляющие основу того или иного приема, в большей степени являются элементами теоретической модели перевода. Он различает семантические и синтаксические (грамматические) трансформации.

Семантические трансформации он определяет как «описываемые ситуативной моделью виды преобразований смысловой структуры от-

дельных слов и высказываний в целом», а **синтаксические** – как «преобразование грамматической структуры высказывания при постоянстве его лексического наполнения» (Швейцер, 1988, с. 117).

К семантическим трансформациям Швейцер относит:

- векторную замену;
- добавление семантических компонентов;
- замену семантических категорий;
- опущение семантических компонентов;
- перенос;
- перераспределение семантических компонентов;
- повтор семантических компонентов;
- расширение;
- смещение;
- сокращение семантических компонентов;
- сужение (Швейцер, 1988, с. 118–144).

Синтаксические трансформации в его теории не получают значительного развития.

Швейцер выделяет некоторые **приемы перевода**:

- антонимический перевод;
- генерализацию;
- конкретизацию,

а также *замены и преобразования* (Швейцер, 1988, с. 139–184).

К **заменам** он относит:

- лексическое развертывание;
- лексическое свертывание;
- стилистическую модификацию.

Преобразования исходного текста – это:

- компрессия текста;
- прагматическая адаптация.

В.Н. Комиссаров полагает, что «в зависимости от характера преобразований переводческие трансформации подразделяются на лексические, грам-

матические и лексико-грамматические» (Комиссаров, 1990, с. 209), то есть за основу принимается все то же различие уровней языковой системы.

Лексические трансформации описывают формальные и содержательные отношения между словами и словосочетаниями в оригинале и переводе.

Разделяя внутри группы лексических трансформаций **формальные преобразования** и **лексико-семантические замены**, Комиссаров относит к первым **транскрипцию/транслитерацию и переводческое калькирование** (Комиссаров, 1990, с. 210–211).

Лексико-семантическими заменами являются **конкретизация, генерализация и модуляция (или смысловое развитие)** (Комиссаров, 1990, с. 212–215).

Я.И. Рецкер разделял все трансформации на **лексические** и **грамматические**, также основывая свою типологию на различии уровней языковой системы. Лексические трансформации он определял как «приемы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте и находим ему русское соответствие, не совпадающее со словарным» (Рецкер, 1974, с. 38). Сущность лексических трансформаций, по его мнению, «заключается в замене переводимой лексической единицы словом или словосочетанием иной внутренней формы, актуализирующим ту слагаемую иностранного слова (ту сему), которая подлежит реализации в данном контексте» (Рецкер, 1974, с. 38). В таком подходе к лексическим трансформациям Рецкер опирается на положение, выдвинутое и разработанное В.Г. Гаком, о том, что все лексико-семантические трансформации основаны на логических отношениях между понятиями. Среди лексических трансформаций Я.И. Рецкер выделяет 7 разновидностей:

- 1) дифференциация значений;
- 2) конкретизация значений;
- 3) генерализация значений;
- 4) смысловое развитие;
- 5) антонимический перевод;

- 6) целостное преобразование;
- 7) компенсация потерь в переводе (Рецкер, 1974, с. 39).

Интереснее смотрит на переводческие операции Л.К. Латышев (Латышев, 2005). Прежде всего, он разделяет все операции на два вида: **подстановки** и **трансформации**. Подстановки представляют собой наиболее простой прием, основанный на относительном совпадении «заменяемых и замещающих единиц и форм» (Латышев, 2005, с. 127).

Другим видом операций, применяемых в процессе перевода или, в терминологии Латышева, «трансязыкового перефразирования», оказываются переводческие трансформации. Типологию переводческих преобразований исследователь также строит на основании различения уровней языка. Поэтому в его типологии представлены *трансформации категориально-морфологические, синтаксические, лексические*, а также *глубинные*, которые выходят за рамки уровней языковой системы и затрагивают уровень структуры речи, так как в этом случае «претерпевает изменения сама схема мысли», то есть происходит изменение «набора деталей, используемых для описания ситуации» (Латышев, 2005, с. 279–281).

Вот что говорит Латышев о **глубинных трансформациях**:

«В процессе перевода, однако, имеют место и более радикальные трансформации, вторгающиеся в более глубокий слой речемыслительной деятельности, в результате чего *претерпевает изменения сама схема мысли*. Соответственно мы будем **именовать эти трансформации глубинными** (выделено нами. – В. М.). Попробуем показать разницу между “поверхностными” и глубинными трансформациями на примерах одноязычного перефразирования:

- 1.1. Петров своим трактором разбил дорогу.
- 1.2. Трактор Петрова разбил дорогу.
- 2.1. Вдруг он выхватил нож.
- 2.2. Вдруг в его руке появился нож.
- 2.3. Вдруг в его руке все увидели нож.
- 2.4. В его руке вдруг сверкнул нож.

В первом случае меняется лишь языковое (синтаксическое) оформление мысли: если в первом высказывании действующий *субъект* представлен в форме *синтаксического субъекта* (подлежащего), а *инструмент* действия – в форме *инструменталиса* (существительного в творительном падеже), то в перефразированном варианте высказывания *инструмент* уже выступает как *синтаксический субъект* (подлежащее), а собственно *субъект* – деятель превратился в *признак* синтаксического субъекта, выраженный несогласованным определением в родительном падеже. Иными словами, в парафразе *трактор* представлен так, как если бы он был собственно деятелем и действовал самостоятельно. Отметим при этом существенный момент: при перефразировании *не изменился набор признаков*, с помощью которых описана ситуация; и в исходном, и в перефразированном высказывании они те же самые: *Петров, трактор, дорога, разбить*.

В отличие от «поверхностных» трансформаций в трансформациях глубинных меняется не только (и не столько) языковая форма высказывания, но и набор составляющих, избранных для описания ситуации. У любой ситуации практически бесконечное множество составляющих.

В ситуации, описанной с помощью ряда высказываний под цифрой 2, упомянуты следующие ее детали: некто (*он*); *нож*, находившийся у него (в кармане, за пазухой, за ремнем и т. д.); свидетели *происшествия*; быстрое движение (*выхватил*): внезапность произошедшего (*вдруг*). Не упомянуты такие детали, как *место, время, количество и состав свидетелей, причины происшествия, погода, разновидность ножа, какой рукой действовал человек с ножом, как он был одет, как выглядел* и т. д.

Совершенно очевидно, что *все* составляющие ситуации, во-первых, просто не могут быть использованы в ее описании, во-вторых, в этом нет необходимости – достаточно отобрать для описания только те из них, что наиболее существенны (с точки зрения говорящего или пишущего). Более того, избыточное количество деталей, использованных в описании ситуации, затрудняет восприятие» (Латышев, 2005, с. 282–283).

Таким образом, *суть глубинных преобразований (трансформаций) высказываний заключается в изменении набора деталей, используемых для описания ситуации.*

В классификации переводческих операций, предложенной Латышевым, привлекает, прежде всего, то, что не всякая переводческая процедура рассматривается им как трансформация. Иначе говоря, процесс перевода также не может быть представлен как межъязыковая трансформация. Как мы пытались показать выше, *трансформация происходит тогда, когда преобразовывается система смыслов.* Различение языковых и речевых явлений в переводческих преобразованиях также представляется вполне справедливым. В самом деле, переводческие преобразования оказываются обусловленными *не только асимметрией систем языков, сталкивающихся в переводе, но и асимметрией мировосприятий, культур, оказывающихся в соприкосновении в переводе.*

3. Понятие приема, способа, метода перевода

Наука о переводе, всегда находящаяся в поиске путей оптимизации действий переводчика, имеет свои категории, которые, в отличие от понятий, не только обозначают, но и классифицируют медиативные действия. Это прием, способ и метод перевода.

Прием перевода: решает частную задачу, помогает преодолеть возникшую в процессе перевода трудность (Миньяр-Белоручев, 1996, с. 91).

Таким образом, прием перевода можно определить как переводческую операцию, направленную на разрешение какой-то проблемы и предполагающую типизированную однотипность осуществляемых переводчиком действий. Различия в системах языков и правилах использования единиц языка постоянно создают определенные проблемы в процессе перевода, вследствие чего переводчик вынужден использовать приемы перевода, называемые переводческими трансформациями.

К числу таких трансформаций относятся следующие *лексические трансформации*: конкретизация понятий, генерализация понятий, антонимический перевод, смысловое развитие, компенсация.

Другие приемы перевода используются для решения задачи иного рода – преодоления проблемы *безэквивалентности*. Приемы, используемые для передачи в переводе безэквивалентной лексики, включают *транскрипцию и транслитерацию, калькирование, описательный перевод, приближенный перевод*.

К числу *грамматических трансформаций* относятся *перестановки, замены форм слова, замены частей речи, замены членов предложения, синтаксические замены в сложном предложении, добавления, опущения, а также объединение предложений и членение предложений*.

К приемам перевода можно отнести и то, что мы называем средствами *прагматической адаптации* текста. Это и названные выше лексические трансформации, и использование *пояснений* в тексте, *постраничные сноски, комментарии* к тексту. Вполне определенно можно установить соотношение между отдельными приемами перевода и способами перевода.

Способ перевода. Р.К. Миньяр-Белоручев пишет, что «способ есть основное правило достижения поставленной цели, которое отражает объективно существующие законы действительности... **Способ** не есть деятельность, не система действий, а **психологическая операция**, реализующая действие. **Перейти от одного языка к другому для выражения уже сформулированной мысли, для повторного обозначения предмета можно только одним из существующих способов перевода**» (Миньяр-Белоручев, 1996, с. 91 – выделено мной В.М.).

В теории перевода рассматривались разные **способы, или пути перехода от единиц одного языка к единицам другого языка**.

Как мы уже знаем, И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг (Ревзин, Розенцвейг, 1964) выделяли два процесса перевода – собственно *перевод* и *интерпретацию*.

1) В первом случае осуществляется непосредственный **переход от знаков одного языка к знакам другого без обращения к реальной действительности, то есть без анализа того фрагмента действительности, который описывается в данном сегменте текста.**

2) Во втором случае переводчик, анализируя значения языковых знаков оригинала, **уясняет, какой именно фрагмент действительности описан в оригинале, а затем описывает этот же фрагмент, пользуясь средствами языка перевода.**

Р.К. Миньяр-Белоручев называет два способа перевода: ***знаковый*** и ***смысловой***.

В основе данного выделения способов перевода следующая оппозиция:

1) переводческие операции на формально-знаковом уровне:

от знака одного языка к знаку другого языка,

2) переводческие операции на смысловом уровне:

от знака одного языка – к денотату или ситуации – и к знаку другого языка (Миньяр-Белоручев, 1996, с. 91–92).

Заметим, что подобная оппозиция фактически совпадает с классификацией путей переводческого процесса в представлении И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга. По мнению Р.К. Миньяра-Белоручева, ***первый способ*** перевода – ***знаковый*** – наиболее четко прослеживается при синхронном переводе, в условиях жестких временных ограничений, когда нет времени получить или осознать контекст в полном объеме. После получения знака ИЯ в памяти переводчика мгновенно (быстрее, чем понятийные ассоциации) возникает соответствующий (а иногда, увы, и не соответствующий) иноязычный эквивалент. Интересно, что сам Р.К. Миньяр-Белоручев весьма критически отнесся к концепции И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга о двух способах перевода и указывал, что «трудно себе представить работу переводчика в отрыве от окружающей его действительности» (см.: Миньяр-Белоручев, 1996).

Второй способ перевода – ***смысловой*** – предполагает идентификацию денотата, то есть осознание семасиологических связей знака ИЯ. Необходи-

мость уяснить себе означаемое или речевую ситуацию делает невозможным при этом способе переводческие операции со знаком вне контекста. Определив денотат, переводчик переходит ко второй фазе процесса: к поиску иноязычной лексической единицы или речевой формулы, способной обозначить выявленный денотат или ситуацию. В целом процесс перевода осуществляется по схеме: «знак ИЯ – денотат – знак ПЯ». Обращает на себя внимание некоторая некорректность используемой Р.К. Миньяр-Белоручевым терминологии. Сама номинация «знаковый способ перевода» может навести на мысль о том, что при таком способе перевода переводчик не обращается к анализу смысла, не извлекает смысл из исходного сообщения. В то же время может показаться, что смысловой способ перевода как бы не имеет дела со знаками языка, что, конечно же, не соответствует действительности.

Способы перевода, выделяемые в разных классификациях (*трансформационный/интерлинеарный* в классификации Л.С. Бархударова, *знаковый/смысловой* у Р.К. Миньяра-Белоручева), теоретически соотносимы, что вполне объяснимо, ибо речь идет об одной и той же деятельности, в которой имеются определенные закономерности, и все, в принципе, сводится лишь к способу описания этой деятельности. Можно сказать, что интерлинеарный способ перевода – это практически то же самое, что знаковый способ в трактовке Р.К. Миньяра-Белоручева: в данном случае авторы обеих концепций имеют в виду непосредственный переход от знака ИЯ к знаку ПЯ; при этом последний является формально-структурным соответствием знака ИЯ (однотипным или неоднотипным), что, собственно, и означает интерлинеарность перевода.

Равенство понятий «трансформационный способ перевода» и «смысловой способ перевода» обеспечивается тем, что и та, и другая категория предполагают анализ описываемой в оригинале ситуации. Разница заключается лишь в том, что в первом случае подобный анализ имплицитно предполагается, а во втором – эксплицитно подчеркивается. Действительно, решение переводчика использовать ту или иную трансформацию для перевода какого-то языкового знака или всего высказывания опирается

на осознание им невозможности описать данную ситуацию или явление, задействуя формальные соответствия в другом языке. Но прежде переводчик должен понять, какая именно ситуация или явление описано в тексте оригинала. То есть и в случае использования трансформационного способа перевода имеет место обращение к реальной действительности.

4. Методика разных видов перевода

Метод перевода – это:

- система действий, вырабатываемая человеком на основе опыта;
- система взаимосвязанных приемов, учитывающая вид перевода и закономерно существующие способы перевода и взгляды, привычки, способности переводчика (Миньяр-Белоручев, 1996, с. 142).

Такие системы направлены используются, естественно, в разных видах перевода. Можно говорить *о методике как комплексном, закономерном и последовательном применении метода* в осуществлении устного, письменного перевода, в процессе сокращенного перевода.

По сути, метод перевода – это действия, которые позволяют приспособиться к объективно существующему способу перевода и получить оптимальные результаты наиболее рациональным образом.

В письменном переводе используется *метод сегментации текста*.

Применение этого метода предполагает осуществление нескольких операций:

- 1) определение величины текста, который будет подвергаться обработке;
- 2) деление текста на сегменты;
- 3) вычленение доминирующей информации из каждого сегмента;
- 4) обозначение вычлененной из сегментов информации при помощи специальных сокращений и условных обозначений;
- 5) переход от условных обозначений к развернутым высказываниям на ПЯ;
- 6) редактирование полученного текста.

Метод сегментации текста не является единственным методом письменного перевода, но, по мнению Р.К. Миньяра-Белоручева, он выгодно отличается от других методов тем, что позволяет работать не с отдельными лексическими единицами или предложениями, а с текстом в целом (Миньяр-Белоручев, 1996, с. 151).

В последовательном переводе используется **метод записи**. Запись, или переводческая скоропись, осуществляется по определенным правилам и сводится к выделению в устно воспринимаемом тексте оригинала ключевой или уникальной информации и письменной фиксации этой информации при помощи условных знаков, сокращений и символов. На основе полученной записи переводчик создает текст перевода, при этом сама запись служит в качестве графического воплощения основных квантов содержания и связей между ними.

В синхронном переводе используется **метод трансформации исходного текста**. Метод трансформации исходного текста в синхронном переводе имеет своей целью подготовить исходный текст к операциям на формально-знаковом уровне, то есть к использованию знакового способа перевода, который Р.К. Миньяр-Белоручев считал основным способом синхронного перевода. Для этого предусматриваются:

- лексические трансформации с поиском речевых единиц, включенных в семантические (тематические) системы, сформированные у переводчика;
- грамматические трансформации, учитывающие наиболее распространенные и несложные синтаксические конструкции языка перевода;
- речевая компрессия, которая достигается путем использования всех возможных видов трансформации (Миньяр-Белоручев, 1996, с. 167).

Предполагается, что подобные подготовительные операции позволяют переводчику в дальнейшем относительно легко переходить от единиц и конструкций ИЯ к единицам ПЯ в соответствующем синтаксическом оформлении. Однако сложно говорить, что в синхронном переводе имеет место такая направленная работа с ИТ. Скорее, можно говорить о

том, что синхронный перевод в связи с жесткими временными границами предусматривает определенную методику выбора соответствия в рамках знакового способа перевода.

Обращает на себя внимание, во-первых, разнородность описанных методов перевода, что, впрочем, можно рассматривать как закономерность, учитывая разнородность видов перевода, в которых используются данные методы. Во-вторых, особенностью этих методов является их необязательность: в принципе, осуществление и письменного, и синхронного перевода возможно и без использования этих методов. Лишь последовательный перевод невозможен без применения метода записи, но при этом следует помнить, что у каждого переводчика может быть своя собственная система записи, которая, впрочем, организуется по общим принципам. Все это наводит на мысль о том, что творческий характер перевода может привести (а возможно, и приводит) к созданию иных, индивидуальных для каждого переводчика методов перевода. Следовательно, вряд ли стоит рассматривать метод перевода как общее правило перевода.

Методика устного перевода (см.: Комиссаров, 1997).

I. Односторонний абзацно-фразовый перевод.

Условия осуществления: оратор произносит одну или несколько фраз, делает паузу, после чего переводчик проговаривает перевод.

Факторы, усложняющие задачу:

- особенности речи оратора (темп, дикция, акцент, неправильная речь);
- объем переводческого отрезка;
- использование трудно воспринимаемых на слух единиц (прецизионная лексика – названия, имена собственные, числа, даты и т. д.);
- условия работы (аудитория, шум, нервная обстановка);
- особые требования к поведению переводчика:
 - а) вести себя скромно, но свободно,
 - б) не жестикулировать,
 - в) регулировать громкость,
 - г) правильно выбрать место.

Факторы, облегчающие задачу:

- возможность заранее услышать речь оратора, ознакомиться с его манерой говорить;
- возможность учитывать реакцию аудитории;
- возможность переспросить + скорректировать перевод.

Необходимые умения:

- хорошее понимание беглой устной речи;
- одновременно слушать, думать, переводить, запоминать;
- свободная и правильная речь на языке перевода.

II. Двусторонний перевод.

Условия осуществления: беседа двух или более лиц, говорящих на разных языках. Переводчик произносит относительно короткие высказывания на ИЯ и ПЯ.

Факторы, усложняющие задачу:

- небрежная речь в условиях личного контакта с людьми, говорящими на том же языке;
- краткие, незаконченные реплики, новые знания для собеседника;
- одновременные замечания нескольких лиц;
- неудобное положение переводчика (плохо видит, слышит).

Факторы, облегчающие задачу:

- непосредственное участие переводчика в беседе, дающее возможность уточнять сказанное и корректировать перевод;
- возможность заранее ознакомиться с темой беседы и позициями ее участников;
- ограниченная аудитория и относительно неформальная обстановка, не требующая умения выступать публично.

Необходимые умения:

те же, что предъявляются к переводчику при восприятии информации на слух + умение быстро переключаться с одного ИЯ на другой, с речи на речь.

III. Перевод с листа.

Условия осуществления: переводчик получает текст, который он ранее не видел или видел лишь непосредственно перед переводом. Читая оригинал, переводчик произносит перевод так, как будто он написан на языке перевода.

Факторы, усложняющие задачу:

- необходимость сохранять равномерный темп говорения, избегая излишних пауз, повторений или исправлений;
- необходимость обеспечивать повышенную скорость чтения (около 200 слов в минуту при средней скорости говорения 100 слов в минуту);
- необходимость одновременно читать, переводить и проговаривать свой перевод;
- необходимость членить текст при чтении на такие отрезки, которые могут быть успешно переведены.

Факторы, облегчающие задачу:

- наличие зрительной опоры, позволяющей воспринимать и текущие, и следующие отрезки оригинала, самостоятельно определять величину отрезка;
- зрительное восприятие прецизионных слов, значительно облегчающее их перевод;
- возможность самостоятельно определять темп перевода.

Необходимые умения:

- умение быстрого переключения на язык перевода при широком использовании полуавтоматической подстановки готовых соответствий;
- умение совмещать проговаривание перевода с чтением следующего отрезка оригинала;
- умение быстро читать про себя.

IV. Последовательный перевод с записью.

Условия осуществления: 1) оратор произносит речь значительно-го объема; переводчик воспринимает текст, ведя краткую запись, опираясь на которую он сможет воспроизвести свой перевод после окон-

чания выступления; 2) перевод осуществляется в полной или сокращенной форме.

Факторы, усложняющие задачу:

- длительность выступления, создающая большую нагрузку на память, внимание, нервное напряжение переводчика;
- необходимость длительное время вести запись с помощью сложного условного кода;
- скорость речи оратора, которую переводчику нельзя регулировать;
- особо сложные условия воспроизведения: большая аудитория, необходимость сокращения без утраты существенных элементов и т. п.

Факторы, облегчающие задачу:

- разработка системы скорописи;
- возможность предварительной тренировки по обработке компонентов переводческого процесса: аудирования, записи, кодирования, декодирования, техники устной речи.

Необходимые умения:

- те же, что и в абзацно-фразовом переводе;
- быстрое и правильное ведение записи;
- способность запоминать основные изречения устного выступления значительной длины;
- способность одновременно декодировать запись и проговаривать перевод;
- способность обобщать и компрессировать смысл ряда последовательных высказываний.

V. Синхронный перевод со зрительной опорой.

Условия осуществления: переводчик снабжен наушниками, слышит высказывания оратора и с отставанием в 2–3 секунды проговаривает в микрофон перевод, опираясь на текст выступления, переданный ему заранее или непосредственно перед началом выступления.

Факторы, усложняющие задачу:

- необходимость тройного раскрытия внимания – одновременно слушание, чтение, говорение;
- темп речи оратора;
- дефекты его произношения, акцент;
- нервная нагрузка, переутомление;
- отступление оратора от текста, пропуск фрагментов текста;
- неполадки и сбои в аппаратуре.

Факторы, облегчающие задачу:

- построение речи оратора, позволяющее использовать параллельные структуры;
- размеренный темп с паузами;
- хорошее знание переводчиком обсуждаемой проблемы;
- предварительная подготовка;
- выполнение перевода «командой» (смена 20–30 мин.);
- хорошее владение техникой и приемами синхронного перевода.

Необходимые умения:

- перевод на слух + с листа;
- одновременно слушание, чтение, переключение и говорение;
- навык переключения;
- умение членить воспринимаемый устный текст, определять минимальную смысловую группу;
- способность обобщать и компрессировать смысл услышанного;
- способность умело исправить неудачно начатый перевод незаметно для слушающих;
- способность строить и четко произносить правильные и лаконичные фразы независимо от качества оригинала и полноты его воспроизведения.

Va. Синхронный перевод без зрительной опоры.

Условия осуществления: те же, что и при классическом синхронном переводе, но без опоры на текст (кабина или «шепотной синхрон»).

Факторы, усложняющие задачу:

- при «нашептывании» – сильные фоновые помехи, вторжение в личную зону переводчика и клиента;
- большая зависимость от оратора.

Факторы, облегчающие задачу:

Нет.

Необходимые умения:

- свободное и точное восприятие любых разновидностей устной речи;
- умение распознавать и фиксировать прецизионные слова;
- умение работать в разных направлениях: иностранный язык – родной язык – иностранный язык.

Список литературы

- Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
- Вине, Ж.-П. Технические способы перевода / Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 157–167.
- Комиссаров, В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу / В. Н. Комиссаров. – М. : Рема, 1997. – 112 с.
- Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
- Латышев, Л. К. Технология перевода : учеб. пособие для студентов лингв. вузов и фак. / Л. К. Латышев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Академия, 2005. – 320 с.
- Миньяр-Белоручев, Р. К. Теория и методы перевода / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Московский Лицей, 1996. – 208 с.
- Ревзин, И. И. Основы общего и машинного перевода / И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. – М. : Высш. шк., 1964. – 243 с.
- Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М. : Междунар. отношения, 1974. – 216 с.
- Швейцер, А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.

Лекция 12. ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПЛОСКОСТЬ ПЕРЕВОДА

1. Различие объема денотативного значения единиц ИЯ и ПЯ: подстановки и трансформации.
2. Природа лексической безэквивалентности и ее преодоление в переводе.
3. Перевод фразеологизмов.

1. Различие объема денотативного значения единиц ИЯ и ПЯ: подстановки и трансформации

И.С. Алексеева дает лексическому аспекту перевода следующие комментарии:

1. Слово – мельчайший самостоятельный носитель значения в языковом коде, и в тексте оно оказывается мельчайшей частицей комплексного содержания текста.

2. В зависимости от типа текста слово или комплекс слов может относиться к разным ступеням иерархии компонентов содержания, и поэтому может случиться, что необходимость в его передаче совсем отпадет.

3. Слово может обладать однозначной, независимой от контекста соотнесенностью со словом или словосочетанием языка перевода и передается в этом случае с помощью эквивалентного соответствия.

4. Слово может обладать многозначностью, и тогда его значение разрешается контекстом и оно передается с помощью вариантного соответствия.

5. Слово может обладать неполной соотнесенностью со словом языка перевода и в таком случае вызывает при переводе необходимость

трансформации: лексической замены (генерализации, конкретизации и др.).

6. Слово может выступать в процессе перевода как самостоятельная единица перевода с точки зрения семантики, но это далеко не единственная единица перевода в тексте; как правило, в тексте переводчик находит сочетания разных единиц перевода, и слово – только одна из них (Алексеева, 2004, с. 180).

Суть *лексических трансформаций* заключается в том, что в процессе перевода некоторые лексемы (слова, устойчивые словосочетания) исходного высказывания заменяются не системными (словарными) лексическими эквивалентами ПЯ, а некоторыми контекстуальными эквивалентами, то есть эквивалентами только на данный конкретный случай, которые при наложении друг на друга лексических систем ИЯ и ПЯ не пересекаются. Это находит свое отражение в том, что контекстуальные эквиваленты не являются эквивалентами в рамках двуязычного словаря (Латышев, 2005, с. 282).

Ср.:

Вариантные соответствия:

- *fine skin* – нежная кожа,
- *fine edge* – острое лезвие,
- *the fine arts* – изобразительные искусства.

Case

- случай
- дело (судебное)
- падеж (грамматический)
- футляр

Контекст:

This case was heard by the Supreme Court.

→ Это дело рассматривалось Верховным судом.

Лексические трансформации в большей степени, чем категориально-морфологические или синтаксические, могут затрагивать процесс передачи исходного содержания. Однако отнюдь не они являются самыми глубокими, самыми радикальными трансформациями. Так же, как синтаксические и категориально-морфологические трансформации, они (в своем чистом виде) касаются лишь поверхностного слоя речемыслительного процесса – подбора средств языкового выражения в соответствии с уже имеющейся схемой построения мысли. Соответственно, в рамках названных трансформаций переводчик меняет лишь принципы этого подбора, не затрагивая более глубинное явление – саму схему мысли.

Передача денотативного содержания. Общие положения.

Степень сложности процесса передачи денотативного содержания в переводе в разных конкретных случаях различна. Ср.:

1. *Стол стоит у окна.* – *The table stands at a window.*

2. *По газонам не ходить.* – *Keep of the grass.* – *Das Betreten des Rasens ist verboten.*

В первом случае переводчик может ограничиться элементарной заменой русских словоформ английскими. Во втором случае переводчику пришлось «перераспределять» значения слов и соответственно использовать иную, чем в оригинале, морфологическую и синтаксическую структуру предложения. Содержание оригинала удалось передать за счет того, что оно было как бы перелито в иное, чем в оригинале, количество сосудов, – причем сосудов другой формы.

Подстановки.

Начнем рассмотрение способов передачи денотативного содержания в переводе с наиболее простого приема, использованного в первом из двух вышеприведенных случаев перевода. Его принято именовать **подстановкой**. Суть его в том, что переводчик заменяет лексическую единицу ИЯ лексической единицей ПЯ, грамматическую форму ИЯ – грамматической формой ПЯ. Основой для таких замен является (относительное) совпадение значений заменяемых и заменяющих единиц и форм. В реальной

практике подстановки всегда переплетаются с более сложными приемами передачи содержания.

Простота переводческого приема, именуемого подстановками, в какой-то мере кажущаяся. Многое зависит от того, в каком отношении находятся денотативные значения заменяемых и заменяющих их языковых единиц.

При сопоставлении лексики двух языков выявляются следующие основные типы соотношений единиц ИЯ и ПЯ:

1-й тип соотношения единиц ИЯ и ПЯ: денотативное значение единицы ИЯ и единицы ПЯ полностью совпадает.

Очевидно, что этот тип соотношения денотативных значений единиц ИЯ и ПЯ не создает трудностей для переводчика. Однако для языков, не находящихся в очень близком родстве, этот тип соотношения лексических единиц двух языков достаточно редкий случай. В этом несложно убедиться, заглянув, например, в двуязычный словарь. Там мы найдем лишь относительно немного словарных статей, где одной лексической единице ИЯ соответствует одна единица ПЯ. Простой подстановкой переводятся следующие языковые единицы:

- 1) интернационализмы;
- 2) многие термины из разных областей знания;
- 3) некоторые термины родства;
- 4) наименования национальностей, языков, имена собственные, продукты, числительные.

Объем ЕИЯ = объем ЕПЯ

Constitution – Конституция

(в значении «Основной закон государства»)

Oxygen – Кислород

Действия переводчика: простая пропорциональная подстановка.

2-й тип соотношения единиц ИЯ и ПЯ: объем денотативного значения единицы ИЯ покрывается совокупностью значений несколь-

ких единиц ПЯ. Или наоборот: совокупность денотативных значений нескольких единиц ИЯ покрывается значением одной единицы ПЯ.

Соотношение денотативных значений единиц ИЯ и ПЯ 2-го типа может поставить переводчика перед выбором, для которого требуется определенная информация, не всегда, однако, содержащаяся в контексте. Так, например, немецкое слово *Geschwister* означает «дети одних родителей» и покрывается совокупностью двух русских понятий: *братья* и *сестры*. Применительно же к конкретному случаю – как факт биографии того или иного лица – слово *Geschwister* может означать самые различные комбинации этих двух понятий (брата и сестру, сестер и пр.).

Объем ЕИЯ = объем нескольких ЕПЯ

рука

сутки

blue

Но! Не путать с многозначностью, когда есть общие семы. Например, *место* – это:

- часть пространства;
- местность;
- должность;
- часть художественного произведения;
- место в театре;
- место в парламенте;
- место в соревнованиях.

Соте – все значения имеют сему *приближения к говорящему*.

Поскольку конкретное значение многозначного слова четко определяется даже минимальным контекстом (ср.: *билеты на откидные места; плацкартные места; 20 мест в парламенте*), многозначность лексической единицы ИЯ не создает для переводчика принципиальных трудностей с выбором переводческого соответствия. (Вне такого рода «уточняющих» контекстов многозначные слова обычно не употребляются, поскольку без них значение остается неясным.)

Действия переводчика:

- простая непропорциональная подстановка (3 суток – 3 days);
- конкретизация: Он сломал себе руку – He broke his arm// He broke his hand;
- генерализация: теща = свекровь (mother-in-law, Schwiegermutter – во всех германских языках).

3-й тип соотношения единиц ИЯ и ПЯ: денотативное значение единицы ИЯ частично совпадает и частично расходится с денотативным значением одной или (что более типично) с денотативными значениями нескольких единиц ПЯ.

Наиболее часто встречаемым является 3-й тип соотношения денотативных значений единиц ИЯ и ПЯ. От соотношения 2-го типа его отличают две особенности:

1. Частично покрывая объем значения единицы ИЯ, несколько единиц ПЯ частью своих значений могут выходить за его границы. В реальности это означает, что каждая единица ПЯ эквивалентна единице ИЯ только в определенных контекстах, вне которых единица ПЯ эквивалентом не является.

Ср.: *Confidence* – 1) доверие, 2) конфиденциальное сообщение, 3) уверенность, 4) самоуверенность, самонадеянность.

2. Совокупность значений единиц ПЯ может не покрывать всего объема значения единицы ИЯ, то есть часть объема значения единицы ИЯ может быть не покрыта совокупностью ее словарных эквивалентов. На практике это означает, что возможны контексты, в которых ни один из этих эквивалентов не применим.

Ср.: *He was insulted by the refusal.* – Этот отказ оскорбил его.

По сравнению с соотношением единиц ИЯ и ПЯ 2-го типа, когда переводчик рискует выбрать из нескольких возможных не тот переводческий эквивалент, 3-й тип соотношений чреват еще одной опасностью: риском выбрать один из предлагаемых словарем эквивалентов, в то время как ни один из них в данном контексте не подходит.

Следует сказать, что трудности, с которыми сталкивается переводчик, имея дело с 2-м и 3-м типами соотношения лексических единиц ИЯ и ПЯ, имеют одно существенное различие. Если в случае со 2-м типом трудности, как правило, носят объективный, совершенно независимый от переводчика характер (у него просто нет информации для того, чтобы выбрать один из нескольких альтернативных эквивалентов), то в случае с 3-м типом трудности обычно возникают как результат недостаточной квалификации переводчика: 1) дефектов в знании одного из двух или обоих языков, 2) неумения пользоваться словарем.

Двуязычный словарь состоит из отдельных словарных статей. Каждая словарная статья (СС) состоит из левой и правой части. В левой части – лексическая единица ИЯ, в правой – слова (а иногда и словосочетания) ПЯ. В случае 3-го соотношения лексических единиц в правой части СС слов (словосочетаний) несколько. Почему несколько – в принципе понятно: потому что ни один из эквивалентов, предлагаемых правой частью, не является полным заместителем единицы ИЯ. В чем-то семантически совпадая и расходясь с ней, каждый из неполных эквивалентов правой части репрезентирует лишь часть ее значения и, соответственно, может быть использован лишь в какой-то части потенциальных контекстов. Очевидно, что в этих обстоятельствах неверный выбор переводческого эквивалента из правой части словарной статьи может обернуться серьезной ошибкой в переводе.

Как избежать таких ошибок, которыми, к сожалению, грешат начинающие переводчики?

Задача словарной статьи – раскрыть значения слова ИЯ (заглавного слова) путем подбора эквивалента на ПЯ. Когда для слова ИЯ нет одного (полного) эквивалента, раскрывать значения слова ИЯ приходится с помощью нескольких частичных эквивалентов ПЯ. При этом очевидно, что на место в правой части словарной статьи может претендовать отнюдь не любой контекстуальный эквивалент заглавного слова, поскольку среди таких эквивалентов вполне могут оказаться слова и словосочетания, достаточно далеко отходящие от семантического значения единицы ИЯ.

Действия переводчика:

1) иностранный язык – родной язык: дифференциация значений исходной единицы путем предварительного уяснения ее инвариантного значения + выбор контекстно обусловленного значения (системное значение единицы + найти вариант, соответствующий контексту).

We had a hearty meal. – Мы позавтракали/пообедали/поужинали.

2) родной язык – иностранный язык: дифференциации значения путем предпереводческих трансформаций – ищем вариант перевода, соответствующий контексту.

Перефразирование – за рамки синонимических замен.

Напрасно ты взялся за это дело. – *You shouldn't have taken on this case. // Es war dein Fehler.*

Напрасно ты думаешь (или: ты ошибаешься), что она тебя простила. – *You're mistaken if you think (or: you're wrong) that she's forgiven you. // Du irrst dich.*

Напрасно ты встал с постели, ты еще болен. – *You shouldn't have gotten out of bed; you're still ill. // Du hättest nicht aufstehen dürfen.*

Напрасно ты ездил так далеко за книгой. – *You shouldn't have traveled so far for a book. // Du hättest ... nicht solchen Weg machen brauchen.*

Он был наказан **напрасно**. – *He was punished in vain. // Er war ohne Grund bestraft worden.*

4-й тип соотношения единиц ИЯ и ПЯ: денотативные значения не пересекаются.

То обстоятельство, что многие лексические единицы двух языков не пересекаются своими значениями, является достаточно очевидным и потому не содержит ничего нового. Гораздо менее очевидно и известно другое: в переводе между такими не пересекающимися лексическими единицами двух языков может возникать отношение эквивалентности. Или, иначе говоря, единица ИЯ может быть переведена единицей ПЯ, значение которой не пересекается с ее значением. Подтвердим сказанное примерами:

– чистая ложь// *A complete lie // Das ist schlicht und ergreifend falsch,*
– круглый дурак// *An absolute fool / A complete idiot / A total fool // kompletter Narr,*

Эквивалентность возможных соответствий имеет сугубо контекстуальный характер. Основанием для такого рода парадоксальной переводческой эквивалентности является тот факт, что при практически полном несовпадении (денотативных) значений пары слов выступают в функции выразителей одних и тех же семантических параметров, под которыми принято понимать абстрактные и универсальные значения типа «высокая степень какого-л. качества» (*kompletter Narr – круглый дурак*), «начало действия или процесса» (*A thunderstorm broke out. – разразилась гроза*), «конец действия или процесса» (*The storm died down. // der Sturm legte sich – буря утихла*) и т. д. и т. п.

Способ выражения семантического параметра зависит от того, при каком слове выступает выразитель семантического параметра. Так, по-русски мы можем сказать *круглый отличник* или *круглый дурак*, но не можем употребить этот же выразитель высокой степени при слове *лентяй* (здесь мы скажем: *отпетый лентяй*). И, конечно же, выбор способа выражения семантического параметра зависит от языка, его национального узуса. Так, если по-русски мы высокую степень *невежества* выражаем с помощью слова *дремучий*, то в немецком мы для этого используем слово, буквально означающее *бездонный*: *bodenlose Ignoranz*.

Сказанное, однако, не означает, что способы выражения семантических параметров в разных языках не совпадают всегда. К примеру, для перевода с немецкого языка на русский и наоборот нередко могут быть использованы аналогичные выразители семантических параметров, сравните:

eiserne Disziplin – железная дисциплина

unerhörte Frechheit – неслыханная дерзость

den Krieg entfesseln – развязать войну

jmds. Rechte beschneiden – урезать чьи-л. права

Уже из приведенных примеров видно, что многие способы выражения семантических параметров возникли как метафоры. Однако постепенно эти метафоры стерлись и сейчас как таковые не воспринимаются.

Подбирая эквивалент для выразителя семантического параметра, переводчик должен искать переводческое соответствие не по денотативному значению, а как бы наоборот, отвлекаясь от него и имея в виду лишь семантический параметр, знаком которого данный выразитель является. Алгоритм поиска адекватного соответствия для выразителя семантического параметра можно представить в виде двухэтапной схемы:

Nohe Achtung – высокая степень уважения – глубокое уважение.

Действия переводчика: лексически неадекватные узуальные подстановки.

Сначала переводчик «переводит» в своем сознании конкретную лексему, выражающую семантический параметр, непосредственно в семантический параметр, а затем находит принятый в ПЯ выразитель этого параметра при данном слове, отвлекшись от конкретного денотативного значения переводимой и переводной лексической единицы.

5-й тип соотношения единиц ИЯ и ПЯ: для единицы ИЯ нет даже частичного соответствия в виде единицы ПЯ – отношение лексической безэквивалентности – см. следующий раздел

2. Природа лексической безэквивалентности и ее преодоление в переводе

Достаточно ярким примером «головной боли» переводчика является случай, когда в лексической системе ПЯ нет эквивалента для единицы ИЯ.

«...Как нет непознаваемого, а есть еще неопознанное, так в принципе нет непереводаемого, а есть еще вопросы, которые, с точки зрения переводимости, пока разрешить не удалось» (Влахов, Флорин, 1980, с. 6).

Безэквивалентной лексикой принято называть слова и устойчивые словосочетания ИЯ, не имеющие более или менее полных соответствий в

виде системных лексических единиц ПЯ, но эквивалент создается в процессе перевода, поэтому понятие «безэквивалентность» относительно. Нет «готового» наименования в ПЯ, но оно создает в процессе речи.

Чаще других лексических единиц в разряд безэквивалентной попадают *термины, реалии (экзотизмы), имена собственные* – это все «...слова, обозначающие предметы или явления, связанные с историей, культурой, экономикой и бытом страны... которые отличаются полностью или частично... от лексических понятий слов сопоставляемого языка» (Томахин, 1982, с. 15).

Может ли перевод звучать идиоматично, но и вместе с тем сохранять колорит и нюансы оригинала, если он рассчитан на представителей во многом несхожей культуры? Думается, что может, и притом в большой мере. И это несмотря на то, что слова, которые характеризуют жизнь, психологию и историческое развитие одной страны, очень часто не имеют точных эквивалентов в языке другой. Сторонники одной из лингвистических теорий даже считают, что хотя такие эквиваленты встречаются на нескольких языках, они представляют собой только имена собственные, географические и научно-технические названия, а также месяцы года и числительные. Но эквиваленты, с одной стороны, и прототипы и заменители – с другой, это – вещи разные. Если какой-то термин не передает полностью тех ассоциаций, с которыми связано данное слово на исходном языке, у переводчика нет основания терять надежду на любые культурные коннотации. Кроме точных эквивалентов, в русском и английском языках существует множество понятий близких, похожих или способных описать переводимое явление.

Обед чаще всего переводится как *lunch*, хотя под обедом русские люди обычно подразумевают салат из овощей, суп, кусок мяса с жареной картошкой и какой-нибудь десерт, а в сознании жителя США слово *lunch* вызывает образы сэндвича, салата и чашки кофе.

Итак, *реалия* – элемент быта, истории, культуры, политики определенного народа, страны, который не имеет соответствия в других странах,

то есть имеет место отношение 1 : 0 (отсутствует денотат – денотативные реалии) или 1 к части (коннотативные реалии), что конституирует существование семантических/поведенческих лакун.

Классификация реалий.

Экзотизмами, или *словами-реалиями*, принято называть такие лексемы в языке, которые обозначают реалии быта и общественной жизни, специфичные для какого-либо народа, страны или местности. По тематическому принципу их можно подразделить на 3 группы:

- а) географические реалии;
- б) этнографические реалии;
- в) общественно-политические реалии.

Экзотизмы передаются в ПЯ в основном методом *транскрипции*, то есть пофонемного уподобления.

А. Географические реалии: 1) термины физической географии: *степь* (Россия), *фиорд* (Норвегия), *прерия* (Латинская Америка), *саванна* (Африка), *фен* (Австрия). Как мы видим по примечаниям в скобках, географические реалии часто связаны не со страной и народом, а с некой местностью и особенностями природы и климата, хотя само слово-реалия имеет конкретный языковой источник; 2) эндемики: *секвойя*, *баобаб*, *кенгуру*.

Б. Этнографические реалии: 1) одежда и обувь: *кимоно* (Япония), *лапти* (Россия); 2) строения и предметы быта: *изба* (Россия), *сауна* (Финляндия), *иглу* (Аляска); 3) национальные виды деятельности и названия деятелей: *скальд* (Исландия), *бард* (Ирландия), *скоморох* (Россия), *миннезингер* (Германия), *икебана* (Япония); 4) обычаи, ритуалы, игры: *вендетта* (Сицилия), *тамада* (Грузия), *лапта* (Россия); 5) мифология и культы: *Дед Мороз* (Россия), *троль* (Скандинавия), *валькирия* (древние германцы), *вурдалак* (Россия), *ксендз* (Польша), *пагода* (буддизм), *мечеть* (мусульманство); 6) реалии-меры и реалии-деньги: *аршин* (Россия), *рубль* (Россия), *лира* (Италия), *марка* (Германия).

В. Общественно-политические реалии: *кантон* (Швейцария), *виги* и *тори* (Англия), *большевики* (Россия).

Уже по приведенным в классификации примерам, которые представляют собой экзотизмы, усвоенные русским языком (за исключением собственно русских реалий), мы ощущаем, что эти слова являются, по видимому, их приблизительным воспроизведением в языке, который их заимствовал. Действительно, экзотизмы передаются в ПЯ в основном приемом *транскрипции*, то есть пофонемного уподобления:

Minnesinger – миннезингер, *Führer* – фюрер, квас – *Kwas*, шапка – *Schapka*.

Экзотизмы, пройдя этап транскрипции, используясь в языке перевода, постепенно обрастают грамматическими показателями ПЯ:

Die Marke – марка, *die Kirche* – купха, гусли – *Husla* (Алексеева, 2004, с. 181–182).

Итак, ведущим приемом передачи экзотизмов является *межъязыковая транскрипция*. Это емкий способ создания в тексте национального колорита, так как он позволяет ввести в текст звуковые подоби́я иностранной речи.

Двойным вводом экзотизма часто пользуются авторы публицистических текстов, если текст посвящен описанию какого-либо народа или страны и нужно придать ему экзотический колорит. В этом случае, как и в предыдущем, перед нами тоже факт перевода, но не текстового, а лексемного (переводится отдельное слово из иностранного языка и переносится в текст на родном языке). В целях создания национального колорита в текст могут вводиться не собственно экзотизмы, а просто иностранные слова, однако они все равно выполняют в таком тексте функцию экзотизмов:

А. В семье двое детей – бой энд герл.

Б. Жареные чикенз.

В приведенных примерах К. Чуковского контекст помогает угадать значение иностранных слов.

Особо следует отметить особенности передачи лексики, связанной с *обозначением времени*. Международная шкала времени имеет одинаковое членение в русском и немецком языках, и в принципе ее единицы передаются с помощью однозначных соответствий, но в русском языке действует тенденция к использованию более крупных обозначений – *полтора месяца*, не *6 недель*, *год и 3 месяца*, не *15 месяцев* и т. п.

Имена собственные – это группа лексики, обладающей однозначной соотнесенностью с явлениями действительности. Следовательно, они способны представлять объект не только как лингвоэтническую реалию, но и – в первую очередь – как особое, исключительное, не обобщаемое явление в мире. Поэтому имена собственные передаются с помощью однозначных, закрепленных в языке соответствий или с помощью транскрипции. Реже используется перевод, учитывающий семантику корневой морфемы. В любом случае имена собственные выделяются в письменном тексте и в русском, и в любом европейском языке заглавными буквами.

Личные и географические имена, не закрепленные традицией передачи, передаются согласно современным правилам *переводческой транскрипции* (Алексеева, 2004, с. 186).

Итак, если внутренняя форма имени не обыгрывается, личные и географические имена передаются *по новым или старым правилам транскрипции или традиционно*. Традиционные соответствия зафиксированы в словарях (*Moscow, Moskau, Moscou*). Особый слой традиционных соответствий представляют собой библейские имена, их написание и произношение обусловлено уже имеющимися переводами библейских текстов, произведений литературной классики.

Прозвища людей – исторические, уже не зависящие от контекста, – и прозвища героев в художественном тексте, служащие для характеристики персонажа, передаются с сохранением семантики корневой морфемы: *Карл Лысый, Филипп Красивый, Карл Великий, Пенни Длинный чулок*.

Клички животных (зоонимы) переводятся, если их внутренняя форма достаточно ясна: *Tiger* – *Tuzr* (кличка собаки). В остальных случаях они транскрибируются: *Mietzi* – *Митци* (кличка кошки), *Kiki* – *Кики* (кличка собаки); и также с русского: *Мурка* – *Murka*, *Дружок* – *Druzhok*. Международные клички транскрибируются с ориентиром на исходный язык: *Рекс*, *Джек*.

Особую проблему составляет перевод имен персонажей-животных в народной сказке, снабженных устойчивыми эпитетами в форме приложения. Проблема эта актуальна прежде всего для перевода русских народных сказок на иностранные языки, поскольку имена животных такого состава распространены шире всего именно в русской традиции. Для некоторых из этих имен существуют столь же устойчивые аналоги: *Коза-дереза* = англ. *Nanny Goat*. Но в большинстве случаев переводчикам приходится создавать новые имена по существующим в языке словообразовательным моделям, принятым в фольклорных текстах на данном языке. Так, в английском переводчику приходится либо выстраивать причастный оборот (*Курочка Ряба* = *the Speckled Hen*), либо использовать традиционный для английского фольклора эпитет-приложение в форме мн. ч. существительного (*Hare the Long Legs*). Аналогичные модели существуют и в немецком фольклоре: *Муха-Цокотуха* = *die Fliege Brummerin*, *Комар-нискун* = *die Mücke Summserin*, *Серый Волк* = *der Wolf Grauherr*.

В переводе **географических имен** абсолютных правил нет, но намечаются отчетливые тенденции. Большинство имен транскрибируется, какой бы «говорящей» ни была внутренняя форма: гора *Юнгфрау* (букв.: *Дева*), гора Монблан. Однако для перевода названий морей, озер и крупных заливов более характерна традиционная передача с переводом отдельных компонентов: *Ладожское озеро* – *Ladogasee*, *Nordsee*, *The North Sea* и т. п.

Микротопонимы – названия улиц, площадей и т. п., как правило, транскрибируются: *Унтерденлинден* (названия улиц), англ. *10 Downing Street* – *Даунинг-стрит 10*.

Но известны и **традиционные переводные соответствия**: *Wiener Wald* – Венский лес (парк), *Champs Elysées* – Елисейские поля, *Центральный парк* – *Central Park*. Названия ресторанов и других заведений, построенные на каком-либо образе или ситуативно-культурной ассоциации, чаще всего переводятся: нем. ресторан «*Die goldene Gans*» – «Золотой гусь».

В последние десятилетия широкое распространение получило сохранение оригинальных названий: это **названия учреждений и организаций, магазинов, гостиниц, компаний, судов, газет, журналов, телекомпаний, футбольных команд** и т. п.

Особый случай представляют прилагательные, образованные от географических имен. Изначально они представляют собой слова с транскрибированной корневой морфемой: *Тироль* → *тирольская шапочка*. Но затем исходное имя собственное может измениться или исчезнуть из употребления, а прилагательное сохраняет ту же корневую морфему, поскольку обозначает устойчивый признак или качество, потерявшие локальную привязку: *Персия* (Иран) → *персидский ковер*, *Карлсбад* (Карловы Вары) → *карлсбадская соль* и т. п. Прилагательные такого рода, как правило, интернациональны и переводятся с помощью эквивалентных соответствий. Однако иногда у этих прилагательных развивается оценочная функция, что естественно, поскольку представление об уникальности предмета часто связывается с представлением о его высоком качестве; тогда при переводе в качестве соответствия может выступать прилагательное ПЯ, наделенное в этом языке положительной оценочной коннотацией: *Damaskus steel* = *булатная сталь*.

«Ложные друзья переводчика» (Латышев, 2005, с. 184–186).

Это наиболее известный класс лексических «провокаторов», о котором много написано. К ним относится немалая часть так называемых интернационализмов – лексических единиц ИЯ, сходных по звучанию и/или написанию с лексическими единицами ПЯ. «Ложные друзья переводчика» – те интернационализмы в ИЯ, которые полностью или частично расходятся по значению со своими звукобуквенными аналогами ПЯ. Неопытные переводчики нередко попадают в ловушки фонетиче-

ского сходства, под которым скрываются существенные семантические различия.

«Ложные друзья переводчика» подразделяются на 4 основных типа:

1-й тип – слова ИЯ, созвучные словам ПЯ, но полностью расходящиеся с ними своим значением:

magazine – журнал (не «магазин»)

fabric – ткань (не «фабрика»)

complexion – цвет лица (не «комплексия»)

accurate – точный (не «аккуратный»)

der Termin – 1) срок; 2) судебное заседание; 3) договоренность о встрече (не «термин»)

das Feuilleton – литературный отдел в газете или журнале (не «фельетон», но в Австрии также газетная статья, фельетон)

2-й тип – многозначные слова ИЯ, у которых часть значений совпадает со значением внешне сходного слова ПЯ, а часть значений расходится. «Ложные друзья» этого типа встречаются чаще, чем относящиеся к первому типу:

artist – художник (но в русском «артист» – актёр, *performer*)

academic – учебный, академический (но «академик» – член академии)

cabinet – шкаф / кабинет министров (но не «кабинет» как комната)

der Referent – не только 1) референт (должностное лицо), но и 2) докладчик;

der Ingenieur – не только 1) инженер (*Diplomingenieur*), но и 2) техник (специалист со средним образованием);

komisch – не только 1) комичный (смешной, забавный, потешный), но и 2) разг. странный (*ein komisches Gefühl*).

3-й тип – лексические единицы исходного языка, у которых есть сходное по звучанию или написанию слово в ПЯ, являющееся в одном из своих значений эквивалентом слова ПЯ, однако у того же самого слова ПЯ есть еще одно или несколько значений, не имеющих ничего общего со своим звуковым (буквенным) аналогом в ИЯ. Например:

intelligent – умный (не «интеллигентный»)

«Интеллигентный» в русском – скорее воспитанный, культурный.

sympathetic – сочувствующий (не «симпатичный»)

Русское «симпатичный» описывает внешность или приятность.

der Radiator – *радиатор* = нагревательный прибор, а не радиатор автомашины (по-немецки: *der Kühler*).

4-й тип – названия мер, весов и других величин измерения, созвучные в ИЯ и ПЯ, но не совпадающие по количеству:

avoirdupois pound – 0,45359237 кг

das Pfund (Zollpfund) – 500 г, в то время как русский фунт – 409,5 г;

der Zentner в Германии – 50 кг (100 немецких фунтов); в Австрии и Швейцарии *Zentner* равняется 100 килограммам.

3. Перевод фразеологизмов

Перевод фразеологизмов имеет большой теоретический и практический интерес, так как фразеологизмы связаны с различием смысловых и стилистических функций, выполняемых в разных языках словами одинакового денотативного значения. «...Именно при переводе и вскрывается свойственная данному языку специфичность сочетаний, которая иначе могла бы и не быть замечена» (Федоров, 2002, с. 218).

Признак фразеологизма – «непереводимость в буквальном смысле» вследствие утраты мотивировки или самой реалии.

Фразеологизм *спасибо* – *спаси тебя бог*,

точить ласы,

das ist mir Wurst.

Перевод фразеологических оборотов предполагает:

1) знания в области фразеологизмов;

2) трудность распознавания фразеологических единиц («гипноз слова» – понятие, введенное С. Влаховым и С. Флориным, которое заслоняет от переводчика значение целого; попытка вывести значение целого из

значений компонентов, то есть пословный перевод, часто приводит к искажению всего контекста (см.: Влахов, Флорин, 1980));

3) собственно перевод, предполагающий передачу не только: а) семантики, но и б) экспрессивно-стилистических функций соответствующей единицы.

Для перевода фразеологизмов важна степень их семантической спаянности и их функция в тексте. Эти два релевантных признака оказываются тесно связанными между собой.

По степени семантической спаянности, согласно классификации В.В. Виноградова (Виноградов, 1977), мы можем разграничить:

- 1) фразеологические сращения (идиомы);
- 2) фразеологические единства;
- 3) фразеологические сочетания.

Фразеологические сращения – идиомы – маркируют устную речь, просторечие и являются средством образного контактного обобщения мысли. Не случайно они используются: в устной разговорной речи с оттенком просторечия, в официальной устной речи, для имитации первого и второго типа речи в художественном тексте. Поэтому, несмотря на то что с точки зрения понятийного содержания *идиомам могут соответствовать слова в прямом значении, эквивалентом будет лишь идиома или фразеологическое единство ПЯ.*

Какого лешего, спрашивается, носило его в кооператив Центрохоза? –

What ill wind, one wondered, was blowing him into the Cooperative of the People's Economy? (М. Булгаков).

Предложите свои соответствия:

1. *Kick the bucket*

– умереть

(буквально: «пнуть ведро»)

2. *Spill the beans*

– выдать секрет

(буквально: «рассыпать бобы»)

3. *Let the cat out of the bag*

– Проговориться

(буквально: «выпустить кота из мешка»)

4. *Once in a blue moon*

– Очень редко

(буквально: «раз в голубую луну»)

Наряду с этим переводчику приходится пользоваться приемом позиционной компенсации, то есть употреблять идиому в другом месте текста перевода, так как само наличие идиомы – инвариантный системный признак данного текста.

Отметим, что первым шагом при переводе фразеологизмов является их **идентификация**, то есть выявление семантического единства на фоне текста. Иначе возникает опасность их восприятия как череды слов с самостоятельной семантикой, что приводит к переводческим ошибкам.

«Вот герой австрийского дублированного фильма говорит героине (перевод на русский язык): “А у тебя лицо кислое, будто неделю идет дождь”. Образное сравнение лица с плохой погодой выглядит как индивидуально-авторское изобретение говорящего. На самом деле это пословный перевод известного немецкого фразеологизма: “Du machst ja ein Gesicht, wie vierzehn Tage Regenwetter” (буквально: “У тебя лицо, похожее на две недели дождливой погоды”). Для такого фразеологизма в русском языке есть целый ряд аналогов с другим образным планом, но с той же семантикой, например: “словно лимон проглотил”, “мрачнее тучи” и др.» (Алексеева, 2004, с. 192).

Фразеологические единства – устойчивые метафорические сочетания – имеют более широкий диапазон употребления, так как оттенком грубой просторечности, как правило, не обладают. Это, прежде всего, пословицы и поговорки, которые встречаются в разговорной устной речи, в официальной устной речи, во многих текстах средств массовой информации – газетных и журнальных статьях, рекламе и т. п. Иногда в тексте

обыгрывается, оживляется какой-либо компонент такого фразеологизма, но, как правило, достаточно подыскать соответствие, основанное на другом образе, но совпадающее по общей семантике:

Where there's a will, there's a way. – Где хотенье, там и уменье.

Want two pence in the shilling. – Винтика в голове не хватает.

Es ist alles in Butter. – Все идет как по маслу.

Erst die Last, dann die Rast. – Кончил дело – гуляй смело.

Eile mit Weile. – Поспешишь – людей насмешишь.

Однако не всякая пословица имеет аналог в другом языке, и тогда переводчику приходится создавать ее самому. **Фразеологические единства, в отличие от идиом, поддаются переводу с помощью системного моделирования.** Для этого определяются функциональные доминанты этих языковых образований. Это их национальная специфичность, выраженная в формальных признаках, афористичность предметного содержания, формальные особенности, обладающие эстетической информативностью: ритм, рифма, размер, аллитерация. Построив по этим признакам пословицу, можно избежать приема компенсации, который так или иначе перераспределяет элементы содержания текста. Приведем несколько примеров из переводческого опыта М.Л. Лозинского ³:

А. *Que femme il y a, silence n'y a.* – Завел жену – забудь тишину.

Б. *Chercher l'amour dans un époux est aussi fou que puiser l'eau dans un crible.* – Искать любви в муже – что черпать воду в луже.

В. *Les jeux des princes plaisent à ceux-là qui les font.* – Князьям потеха, а нам не до смеха.

Фразеологические сочетания – самая обширная группа фразеологизмов, и они употребляются фактически во всех типах текстов. Национальной специфичностью они не обладают, имеют, как правило, нейтральную окраску, образность, лежащая в их основе, стерта, и **проблема**

³ Перевод романа «Кола Брюньон» Ромена Роллана (*Colas Breugnon* by Romain Rolland).

их передачи – только в поиске соответствия, обладающего теми же стилистическими характеристиками:

strain every nerve – приложить все усилия;

lose time – терять время;

Gefahr laufen – рисковать;

mit Macht zu Felde ziehen – решительно выступить.

Некоторые из них имеют просторечную окраску, и тогда эта функциональная доминанта ограничивает выбор переводчика; сам факт фразеологической спаянности (а он заключается только в ослаблении или изменении семантики одного из компонентов сочетания) отступает на второй план, и поэтому фразеологические сочетания часто заменяются на слова в прямом значении, но с соответствующей окраской:

What is in the wind? (разг.) – *Что новенького?* (разг.);

Страх берем! (разг.) – *Was für Angst spüre ich* (разг.).

Список литературы

- Алексеева, И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студентов филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2004. – 352 с.
- Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1990. – 246 с. – (Библиотека преподавателя русского языка как иностранного).
- Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М., 1977. – С. 140–161.
- Виссон, Л. Синхронный перевод с русского на английский / Л. Виссон. – М. : Р. Валент, 1999. – 272 с.
- Влахов, С. Непереводимое в переводе : учеб. пособие / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношения. – 1980. – 342 с.

- Латышев, Л. К. Технология перевода : учеб. пособие для студентов лингв. вузов и фак. / Л. К. Латышев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Академия, 2005. – 320 с.
- Томахин, Г. Д. Америка через американизмы / Г. Д. Томахин. – М. : Высш. шк., 1982. – 256 с.
- Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие : для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Федоров. – 5-е изд. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
- Швейцер, А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215с.
- Klappenbach, R. Woerterbuch der deutschen Gegenwartssprache / R. Klappenbach, W. Steinitz. – Leipzig : Bibliogr. Inst., 1965. – 695 S.

Лекция 13. ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Введение.

1. Грамматические трансформации.
2. Синтаксические трансформации.

Введение

Деление соответствий на постоянные и варианты применимо главным образом к лексическим и фразеологическим соответствиям. Иной характер носят соответствия *грамматическим* единицам оригинала.

Грамматические значения, во-первых, имеют обобщенный характер; во-вторых, информация, которую они содержат, конкретизируется и тесно взаимодействует со значениями лексических единиц, получающих соответствующее грамматическое оформление.

Выбор грамматической формы в переводе нередко определяется не грамматическими единицами оригинала, а организацией передаваемой информации в высказывании в целом.

Поэтому для грамматических единиц ИЯ *не обнаруживается единичных соответствий*, которые постоянно или хотя бы в большинстве случаев использовались в переводе, когда в оригинале появляется данная единица.

Множественные соответствия грамматическим единицам ИЯ также отличаются от лексических вариантных соответствий. Среди них следует различать:

- однотипные (одноименные) соответствия;
- разнотипные соответствия.

Однотипные соответствия одинаково определяются в ИЯ и ПЯ, имеют аналогичное название и обладают аналогичным грамматическим зна-

чением в обоих языках. При использовании однотипного соответствия значение данной грамматической единицы оригинала передается в переводе с наибольшей полнотой. Такого рода соответствия обнаруживаются главным образом в языках, где в основном совпадают принципы выделения грамматических категорий. Таковы английское и русское существительное, английская и русская категория числа и т. д. *Разнотипное соответствие* не совпадает с исходной единицей по определению и названию (например, английское наречие и русский предложный оборот в функции обстоятельства).

Синонимичные грамматические единицы в ИЯ и ПЯ образуют отношения взаимной эквивалентности, когда у данной единицы ИЯ одинаково часто обнаруживаются как однотипные, так и разнотипные соответствия. Например, определительные причастные обороты и придаточные определительные предложения в английском и русском языках образуют единую группу соответствий, в которой каждый русский компонент служит соответствием любому английскому компоненту. Иначе говоря, при переводе, скажем, английского причастного оборота в функции определения столь же часто используется придаточное определительное предложение, как и аналогичный русский причастный оборот. Рассмотрим следующее английское предложение:

He was guest of honour at a reception given by youth for delegates to the world youth forum, which opened here last Wednesday.

В этом предложении имеется как причастный оборот, так и придаточное определительное предложение. Для каждого из них в качестве соответствия может быть использовано либо причастие, либо придаточное предложение в русском переводе. *Given* может быть переведено как «устроенный» или как «который был устроен», а *which opened* – как «открывшегося» или как «который открылся»:

Он был почетным гостем на приеме, устроенном (который был устроен) молодежью для делегатов Всемирного форума молодежи, который открылся (открывшегося) в Москве в прошлую среду.

В приведенном примере каждая из двух структур английского языка имеет в русском языке как однотипное, так и разнотипное соответствие, которые практически являются взаимозаменяемыми, если отвлечься от некоторых стилистических тонкостей. Подобная взаимозаменяемость будет отсутствовать, если множественность соответствий определяется многофункциональностью грамматической единицы ИЯ. Так обстоит дело, например, с английским причастием, которое при употреблении его в функции определения соответствует русскому причастию, а при употреблении в обстоятельственных функциях – русскому деепричастию.

1. Грамматические трансформации

Л.К. Латышев преобразования на уровне частей речи именует *категориально-морфологическими трансформациями*, поскольку части речи – одна из основных категорий морфологии. Трансформации этого типа широко применяются в переводе. Их особенность в том, что они в минимальной степени отражаются на передаваемом содержании – не влекут за собой существенных содержательных потерь или модификаций.

Достаточно нейтральны в отношении передаваемого содержания и синтаксические трансформации, которые могут в процессе перевода подлежащее «превратить» в дополнение, а личное предложение – в безличное (Латышев, 2005, с. 254).

И.С. Алексеева считает, что в системе языка у большинства грамматических значений есть свои соответствия. Норвежский переводовед Сигмунд Квам называет их *корреспондирующими правилами* (Kvam, 1999).

Языковая компетентность предполагает полноценное владение знаниями об этих соответствиях. Нас же интересуют те особые случаи в области грамматики, которые лежат в сфере переводческой, а не языковой компетентности и *требуют принятия переводческих решений*.

Такого рода проблемы возникают в следующих случаях:

1. Если данное грамматическое значение в языке перевода отсутствует (не эксплицировано).

2. Если есть несовпадения в структуре грамматического значения в системе языка, в его конвенциональном и функциональном диапазоне при речевой реализации в ИЯ и ПЯ, в том числе:

1) если грамматическое значение имеет несколько форм выражения в языке перевода и при речевой реализации нужно делать выбор;

2) если различаются традиции количественного употребления данной грамматической формы и т. п.;

3) если грамматическое значение включается в содержательный инвариант (Алексеева, 2004, с. 202–203).

А.В. Федоров предлагает по-другому рассматривать асимметрию грамматических форм в переводе (Федоров, 2002, с. 192–219): могут быть указаны три основных типа грамматического расхождения между ИЯ и ПЯ.

Первый случай – *когда в языке подлинника встречается элемент, которому нет формально-грамматического соответствия в языке перевода* (например, наличие артикля и разница между определенным и неопределенным артиклем, аналитические формы прошедшего времени в ряде романских и германских языков – при отсутствии этих явлений в русском языке).

Второй случай – *когда в ПЯ есть элементы, не имеющие формального соответствия в ИЯ, а между тем неизбежно применяемые в любого вида текстах* (например, форма вида глагола, широко развитая флективная система, наличие причастий активной формы прошедшего времени и пассивной формы настоящего времени в русском языке – при отсутствии этих грамматических средств в тех или иных романских, германских и др. языках).

Третий случай – *когда в ПЯ есть грамматические элементы, формально соответствующие элементам ИЯ, но отличающиеся от них по выполняемым функциям*.

Рассмотрим данные случаи расхождения языковых форм, релевантные в переводе.

Грамматическая асимметрия:

- отсутствие форм и категорий ИЯ в грамматической системе ПЯ;
- экспликация обязательных в ПЯ грамматических форм и категорий.

Отсутствие форм и категорий ИЯ в грамматической системе ПЯ:

- передача на русском языке функции артикля.
- отсутствие эксплицированной категории соотнесенности / несоотнесенности в русском языке.

Безусловно, логическая категория соотнесенности (определенной/неопределенной) / несоотнесенности находит и в русском языке свое выражение (с помощью лексики, местоимений определенных групп), но в русском нет тех специальных форм артикля, которые есть в большинстве европейских языков (Алексеева, 2004, с. 203).

Отсутствие в русском языке артикля должно учитываться в переводе прежде всего в связи с возможностью или невозможностью передать его функцию как средства, участвующего в актуальном членении предложения, то есть выделении данного, предполагаемого известным, и нового, упоминаемого впервые в контексте, – тот смысл, который выражается в ИЯ благодаря различию между артиклем определенным и неопределенным (ведь роль артикля как принадлежности существительного и как приметы грамматического рода передается флективными средствами русского языка, причем несоответствие в грамматическом роде слов, обозначающих одни и те же предметы и понятия, за исключением специальных и редких случаев, более существенных лишь в художественной литературе, не приводит к каким-либо смысловым расхождениям).

Разумеется, довольно часто встречается такое положение, когда функция артикля в условиях узкого замкнутого контекста, например, в заглавиях с их характерной краткостью, остается невоспроизведенной. Так, например, в заглавии романа Т. Драйзера «*An American Tragedy*» именно благодаря неопределенному артиклю подчеркивается типичность для Америки трагических событий, изображенных автором, подчеркивается то обстоятельство, что это – одна из многих таких же трагедий, постоянно

разыгрывающихся в Америке, а русский перевод этого заглавия, пожалуй, стилистически единственно возможный, – «*Американская трагедия*»: то, что в оригинале подчеркнуто уже заглавием, в переводе выявится только из содержания всего произведения в целом.

Однако, кроме этой возможности, существует еще и другая – возможность грамматического, точнее, синтаксического порядка, применимая к переводу с разных языков, обладающих категорией артикля.

Сравним несколько аналогичных по составу предложений английского, немецкого, французского, где смысловая роль артикля в основном одинакова:

A man came round the corner. – Из-за угла вышел (появился) человек.

An der Ecke erschien ein Mann. – Из-за угла вышел (появился) человек.

Une femme sortit de la chambre. – Из комнаты вышла женщина.

В этих случаях существительные сопровождаются неопределенным артиклем. Представим себе теперь ряд более или менее аналогичных фраз, отличающихся только тем, что в них применен артикль определенный:

The man still stood at the corner. – Человек все еще стоял на углу.

Der Mann stand immer noch an der Ecke. – Человек все еще стоял на углу.

La femme sortit de la chambre. – Женщина вышла из комнаты.

Рассмотренный синтаксический способ компенсации артикля оказывается применимым для перевода с разных языков, где функции артикля однотипны и устойчивы на протяжении огромного хронологического периода. Обобщающие замечания о возможности перевода здесь, таким образом, основаны на общности особенностей, представляемых категорией артикля в разных языках.

«Передача различия в артикле определенном или неопределенном в данных случаях вряд ли осуществима с помощью лексических средств, с помощью каких-либо отдельных слов» (Федоров, 2002, с. 43). Однако **лексические средства используются** в следующих случаях:

а) *Неопределенный артикль* в основном выполняет классифицирующую функцию, в некоторых случаях по своему значению неопределенный артикль приближается к значениям неопределенных местоимений *some* и *any*. Тогда его значение обычно приходится передавать в переводе. Например:

From the anxious depth within her there reawakened the suspicion that the people around her – mother, father, sister – were entangled in a conspiracy...
(J. Updike. Marry Me).

*Из смятенных глубин ее души снова поднялось подозрение, что окружающие – и мать, и отец, и сестра – как бы участвуют в **некоем** заговоре.*

Иногда неопределенный артикль употребляется в своем первоначальном значении числительного *one*. И в этом случае значение артикля должно быть передано при переводе с добавлением соответствующих лексем.

б) *Определенный артикль* выполняет ограничительную функцию, выделяет предмет из данного класса, изолирует его от ему подобных, конкретизирует его. Иногда определенный артикль выступает в своем первоначальном значении указательного местоимения, от которого он произошел, например:

If he remembered anything, it was the faintly capriciousness with which the gold-haired brown-eyed girl had treated (J. Galsworthy).

Если Соме и понял что-нибудь, так только ту капризную грацию, с которой золотоволосая темноглазая девушка обращалась с ним.

Если переводчик забудет о подобном моменте, русское предложение будет неполным и неточным.

Перевод конструкций с неопределенно-личным местоимением.

Подобно тому, как смысловая функция артикля при переводе на русский язык воспроизводится с помощью синтаксических, а отчасти и лексических средств, так и неопределенно-личное местоимение, присущее ряду романских и германских языков (французское *on*, немецкое *man*, английские *one* и *they* в неопределенно-личном значении), требует выбора формально отличных элементов для передачи его функции по-русски (за

отсутствием прямого грамматического соответствия). Практическая грамматика французского, немецкого или английского языка для русских учит тому, что основным соответствием этой форме в русском языке служит, как правило, глагол-сказуемое в третьем лице множественного числа при отсутствии подлежащего (то есть *on dit, man sagt, they say* и т. п., с одной стороны, и *говорят* – с другой). И в ряде случаев эта возможность, действительно, закономерно реализуется в переводах.

В других случаях для передачи оборота с неопределенно-личным местоимением ИЯ применяется безличное предложение русского языка: *on entendit, man hörte* – *было слышно*; *on constata, man stellte fest* – *было установлено*; *on dit, ..man sagt, they say* – *говорится* и т. д. Как при использовании глагола в 3-м лице множественного числа в бесподлежащем предложении, так и при использовании безличного оборота форме неопределенно-личного местоимения прямого соответствия в русском языке нет. К тому же в каждом из тех языков, где есть неопределенно-личное местоимение, оно обладает специфическими смысловыми, а отчасти стилистическими особенностями: так, во французском языке местоимение «on» употребляется в просторечии как замена 1-го лица множественного числа, и это отражается на некоторых случаях его применения и в литературном языке, в повествовании от лица рассказчика. В немецком языке местоимение *man* при ссылке на предыдущее изложение в научном тексте (например, в таком предложении, как *man hat gesehen*) предполагает неопределенную совокупность действующих лиц, то есть имеет значение, типичное для этого местоимения, но при переводе на русский язык исключается возможность употребить односоставное бесподлежащее предложение («видели») или предложение безличное («видано»), и практически остается лишь употребить местоимение «мы». Таким образом, несмотря на разные конкретные значения французского и немецкого неопределенно-личного местоимения, данный способ их передачи по-русски совпадает.

Подобные случаи говорят о том, что на материале переводов мы вполне закономерно встречаемся с использованием целого ряда других

возможностей, помимо тех, какие предусмотрены элементарной практической грамматикой.

Категория числа имени существительного.

Расхождения в употреблении категории числа обнаружатся, наверное, при сравнении любой пары языков. И если для существительных, эксплицирующих лишь один разряд этой грамматической категории (*pluralia tantum*, *singularia tantum*), они являются парадигматическими и, следовательно, для преодоления этих расхождений переводчику достаточно языковой компетентности (ведь, разумеется, всякий, кто владеет немецким языком, знает, что русское слово «ножницы» в нем не относится к *pluralia tantum* и является существительным женского рода – *die Schere*), то для целого ряда других существительных употребление числа обусловлено традицией (например, в немецком: *die Jugendlichen* – молодежь).

Случаи таких расхождений довольно подробно описаны для пары языков «английский – русский». Именно традициями словоупотребления объясняются приведенные авторами примеры: *struggles* – борьба, *Stone Ages* – каменный век, *talent* – специалисты.

Наличие такого рода традиций связано прежде всего с условностью, размытостью семантических границ между формами множественного и единственного числа, прежде всего способностью форм единственного числа выражать семантику собирательности, обобщенности, множественности. В связи с этим порой оказывается, что соответствие данному существительному множественного числа в ИЯ традиционно оформляется в ПЯ формой единственного числа. Об этом свидетельствуют приведенные ниже примеры переводов с английского на русский:

He thought it was given to him to judge the world and strike down the sinner. – Он решил, что ему дано судить мир и карать грешников.

Собирательное значение, которое подчеркивается определенным артиклем (*the sinner*), передано в переводе с помощью формы множественного числа (*грешники*).

Специфические закономерности предпочтения, связанные со структурными расхождениями в грамматических категориях или функциональными расхождениями, отмечают исследователи для различных языков. В.Г. Гак отмечает во французском тенденцию к использованию неодушевленных подлежащих в тех контекстах, где русский язык выбирает одушевленное подлежащее:

Cette catastrophe a fait trois morts. – В результате этой катастрофы погибли 3 человека (Гак, Львин, 1980, с. 25).

Из этого следует предпочтительное правило субъектно-объектной замены при переводе на русский язык.

Итак, при структурных и функциональных (как качественных, так и количественных) расхождениях грамматического уровня между языками переводческий выбор регулируется закономерностями предпочтения, которые приводят к фактическому установлению правил предпочтения, действующих либо в рамках двух языков (ИЯ – ПЯ), либо в рамках языков сходной структуры.

Экспликация обязательных в ПЯ грамматических форм и категорий.

Вторая категория случаев грамматического расхождения между двумя языками, то есть наличие в ПЯ специфических особенностей грамматики, которым нет прямого формального соответствия в ИЯ, ставит переводчика в особо благоприятные условия: он получает как бы добавочное средство для перевода иноязычного текста, играющее исключительную роль при передаче смысловой функции специфических элементов грамматики ИЯ. При этом возникает возможность более богатого выбора, естественно, вызывающая и некоторые трудности при взвешивании того, что именно требуется в данном случае и что более уместно по условиям русского контекста.

Одним из специфических элементов грамматического строя русского языка, как и ряда других славянских языков, несомненно, является **категория вида глагола**. Использование ее в переводе с германских и тех

романских языков, где ее нет, связано прежде всего с передачей значения разных форм времени (простых и сложных). Рассмотрение всех этих вопросов – необходимый раздел исследования, посвященного грамматическим соотношениям двух языков.

Здесь же должен быть затронут лишь один вопрос, общий для всех случаев перевода на русский язык, а именно – использование видовых форм для достижения перевода, полноценного с точки зрения русского языка, то есть перевода, применяющего весь арсенал существующих языковых средств.

Грамматическая категория вида глагола, как специфическая особенность русского (и других славянских языков), издавна привлекала и привлекает внимание исследователей, как отечественных, так и зарубежных.

Форма вида русского глагола является важнейшим средством передачи значений, выражаемых во многих других языках различием временных форм. Но, кроме того, форма вида выполняет и особую роль, служа для различения того, что в подлиннике никак не разграничено. Другими словами, переводчику на русский язык часто приходится выбирать между двумя возможностями, которые непосредственно не диктуются подлинником, так сказать, не «вписаны» в него. Это бывает, в частности, тогда, когда переводится глагол, данный в неличной форме, будь то герундий (для английского языка) или инфинитив.

Вот, например, последний абзац книги Дефо «Приключения Робинзона Крузо» (см. пример: Федоров, 2002, с. 206):

<i>And here I resolved to prepare for a longer journey than all these, having lived a life of infinite variety seventy-two years and learnt sufficiently to know the value of retirement, and the blessing of ending our days in peace.</i>	И здесь, порешив не утомлять себя большие странствованиями, я готовлюсь в более далекий путь, чем описанные в этой книге, имея за плечами 72 года жизни, полной разнообразия, и научившись ценить уединение и счастье кончат дни свои в покое.
---	--

В переводе обращает на себя внимание несовершенный вид глагола *кончатъ*, как соответствие английскому герундию *ending*. Казалось бы, привычнее и «глаже» в данном сочетании слов была бы форма совершенного вида – *кончить*. Однако автор имел в виду не смерть героя, а промежуток времени (и притом, по-видимому, довольно длительный), охватываемый последними его годами. И замечание о счастье относится, конечно, не к тому, что ему предстоит «кончить жизнь», а к тому, что он кончает ее благополучно и спокойно. Несмотря на необычность и неожиданность именно этой формы вида, нельзя не согласиться с переводчиком и редактором, которые преодолели трудность задачи, на вид легкой и простой, взяв за основу смысл контекста, подсказавший нужное решение.

И.С. Алексеева отмечает, что в немецком языке специальных средств для выражения категории вида глагола нет, однако значение завершенности действия в большинстве типов текста оформляется с помощью грамматических компенсаций совершенного вида: это перфект, результатив, а также синтетические словообразовательные средства – например, префиксы глагола со значением завершенности действия (Алексеева, 2004, с. 206–207).

Таким образом, при переводе на русский язык решение часто содержится уже в исходном тексте.

Если же таких компенсирующих средств в подлиннике нет, выбор вида глагола при переводе на русский язык определяется контекстом:

1973 trat er... bei den Festspielen der Jugend in Berlin auf. Danach gab es eine grosse Pause. – В 1973 году он **выступил** на фестивале молодежи в Берлине. После этого был долгий перерыв.

Надо отметить, что перед сложным выбором переводчик оказывается там, где имеет дело со связным эпическим повествованием, оформленным с помощью претерита, – а это бывает, как правило, в художественном, публицистическом, мемуарном текстах. Можно напомнить известный пример, который приводит А.В. Федоров из «Путешествия по Гарцу» Г. Гейне: *Die Sonne ging auf...* – *Солнце взошло*, – где все четыре перево-

дчика, опираясь на последующий контекст, делают выбор при переводе в пользу совершенного вида глагола (Федоров, 2002, с. 282).

В русском языке большее, по сравнению с германскими и романскими, разнообразие причастных форм, уменьшительно-ласкательных суффиксов, которые широко используются.

Отказ от использования грамматических элементов ПЯ, формально совпадающих с элементами ИЯ, но отличных по функции.

Третий случай грамматического расхождения между двумя языками требует особой внимательности при переводе. Дело в том, что как ИЯ, так и ПЯ располагают многими формально близкими грамматическими средствами, но при этом их смысловые и стилистические функции могут быть различны. Поэтому есть опасность, что внешнее сходство или даже тождество может ввести в заблуждение переводчика, недостаточно опытного или склонного к буквализму. Правильное же решение задачи состоит в том, чтобы применить в переводе формально отличные от подлинника средства, которые в контексте могли бы выполнить функции, по смыслу и стилистической окраске соответствующие подлиннику.

По существу этот случай, имеющий немалое значение в практике перевода, представляет своеобразное сочетание первых двух случаев, рассмотренных выше: грамматическое средство ИЯ, хотя и имеющее формальное соответствие в ПЯ, оказывается все же специфичным по своей функции, а грамматическое средство ПЯ, формально тождественное ему, оказывается неподходящим, отбрасывается; вместо него применяется другое, формально отличное, специфичное в данной функции именно для того языка, на который делается перевод.

Так, например, *английские формы пассивного залога* по своему значению аналогичны русским формам страдательного залога. В английском языке формы пассивного залога многочисленны:

- *He was given the book.*
- *The book was given to him.*
- *The book was sent for...*

Они употребляются значительно чаще, чем аналогичные формы в русском языке. Русский язык также обладает разнообразными способами передачи указания на пассивность или отсутствие действующего лица:

- формы с глаголом «быть»,
- глаголы на -ся,
- неопределенно-личные формы глагола и т. п.

При передаче английского пассива переводчик постоянно решает вопрос, следует ли использовать в переводе однотипное или разнотипное соответствие или лучше вообще заменить страдательный залог действительным:

1. *The amendment was rejected by the majority of the Security Council.* – *Поправка была отвергнута большинством Совета Безопасности.*
2. *This law is constantly violated.* – *Этот закон постоянно нарушается.*
3. *His book is sold here.* – *Здесь продают его книгу.*
4. *He was followed by the whole detachment.* – *За ним следовал весь отряд.*

Английским **формам прошедшего времени** глагола соответствуют две формы прошедшего времени в русском языке, различающиеся по своему видовому значению (формы совершенного и несовершенного вида). Иногда для выбора видовой формы требуется знание более широкого контекста:

When we were in London we went to hear the speakers in Hyde Park. – *Когда мы были в Лондоне, мы пошли послушать ораторов в Гайд-Парке.*

или:

– *Когда мы были в Лондоне, мы ходили слушать ораторов в Гайд-Парке.*

Изучение контекста должно показать, идет ли речь об однократном или многократном действии.

2. Синтаксические трансформации

Флективный строй русского языка и связанный с ним свободный порядок слов дают в руки переводчика несомненное разнообразие средств при переводе с языков разного типа. Эти средства находят применение:

а) когда грамматической особенности ИЯ нет формального соответствия в нашем языке и отсутствие того или иного грамматического элемента (например, артикля) компенсируется смысловыми оттенками, вносимыми порядком слов;

б) когда возможность формально точного воспроизведения элементов ИЯ и их последовательности существует, но приводит или к известному отклонению от смысла, или – что чаще – к нарушению языковой нормы. Недаром в переводах так часто приходится наблюдать случаи замены одного грамматического оборота, формально допускающего дословный перевод, другим – более привычным с точки зрения литературной речи, или изменение порядка слов, вызванное той же причиной – языковыми или стилистическими требованиями. Первый случай мы рассмотрели, а второй можно проиллюстрировать примером.

В качестве примера – одно предложение из «Робинзона Крузо», формально допускающее дословный перевод и сохранение его единства. Однако общее требование соответствия русской литературно-языковой норме вызывает в переводе его перестройку. Сравним предложение подлинника и его русский перевод (см. пример: Федоров, 2002, с. 215):

<i>I had two elder brothers, one of which was lieutenant-colonel to an English regiment of foot in Flanders, formerly commanded by the famous Colonel Lockhart, and was killed at the battle near Dunkirk against the Spaniards.</i>	1) У меня было два старших брата. Один служил во Фландрии, в английском пехотном полку, том самом, которым когда-то командовал знаменитый полковник Локгарт; он дослужился до чина подполковника и был убит в сражении с испанцами под Дюнкирхеном. 2) У меня было два брата, один из которых был полковником в английском пехотном полку во Фландрии, когда-то находившемся под командованием знаменитого полковника Локгарта, и был убит в сражении с испанцами под Дюнкирхеном.
---	--

Перестройка начинается с первых же слов абзаца, так как в русской фразе, отвечающей стилистическим требованиям, невозможно было бы сказать: *Я имел двух старших братьев*, – ибо это, при всей грамматической правильности такого построения, создало бы впечатление неуклюжести, канцеляризма, «переводческого стиля» (в данном жанре произведения). Но даже перестроив начало, можно было бы в порядке дословно точной передачи продолжить перевод путем развертывания одного предложения, и получилось бы следующее – см. таблицу выше, перевод (2):

У меня было два брата, один из которых был полковником в английском пехотном полку во Фландрии, когда-то находившемся под командованием знаменитого полковника Локгарта, и был убит в сражении с испанцами под Дюнкирхеном.

Необходимость считаться с грамматическими вариантами (синонимами), существующими в данном языке, выбирать вариант, наиболее целесообразный по условиям и узкого, и широкого контекста, дает себя чувствовать при переводе, может быть, еще более сильно, чем при работе над оригинальным текстом. Это бывает вызвано тем, что вариант, формально близкий к подлиннику, часто оказывается или невозможным, или стилистически несоответствующим, и требуется выбрать другой из числа нескольких, представляющихся возможными. Вот, например, предложение из немецкого технического текста:

Der Dampfkessel wurde in Betrieb gesetzt, ohne daß seine Wände verzinkt wurden.

Словарно точный перевод союза *ohne daß* на русский язык – *без того, чтобы*. Это – союз, применяемый довольно редко: он чаще употребляется не в начале придаточного предложения, а как элемент, предшествующий глаголу в инфинитиве с отрицанием (часто – в речи бытовой), например: *Он ничего не может сделать без того, чтобы не напутать*. Перевести данное немецкое предложение с помощью *без того, чтобы*, в сущности, возможно лишь с огромной натяжкой, так как этим путем получается очень

громоздкое и неестественное сочетание, где значение союза вступает в противоречие с содержанием придаточного предложения, ср.:

Паровой котел вступил в эксплуатацию без того, чтобы стенки его были оцинкованы.

Придаточные предложения немецкого языка, вводимые союзом *ohne daß* обозначают известное обстоятельство, предшествующее или сопутствующее содержанию главного предложения (с отрицанием). В русском переводе возможны две замены – два грамматических варианта:

- 1) с использованием подчиняющего союза *причем*;
- 2) с заменой придаточного предложения группой второстепенных членов:

Паровой котел вступил в эксплуатацию, причем стенки его не были оцинкованы.

Паровой котел вступил в эксплуатацию с не оцинкованными стенками.

Второй вариант наиболее точно соответствует смыслу немецкого предложения и передает его в наиболее экономной и наиболее привычной для технического текста форме (без нарочитого подчеркивания обстоятельственного значения, как в первом варианте).

Возможен и третий вариант перевода с полной перегруппировкой элементов главного и придаточного предложения, с перестановкой их из одного в другое:

Стенки парового котла, который вступил в эксплуатацию (или: вступившего в эксплуатацию), не были оцинкованы.

Но подобный вариант уже трудно предусмотреть в общей форме, его нельзя свести к общему типу; кроме того, он еще дальше от смыслового содержания, выражаемого грамматической формой подлинника, где исходным пунктом сообщения («данным») выступает «паровой котел», а не его «стенки».

С точки зрения выбора грамматического варианта новая задача возникает тогда, когда язык, на который делается перевод, располагает боль-

шим числом грамматических возможностей для передачи содержания, выраженного в подлиннике в той или иной форме. Такой случай представляет перевод придаточного определительного предложения немецкого или французского языка со сказуемым в форме прошедшего времени активной формы или настоящего времени пассивной формы. Оно может быть переведено на русский язык или придаточным же предложением, или причастным оборотом (как в прошедшем, так и в настоящем времени, как в действительном, так и в страдательном залоге). Если важно подчеркнуть глагольный элемент, являющийся активным выразителем действия, связанного с действующим лицом, то структурно однородная передача с помощью придаточного определительного предложения явится и стилистически более близкой к оригиналу. Сравним заглавие романа В. Гюго «*L'homme qui rit*» и формально совершенно точный русский его перевод: «Человек, который смеется» (а не «Смеющийся человек» – словосочетание, где перевешивало бы значение лица, обладающего определенным признаком или свойством), заглавие поэмы И.Р. Бехера «*Der Mann, der schwieg*» и его перевод «Человек, который молчал» (а не «Молчавший человек»).

Для достижения эквивалентного перевода используются следующие виды грамматических, прежде всего синтаксических, трансформаций:

1. Синтаксическое уподобление, когда синтаксическая структура ИЯ преобразуется в аналогичную структуру ПЯ; возможно лишь в тех случаях, когда в двух сопоставляемых языках имеются аналогичные параллельные синтаксические конструкции.

2. Во многих случаях переводчику приходится прибегать к членению предложения, когда оригинальное предложение ИЯ преобразуется в 2 или более самостоятельных предложений. Трансформация членения приводит либо к изменению состава членов предложения, либо к преобразованию простого предложения ИЯ в сложное предложение.

3. Обратная трансформация – прием перевода, при котором происходит соединение двух простых предложений ИЯ в одно сложное ПЯ.

Иногда происходит одновременное использование объединения и членения – одно предложение на 2 части, и одна из его частей объединяется с другим предложением. Этот процесс обычно связан с перераспределением предикативных синтагм.

4. Замена членов предложения при переводе приводит к изменению его синтаксической структуры. Предложение из подчиненного может трансформироваться в сочиненное, часто с однородными сказуемыми.

5. Для передачи категории соотнесенности переводчику приходится прибегать к изменениям актуального членения предложения. Важнейшим фактором, обеспечивающим распределение коммуникативных функций членов предложения, является порядок слов.

6. При отсутствии экспликации грамматического значения в языке перевода оно компенсируется при переводе либо грамматическими, либо лексическими средствами (неопределенный артикль, определенный артикль при имени собственном).

7. Грамматическое значение, не эксплицированное в ПЯ, не компенсируется только в том случае, если в ПЯ оно может рассматриваться как избыточное грамматическое средство при современном состоянии языка (определенный артикль перед терминами).

8. Выбор компенсирующих средств зависит от функции данного грамматического значения в тексте.

9. Необходимым условием эквивалентной передачи грамматической специфики подлинника является достаточный уровень языковой компетентности как в области ИЯ, так и в области ПЯ, который включает владение теоретическими основами организации этих двух языков.

Список литературы

Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2004. – 352 с.

- Гак, В. Г. Курс перевода : Французский язык. Общественно-политическая лексика / В. Г. Гак, Ю. И. Львин. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 360 с.
- Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
- Латышев, Л. К. Технология перевода : учеб. пособие для студентов лингв. вузов и фак. / Л. К. Латышев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Академия, 2005. – 320 с.
- Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Федоров. – 5-е изд. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
- Kwam, S. Translationswissenschaftliche Grundlagen: Syntax / S. Kwam // Handbuch Translation. – Tübingen, 1999. – S. 54–55.

Лекция 14. СТИЛИСТИКА ПЕРЕВОДА

1. Адекватное стилистическое оформление текста как задача перевода.
2. Фигуры стиля и их передача в переводе.
3. Передача отклонений от литературной нормы в переводе.

1. Адекватное стилистическое оформление текста как задача перевода

Разговор о стилистике перевода на актуальном этапе касается не только проблем перевода специальных текстов, но и затрагивает сложности, с которыми сталкиваются переводчики, реализующие аудиовизуальный и художественный перевод. Опыт работы наших выпускников и коллег позволяет утверждать, что даже самая общая характеристика этих процессов в курсе теории перевода оказывается хорошей подсказкой в будущих профессиональных реализациях. Скромная задача этой лекции, таким образом, состоит именно в вводном описании стилистических аспектов перевода.

Стилистическая адекватность предполагает соответствие перевода:

- жанру оригинала,
- функциональному стилю,
- регистру,
- степени экспрессивности,
- авторской индивидуальности.

В.Н. Комиссаров писал, что эквивалентность перевода «предполагает сохранение не только предметно-логического содержания, но и функционально-стилистической характеристики текста» (Комиссаров 1990).

Понятие «стиль» широкое. Рассмотрим два его аспекта: функциональный стиль и нормативно-стилистическую окраску языковых единиц. Их и только их относят к стилистическому фактору.

Функциональный стиль – одно из центральных понятий современной лингвистики. Функциональный стиль представляет собой как бы совокупность правил отбора языковых средств для использования в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики. Чаще всего выделяются следующие функциональные стили:

- стиль бытового общения;
- стиль науки и техники;
- стиль официально-делового общения;
- стиль публицистики и прессы.

Спорным является вопрос о том, правомерно ли выделять *стиль художественной литературы*, поскольку в художественной литературе помимо авторской речи обычно присутствует и разностильная речь различных персонажей. Существует точка зрения, что если уж такой стиль выделять, то относить к нему следует только авторскую речь, но оставим эту дискуссию для специалистов.

Для каждого функционального стиля характерны свои средства языкового выражения.

Стилистическая адекватность – это соответствие перевода функционально-стилистическим характеристикам оригинала при учёте норм целевого языка.

Адекватное стилистическое оформление включает:

- соответствие жанру (научный, публицистический, художественный, юридический текст);
- соблюдение регистровых характеристик (официальность, разговорность и др.);
- сохранение экспрессивной окраски;
- передачу авторской интенции.

Каждый функциональный стиль имеет свои особенности:

Стиль	Характерные черты	Задача переводчика
Научный	терминология, логичность, абстрактность	сохранить точность и объективность
Официально-деловой	стандартизированные формулы	воспроизвести клишированность
Публицистический	экспрессия + аргументация	сохранить воздействующую функцию
Художественный	образность, индивидуальный стиль	передать эстетический эффект

Таким образом, переводчик действует в рамках дискурсивных и жанровых конвенций целевой культуры.

Пример 1 (научный стиль)

Оригинал:

The experiment yielded statistically significant results.

Стилистически не вполне корректный перевод:

Эксперимент дал очень важные результаты.

Проблема – разговорная и оценочная окраска.

Адекватный вариант:

Эксперимент дал статистически значимые результаты.

Сохранена терминологическая точность и нейтральность научного стиля.

Пример 2 (официально-деловой стиль)

Оригинал:

This Agreement shall enter into force upon signature.

Некорректный перевод:

Это соглашение начнёт действовать после подписания.

Адекватный вариант:

Настоящее Соглашение вступает в силу с момента подписания.

Использованы клише, характерные для делового стиля.

2. Фигуры стиля и их передача в переводе

Фигуры стиля и ресурсы их передачи.

Как писал Роман Jakobson, поэтическая функция языка «проецирует принцип эквивалентности с оси отбора на ось сочетания» (Jakobson 1975, с. 221). В переводе необходимо учитывать эту проекцию.

Фигуры стиля – словесные комплексы, имеющие определенный логический и синтаксический алгоритм построения, – обычно рассматривают среди средств стиля художественной речи. На наш взгляд, такое ограничение неправомерно. Фигуры стиля, позволяющие не прямо, а образно указать на явление действительности, используя различные ресурсы языкового кода, – дополнительное мощное средство передачи компонентов содержания.

Фигуры стиля используются в разных дискурсах, поэтому для переводчика важно знать логику и правила их передачи в процессе перевода. Они – явление универсальное, живой элемент языкового творчества.

Вот почему очень важно оценить диапазон использования фигур стиля и исследовать те ресурсы их передачи, которые существуют в каждой паре языков.

Фигуры стиля, основанные на повторе. Они охватывают все языковые уровни. В разных текстах встречаются: фонемный повтор (аллитерация, ассонанс, рифма), морфемный повтор, лексический повтор, синтаксический повтор (или синтаксический параллелизм), текстовый повтор (тавтологический или вариативный повтор фрагмента текста), алгоритмический комплексный повтор (так называемый ритм прозы).

Все они прямо или косвенно выполняют **функцию актуализации когнитивной и эмоциональной информации в тексте** (повтор слова заставляет его лучше запечатлеть в памяти; аллитерация и рифма связывают воедино разные слова, а значит – создают ассоциативную связь их значений; синтаксический параллелизм включает комплексы слов в одинаковые логические связи), но одновременно эти фигуры стиля удовлетворяют по-

требность человека в ритмических созвучиях, сочетаниях, другими словами, их культивирование в тексте явно несет и эстетическую информацию. Использование ритмической стороны текста известно с древности и всегда осознавалось как эстетическая ценность (считалась особым искусством в античности, у древних германцев и т. п.).

Задача переводчика заключается, во-первых, в определении места повтора в иерархии функциональных доминант; во-вторых, в поиске средств их передачи в языке перевода. Решающее значение здесь всегда имеет *тип текста*.

Так, *в художественном тексте*, где повторы – важное средство передачи эстетической информации, они входят в *инвариант* и по возможности передаются на всех уровнях; *в научном же тексте* тематический лексический повтор *может быть ликвидирован в связи с функциональной доминантой компрессивности* такого текста.

We shall fight on the beaches, we shall fight on the landing grounds...

Перевод с сохранением ритма:

Мы будем сражаться на побережье, мы будем сражаться на аэродромах...

Сохранён параллелизм и повтор.

Фигуры стиля, основанные на метафорическом принципе. Имеются в виду сравнения, метафоры, эпитеты, в том числе с использованием количественного сдвига – гиперболы и литоты. Питер Ньюмарк отмечал, что метафора – «главная проблема художественного перевода» (Newmark 2008, p.23). Сама их передача сложности не представляет – во всяком случае, и сами эти фигуры, и средства для их передачи есть и в русском, и в английском, и в немецком, и в других языках; для переводчика важнее всего зафиксировать их наличие и их особенности в подлиннике. Например, если это метафора, то релевантны следующие параметры:

- языковая освоенность – индивидуальная метафора или клишированная; структура – одночленная, двучленная;
- метафорический контекст;
- семантический тип – персонификация, синестезия, парафраз;
- связь с литературным направлением (романтическая, классицистическая, экспрессионистическая, барочная и т. п.).

Затем необходимо определить их место по отношению к инварианту и найти соответствия.

- *The city never sleeps.*

Варианты:

- *Город никогда не спит* – сохранение образа.
- *Город живёт круглые сутки* – частичная трансформация.

Выбор зависит от жанра и контекста.

Фигуры стиля, основанные на многозначности. Сюда входят все случаи «оживления» внутренней формы слова и использование многозначности лексемы и ее сочетаемости. Эти фигуры стиля широко используются во всех типах текста, кроме информационно-терминологических, в которых однозначность каждого слова инвариантна. Все они чрезвычайно сложны для перевода, и любой факт их сохранения в переводе – свидетельство высокого мастерства переводчика. Вот несколько примеров:

- *Er brach das Siegel auf und das Gespräch nicht ab* (Chamisso. «Peter Schlemihls wundersame Geschichte») (обыгрывание двух значений глагола «brechen» с разными префиксами). – *Он разорвал конверт, но не прервал разговора* (пер. И. Татариновой – воспроизведение игры слов теми же средствами).

- *Baden ist Leidenschaft. Badischer Wein* (реклама вина; обыгрывание многозначности слова *baden* – как глагола и как топонима). Фигура стиля «игра слов» в этом случае явно входит в инвариант, но препятствием к передаче является полная затемненность внутренней формы топонима *Baden* в русском языке (слово не ассоциируется с купанием). По-видимому, переводчику придется при переводе строить игру слов на основе другого слова.

Гипербола

- *I've told you a million times!*

Буквально:

Я говорил тебе миллион раз (возможно).

Культурно адекватно:

Я тебе сто раз говорил!

Сохранён экспрессивный эффект.

Ирония особенно трудна для перевода.

- *What a brilliant idea!* (в ситуации провала)

Нейтральный перевод разрушает иронию.

Нужно передать контекстуальный смысл:

Ну да, гениальная идея!

Интонационная и контекстуальная компенсация обязательна

Игра слов

Если игру слов невозможно сохранить, применяется **компенсация**.

Пример каламбура:

A boiled egg every morning is hard to beat.

Игра слов основана на *hard-boiled* и *hard to beat*.

Сохранить языковую игру в переводе фразы *A boiled egg every morning is hard to beat* сложно, так как она основана на игре слов *hard-boiled* (сваренный вкрутую) и *hard to beat* (трудно превзойти).

В русском языке прямой эквивалент этой игры слов невозможен, поэтому можно использовать следующие стратегии:

- **Создание нового каламбура:** придумать русскоязычный вариант, который будет иметь похожий юмористический или выразительный эффект.
- **Компенсация:** передать смысл языковой игры другими средствами в другом месте текста, чтобы сохранить общий комический или выразительный настрой.

- **Объяснение игры слов в примечании или через контекст:** если невозможно сохранить игру слов напрямую, можно пояснить её смысл так, чтобы читатель понял исходный замысел.

Например, можно попробовать такие варианты:

- дословный перевод: *Варёное яйцо каждое утро трудно превзойти* – передаёт смысл, но не сохраняет игру слов;
- с компенсацией: в зависимости от контекста можно подобрать другую игру слов, которая будет уместна в русском тексте и создаст аналогичный юмористический эффект:
- *Круче яйца на завтрак нет ничего.*

Этот краткий обзор фигур стиля не претендует на полноту, задачей было подчеркнуть использование фигур стиля в текстах разного типа и принципиальную (но не всегда реализуемую) возможность их передачи (Алексеева, 2004, с. 201).

3. Передача отклонений от литературной нормы в переводе

Виды отклонений от литературной нормы.

Передача любых отклонений от литературной нормы ИЯ является проблемой. Представляется обоснованным различать среди этих отклонений:

I. Коллективные, языковые.

- 1) Просторечие.
- 2) Диалекты.
- 3) Жаргоны.
- 4) Аргот.
- 5) Сленг.
- 6) Табуированная лексика.
- 7) Профессиональные языки.
- 8) Архаизмы.

II. Индивидуальные, речевые (намеренное и ненамеренное искажение нормы).

1) Вольности устной речи.

2) Словотворчество.

3) Детский язык.

4) Ломаная речь (иностранца).

5) Дефекты речи (косноязычие, шепелявость, сюсюканье, гнусавость, картавость, пришепетывание, заикание и т. п.).

6) Ошибки в произношении и написании (у природного носителя языка).

В устном переводе все эти отклонения игнорируются, потому что задача устного переводчика заключается прежде всего в передаче когнитивной информации, и все отклонения при переводе он приводит к норме. Он может передать лишь легкую окраску просторечности в речи оратора (лексика, фразеологизмы) и отдельные клишированные компоненты высокого стиля (в официальной речи, траурной речи).

В письменном переводе задачи переводчика осложняются прежде всего при переводе художественного и – во вторую очередь – публицистического текста.

Отклонения группы I можно встретить в тексте в одной из трех основных функций:

1) как основное языковое средство текста – в качестве авторской речи и прямой речи персонажей; например, сленг в романе Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», баварский диалект в произведениях Л. Тома, нижненемецкий – в прозе и стихах Фрица Ройтера.

2) в качестве речевой характеристики отдельных персонажей;

3) как отдельные вкрапления для колорита.

На протяжении долгой истории переводческой практики эти отклонения не передавались. Затем стали передаваться те, которые имеют системные соответствия в лексическом и грамматическом фонде языка перевода (просторечие, жаргоны, арг, сленг, профессиональные языки).

Исключения до середины XX в. составляли диалекты и табуированная лексика. Собственно говоря, вопрос об их передаче до сих пор считается дискуссионным.

Начнем с *диалектов*. Системы диалектальных различий в разных языках несовместимы. Например, диалекты русского языка и диалекты немецкого языка имеют разный статус в общенациональном языке и разный набор признаков. Кроме того, они обладают ярко выраженной однозначной территориальной соотнесенностью (баварский диалект маркирует только Баварию и не может быть передан с помощью псковского диалекта). А.В. Федоров предложил передавать их по функциональному признаку. И действительно, одна из их функций в тексте совпадает: любой диалект привносит в текст оттенок простонародности, провинциальности и поэтому может быть передан с помощью отклонения от нормы другого типа, которое обладает в тексте похожей функцией: с помощью просторечия. В основе этой функциональной лексической замены лежит стремление сохранить основную функциональную характеристику текста – факт ненормативности текста. Так может передаваться, скажем, текст фельетона на баварском диалекте в южнонемецких газетах.

Нельзя заменять британский кокни русским южным говором – это создаст ложную локализацию.

Обычно используется:

- стилистическое снижение,
- фонетические намёки,
- разговорная грамматика.

Табуированная лексика является феноменом русской устной культуры, не имеющим системных аналогов в немецком языке. Фактически, это особая группа экзотизмов формы. Ее табуированность в современном русском языке отчасти снята, и табуированная лексика начала входить в русский письменный художественный текст. Раньше она эвфемистически передавалась с помощью отточий – обозначением пропуска в языковом коде. Теперь, когда она используется (в основном для характеристики

персонажа), встала проблема ее передачи на немецкий язык. По-видимому, здесь возможна лишь частичная компенсация с помощью грубых слов (ругательств), может быть, увеличение их количества. Однако статус табуированности лексики подлинника может быть обозначен только в комментариях.

Обсуждая отклонения от нормы, мы намеренно оставили в стороне *архаизмы*. Их выделяют иногда особо как исторические реалии. Архаизмы действительно не могут рассматриваться как оппозиция нормы в синхронном срезе языка. Они стоят вне нормы, поскольку относятся к более ранним стадиям развития языка. В текстах встречаются архаизмы двух основных типов – использованные как специализированное, функциональное средство в тексте и использованные в тексте неосознанно – если архаичен сам текст. Переводческие проблемы возникают и в первом, и во втором случае.

Проще, пожалуй, первый тип – архаизация, когда в текст намеренно вводятся историзмы – слова, уже вышедшие из употребления вместе с исчезновением предметов, обозначаемых ими. Архаизация включает и окраску авторской речи, и речи персонажей, как это делается в романе А.К. Толстого «Князь Серебряный», посвященном опричнине. Функциональные соответствия для этих языковых особенностей представляют собой также архаизмы. Отметим, однако, что архаизация – это не полное уподобление языка героев и автора языку того, давнего времени, это лишь стилизация, то есть пунктирное подчеркивание исторической дистанции. Основным же фоном все-таки является норма языка того времени, когда создавался текст. Когда переводчик воссоздает архаизацию, ему в первую очередь поэтому приходится не наполнять перевод архаизмами, а следить, чтобы в тексте перевода не оказалось модернизмов, то есть слишком современных слов.

Точно так же поступает переводчик, работая над архаичным текстом. Правда, далее ему приходится решать дискуссионный вопрос: если текст, созданный несколько веков назад, был современным для читателя

того времени, стоит ли его архаизировать. Может быть, правильно будет, наоборот, приблизить его к современному читателю? Ведь у автора текста не было намерения делать его старинным. Однако, как правило, переводчики и в этом случае склоняются к воспроизведению черт исторической дистанции, поскольку содержательные компоненты текста и его форма находятся в единстве, и, осовременив форму, мы не воссоздадим функцию текста как целое. Однако размеры дистанции переводчики обычно сокращают, так как читатель может быть не знаком со слишком архаичными чертами родного языка, и чуждая форма станет препятствием для восприятия текста. Поэтому А. Морозов, переводя роман XVII века. «Симплициссимус» Гриммельсхаузена, наполнил текст перевода архаизмами XVIII в. При передаче комплекса языковых явлений, создающего исторический колорит текста, переводчик пользуется целым арсеналом средств: транскрипцией, если историзм экзотичен, заимствованиями из других языков, если они отразят колорит времени (например, из латыни или французского), семантическими неологизмами (если в другом языке даже на исторической дистанции лексического соответствия нет).

Индивидуальные отклонения от нормы. Их передача в устном переводе неактуальна. В письменном же тексте они встречаются, пожалуй, только в художественных текстах как одно из средств создания художественных образов. Передача их требует от переводчика предварительного анализа типа искажения и соответствующих ресурсов его передачи в родном языке. Отметим попутно, что речевые искажения создают комический эффект, и существуют даже авторы, в индивидуальный стиль которых входят каламбуры, построенные на речевых искажениях. Такова одна из доминант стиля Лескова: *спина – спиноза* (замена по фонетическому сходству); *вьюноша, шкилет* (искаженная фонетическая форма), также: *Аболон Полведерский, мыльно-пильные заводы* и т. п.

Выявление типа искажения подсказывает переводческое решение. Передать неправильность детской речи *много деревьев* можно по принципу воссоздания неправильности формы множественного числа: *Baumer*; де-

факт речи – шепелявость героини, которая говорит *щшастье* вместо *счастье*, – нельзя передать, используя слово той же семантики *Glück*, даже если мы его искажим – *Glick*; функционально значимым в данном случае является факт шепелявости, поэтому в переводе необходима лексическая замена на слово, содержащее шипящий или хотя бы шумный согласный: *Verhñügen*.

При передаче ломаной речи иностранца искажения обычно касаются расхождений в грамматическом строе языков, и именно они маркируют его речь. Известный образ немца Карла Ивановича из «Детства» Л.Н. Толстого иллюстрирует некоторые из них: *Я был нешаслив ишо во чрева моей маттри* (фонетическое искажение, падеж); *Я надел сапоги и панталон, надевал подтяжки и ходил по комнате* (вид глагола, число существительного). Собственно говоря, проблемы передачи ломаной речи как художественного средства решает здесь писатель.

Несколько слов о *словотворчестве*. Оно характерно для индивидуального стиля писателя. Мы можем встретить в таком тексте окказионализмы, построенные по известной словообразовательной модели, разрушение морфемного состава слова и т. п. Словотворчество – сложнейшая проблема для переводчика. Если персонаж говорит неграмотно:

He don't know nothing.

Нельзя переводить грамотно:

Он ничего не знает.

Возможная передача:

Он ничегошеньки не знает, понял?

Или с нарушением нормы:

Он ничё не знает.

Степень отклонения должна быть контролируемой.

Единственный возможный путь воспроизведения функциональной доминанты текста – сохранение самого факта языковых новаций, постро-

енных на сохранении привычных словоформ и словообразовательных моделей, но с абсурдной семантикой морфем.

Собственные стилистические недочеты переводчика.

Словом «стиль» обозначают также индивидуальную манеру устной и письменной речи человека. Синонимом слова «стиль» в таком его значении является слово «слог». Сравним: *у него тяжелый* (или: *хороший, изящный*) *стиль* (или: *слог*).

Чаще всего говорят о стиле писателей, журналистов; реже – о стиле научных статей, диссертаций и почти никогда о стиле переводчика. Так, если, к примеру, у русских повторение одного и того же слова в одном небольшом абзаце – признак плохого стиля, то у немцев это особым грехом не считается; если у русских вполне допустимы длинные цепочки несогласованных определений в виде существительных в родительном падеже, то у немцев такие цепочки считаются громоздкими (сравним: *проблема расширения обмена опытом* – *das Problem des erweiterten Erfahrungsaustausches*). У немцев глагол *machen* считается некрасивым, а русский глагол *делать* таковым не считается.

Тем не менее совершенно очевидно, что переводчик, как и любой другой пишущий или говорящий, может допускать свои собственные стилистические погрешности, совершать некрасивые повторы, использовать тяжеловесный слог, «неудобоваримые» синтаксические конструкции (Алексеева, 2004, с. 194–197).

В известном смысле личные стилистические погрешности переводчика не являются типичными переводческими ошибками и стоят особняком от них, поскольку, по определению, они не спровоцированы текстом-оригиналом, чего нельзя сказать о типичных переводческих ошибках. В принципе это те же самые языковые погрешности, которые допускаются и в одноязычной коммуникации. Однако переводчик должен знать о них и быть начеку.

Список литературы

- Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2004. – 352 с.
- Ицкович, В. А. Языковая норма / В. А. Ицкович. – М. : Просвещение, 1968. – 94 с.
- Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
- Латышев, Л. К. Технология перевода : учеб. пособие для студентов лингв. вузов и фак. / Л. К. Латышев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Академия, 2005. – 320 с.
- Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Сокр. перев. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей. М., 1975.
- Newmark P. A textbook of translation. – Harlow: Pearson Ed. Limited, 2008. – 292 p.

Лекция 15. ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА

1. Полноценность, адекватность и эквивалентность перевода.
2. Ошибки в переводе.
3. Анализ качества перевода по разным шкалам и системам оценки.

1. Полноценность, адекватность и эквивалентность перевода

Цель перевода – создание функционально равноценного ПТ, и переводческая ошибка, таким образом, зависит от выполнения определенных данной целью задач. Проанализируем имеющиеся в переводоведении подходы к требованиям, которым должен отвечать качественный перевод.

В отечественной теории перевода координатная плоскость, в которой осуществляется весь процесс критики перевода, была заложена А.В. Федоровым в его классическом учебнике «Основы общей теории перевода»: «Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полное функционально-стилистическое соответствие ему» (Федоров, 1983, с. 127).

Соответствие содержанию и форме ИТ стало основным критерием и было впоследствии дополнено введением парадигм *эквивалентности и адекватности* перевода.

Поэтому В.Н. Комиссаров предлагает такую характеристику результатов переводческого процесса:

- адекватный перевод – «хороший» перевод;
- эквивалентный перевод – перевод, выполненный на необходимом уровне эквивалентности;
- точный перевод – перевод, воспроизводящий предметно-логическую часть содержания оригинала;

- буквальный перевод – перевод, воспроизводящий коммуникативно-нерелевантные (формальные) элементы оригинала;
- свободный перевод – перевод, выполненный на более низком, чем надо, уровне эквивалентности (Комиссаров, 1990, с. 231).

Данную развернутую характеристику перевода как результата В.Н. Комиссаров обосновывает соблюдением в процессе перевода **нормы перевода**: качество перевода может быть определено по степени его соответствия переводческой норме и характеру «невольных или сознательных отклонений от этой нормы» (Комиссаров, 1990, с. 228).

Наряду с требованиями смысловой близости, по Комиссарову, должна соблюдаться **«норма эквивалентности перевода» (1)** и соответствие ПТ доминантной функции и стилистическим особенностям ИТ с учетом правил оформления текстов аналогичного типа в ПЯ – **«жанрово-стилистическая норма» (2)**, которые созвучны концепции А.В. Федорова. Однако В.Н. Комиссаров настаивает на необходимости соблюдать наряду с указанными нормами:

- **«прагматическую норму перевода» (3)**, обеспечивающую прагматическую адаптацию ПТ;
- **«конвенциональную норму перевода» (4)**, которая требует соблюдать максимальную близость перевода и оригинала, чтобы заменить оригинал как в целом, так и в деталях при выполнении переводческого задания;
- **«норму переводческой речи» (5)**, учитывающую особенности использования ПТ на данном ПЯ.

Можно предположить, что В.Н. Комиссаров предпринял в формулировке нормы (4) попытку выделить переводческую обусловленность смысловой близости оригинала и перевода, определенную «заданность» этой близости и таким образом расширил требования нормы (1), а нормой (5) дополнил условия нормы (3) в жесткой ориентации на функцию ПТ. Стремление к детализации требований вполне логично: качество перевода определяет соблюдение нормы перевода. Является ли в таком случае не-

соблюдение переводческой нормы переводческой ошибкой? Этот вопрос очень важен в обосновании подхода, который использовался кафедрой теории и практики перевода ВолГУ при разработке критериев оценки учебного перевода.

2. Ошибки в переводе

Отечественные теоретики перевода не дают дефиниции понятия «переводческая ошибка», считая, что «единицы несоответствия» (Комиссаров), «отклонения от исходного содержания» (Латышев), выявляемые при сопоставлении ИТ и ПТ, могут быть обозначены как ошибки, и приводят их разные «типы» и «виды».

Установка на поиск «единиц несоответствия», которая позволяет «оценить важность не переданных и неправильно переданных элементов оригинала и степень нарушения коммуникативной равноценности в результате допущенных ошибок» (Комиссаров, 1990, с. 239), представляет собой проявление лингвистической концепции перевода, и понимание ошибок поэтому ориентируется на правильное (полноценное, адекватное) **языковое оформление** формально-содержательного единства ИТ на ПЯ.

В отечественных исследованиях по теории перевода вопрос об оценке качества перевода рассматривают В.Н. Комиссаров и Л.К. Латышев (позиция последнего во многом выдержана в соответствии с теорией уровней эквивалентности и лингвистическим подходом В.Н. Комиссарова) (Латышев, 1981).

Между тем функциональное понимание перевода, очень распространенное в современной европейской школе перевода, настаивая на **примате цели перевода** и выстраивая шкалу оценки в соотношении с прагматическими факторами ПТ, дает важную, на наш взгляд, процессуальную характеристику переводческих ошибок:

- 1) ошибки в рецепции, блокирующие понимание;
- 2) ошибки в производстве ПТ (Nord, 1995, S. 194).

Ошибки первого типа могут быть связаны либо с недостаточным знанием иностранного языка, либо с некомпетентностью в предметной области (вид перевода – устный или письменный – не влияет на ошибки этого типа).

Ошибки второго типа допускаются по двум причинам: 1) из-за недостаточной языковой компетенции в ПЯ при создании ПТ или 2) из-за пробелов в переводческой компетенции в фазе перевода как вербального перекодирования. Кроме того, следует иметь в виду, что если целью перевода было не подробное, а общее изложение содержания ИТ, то допущенные несоответствия ИТ и ПТ в формально-содержательном оформлении определены переводческим заданием и все они являются частью переводческой стратегии, а не ошибками.

Поэтому в дидактике перевода так важен не желаемый, а ожидаемый уровень компетенции, чтобы в конкретной контрольной ситуации совершенно четко решать, что будет, а что не будет переводческой ошибкой на данном этапе обучения при переводе текста. Мы согласны с К. Норд в том, что требуется систематизированное и прогрессивное изложение учебных целей и задач по семестрам, видам перевода и переводческой деятельности, которое и предлагает «Технологическая карта по практике перевода по основному иностранному языку», составленная кафедрой теории и практики перевода.

Кроме того, для «чистоты» условий выявления ошибки отметим справедливость требования К. Норд дифференцировать *переводческие проблемы* и *переводческие трудности*.

Переводческие проблемы – это объективные проблемы, которые возникают независимо от компетенции переводчика и условий перевода. Это и лингвистические сложности ИТ, и прагматическая адаптация перевода, и преодоление межкультурных барьеров. **Переводческие трудности** зависят, соответственно, от профессиональной подготовки переводчика и переводческой ситуации. Таким образом, переводческая проблема остается проблемой вне зависимости с того, кто, когда и где переводит ИТ.

3. Анализ качества перевода по разным шкалам и системам оценки

Оценка перевода может быть осуществлена только путем локализации, маркировки ошибок и их «взвешивания» – определения «величины», масштаба.

Так можно составить **шкалу ошибок**, что и предлагает данная таблица, систематизирующая позиции названных выше исследователей:

Содержание ошибки	Причины ошибки	Последствия ошибки	Классификационный комментарий и влияние на оценку	
			В.Н. Комисаров	Л.К. Латышев
Искажение содержания	Неправильное понимание данного отрезка ИТ	ПТ указывает на совсем другую ситуацию и дезинформирует получателя	I тип, снижает общую оценку минимум на 1 балл	Искажение (= полная ошибка)
Неточная передача смысла	Неточное понимание значения некоторых единиц в ИТ и неправильная оценка переводчиком соответствия единиц ИЯ и ПЯ	ПТ описывает ситуацию ИТ, но отдельные ее детали указывает неточно	II тип, снижает общую оценку на 0,5 балла	Неточность (= $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ полной ошибки)
Отклонение от стилистической нормы ПЯ	Установление эквивалентности на более высоком уровне, чем уровень переводческой ситуации	Снижается качество ПТ в стилистическом оформлении	III тип, снижает общую оценку на 0,1–0,4 балла	Неясность (= $\frac{1}{4}$ полной ошибки)
Нарушение нормы ПЯ	Проблемы в общезыковой культуре переводчика, неумение преодолеть влияние ИЯ	Осложняется коммуникация, но не искажается коммуникационный эффект	IV тип, снижает общую оценку на 0,1–0,2 балла	Нормативно-языковая ошибка / нормативно-речевая ошибка

Ошибки, которые даны в таблице, в большей степени ориентированы на **результат перевода**, и только графа «Причины ошибки» в некоторой степени затрагивает **процесс перевода**.

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ПЕРЕВОДА, ПРЕДЛАГАЕМЫЕ КАФЕДРОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА ВолГУ

Критерии оценки по письменному переводу (иностраннй язык – родной язык, родной язык – иностраннй язык).

1. Соблюдение/несоблюдение правил оформления текста перевода (указание направления перевода, исполнителя перевода, обозначение источника и страниц оригинала).

2. Передача/непередача графических особенностей текста оригинала при оформлении текста перевода (графическое выделение значимой информации, выделенной в тексте оригинала; выделение абзацев и заголовков; оформление сносок, сокращений).

3. Полное/неполное выполнение перевода (наличие/отсутствие пропусков в тексте перевода).

4. Соблюдение/несоблюдение конвенций и стиля определенного типа текста.

5. Правильная/неправильная передача тема-рематической структуры оригинала.

6. Использование адекватной/неадекватной технологии перевода.

7. Правильная/неправильная передача смысла текста оригинала.

8. Наличие/отсутствие нарушений нормативно-языкового плана.

Справочная таблица оценок по письменному переводу текста объемом 2 000 печатных знаков

Оценка	Возможные ошибки				Сумма допущенных ошибок
	смысловые	технологические	языковые	формальные	
«отлично»	отсутствуют	имеются	имеются	имеются	до 2-х полных
«хорошо»	1	имеются	имеются	имеются	до 4-х полных
«удовлетворительно»	2	имеются	имеются	имеются	до 6-ти полных
«неудовлетворительно»	более 2-х	имеются	имеются	имеются	более 6-ти полных

➤ **«Отлично»** – допускается до 2-х полных ошибок (в том числе 1 смысловая неточность по 0,3 ошибки, а также др. технологические, языковые и формальные нарушения), за исключением грубых смысловых ошибок.

➤ **«Хорошо»** – допускается до 4-х полных ошибок (в том числе 1 грубая смысловая ошибка и др. нарушения).

➤ **«Удовлетворительно»** – допускается до 6-ти полных ошибок (в том числе 2 грубые смысловые ошибки и др. нарушения).

➤ **«Неудовлетворительно»** – при наличии более 6-ти полных ошибок (в том числе более 2-х грубых смысловых ошибок и др. нарушения).

Толкование ошибок по письменному переводу

Вид ошибки	Классификация ошибок	Толкование ошибки	Объем ошибки
Смысловая ошибка (нарушение инварианта)	Грубая смысловая ошибка (полное искажение смысла оригинала)	Неправильная передача ключевой информации вследствие неправильного толкования смысла оригинала	1,0
	Незначительная смысловая ошибка (частичное искажение смысла оригинала)	Неоправданное опущение или добавление уточняющей информации	0,5
	Смысловая неточность (требуется уточнения)	Неоправданное опущение или добавление дополнительной информации	0,3
Технологическая ошибка (нарушение технологии перевода)	Грубая технологическая ошибка	Неиспользование необходимых переводческих трансформаций/приемов	0,3
		Немотивированное использование переводческих трансформаций/приемов	0,3
	Незначительная технологическая ошибка	Неадекватное использование переводческого приема	0,25
		Неадекватное использование лексической трансформации	0,25
		Неадекватное использование морфологической трансформации	0,25
		Неадекватное использование синтаксической трансформации	0,25

Вид ошибки	Классификация ошибок	Толкование ошибки	Объем ошибки
Языковая ошибка (нарушение норм ПЯ)	Грубая лексическая ошибка	Ошибка в передаче основного или контекстуального значения слова	0,3
	Незначительная лексическая ошибка	Нарушение норм сочетаемости слов	0,25
	Грубая грамматическая ошибка	Грубое нарушение грамматических норм ПЯ, приводящее к искажению смысла оригинала	0,3
	Незначительная грамматическая ошибка	Незначительное нарушение грамматических норм ПЯ, не приводящее к искажению смысла оригинала	0,25
	Грубая стилистическая ошибка	Грубое нарушение стиля или конвенций определенного типа текста	0,3
	Незначительная стилистическая ошибка	Неудачный выбор слова, не влияющий на точность передаваемой информации	0,25
	Грубая синтаксическая ошибка	Неправильная передача тематической структуры оригинала	0,3
	Незначительная синтаксическая ошибка	Нарушение синтаксической структуры предложения ПЯ, не влияющее на точность передаваемой информации	0,25
	Орфографическая ошибка	Неправильное написание слова ПЯ	0,1
	Пунктуационная ошибка	Несоблюдение правил пунктуации ПЯ	0,1
Формальная ошибка (нарушение правил оформления текста перевода)	Грубая формальная ошибка	Наличие в тексте перевода более двух пропусков	0,3
		Неправильная передача графических особенностей текста оригинала (выделение абзацев не соответствует оригиналу, не оформлены сноски, сокращения, заголовки или др. графические выделения, имеющиеся в оригинале)	0,25
	Незначительная формальная ошибка	Указание в тексте перевода нескольких вариантов передачи оригинала	0,1

Вид ошибки	Классификация ошибок	Толкование ошибки	Объем ошибки
		Несоблюдение правил оформления текста перевода (отсутствие данных об исполнителе перевода, обозначения направления перевода, источника и страниц оригинала)	0,1

Примечание. Удачные переводческие решения повышают оценку за перевод от 0,3 ошибки.

Критерии оценки по устному переводу. ЛИСТ ЭКСПЕРТА

Уровни оценки	Оцениваемые навыки и умения	Комментарии и оценка
Поведение переводчика	Умение вести себя адекватно ситуации (жесты, мимика, контактность, обращенность к собеседникам, быстрота реакции)	
Правильность речи переводчика	Умение сохранить равномерный темп говорения (отсутствие пауз, сора в речи, линейность речи)	
Полнота перевода	Полная/неполная передача основной информации, уточняющей информации, второстепенной информации	
Допущенные ошибки	Адекватность перевода на содержательном уровне; адекватность перевода на прагматическом уровне; адекватность перевода на стилистическом уровне; соответствие перевода языковой норме ПЯ (фонетика, грамматика, лексика)	
Переводческие проблемы и трудности	Умение преодолевать объективные трудности (внешние факторы коммуникации); умение преодолевать субъективные трудности (степень эрудированности и знания предметной области, переводческий опыт, самочувствие и т. д.)	
Удачные переводческие решения	Умение находить удачные нестандартные решения с применением полученных знаний в области технологии перевода	

Оценка качества устного последовательного перевода и перевода с листа

Семестр	Объем перевода	Скорость перевода	«Отлично»	«Хорошо»	«Удовлетворительно»	«Неудовлетворительно»
5–6 семестр	1 000–1 500 знаков	50–60 слов в мин.	Нет грубых смысловых ошибок, допускается до 1,5 полных ошибок	1 грубая смысловая ошибка, допускается до 2 полных ошибок	2 грубые смысловые ошибки, допускается до 4 полных ошибок	Перевод считается неприемлемым при наличии более 2 грубых смысловых ошибок и более 4 полных ошибок и др. нарушений
7–8 семестр	2 000 знаков	60–70 слов в мин.	Нет грубых смысловых ошибок, допускается до 1,5 полных ошибок	1 грубая смысловая ошибка, допускается до 2 полных ошибок	2 грубые смысловые ошибки, допускается до 3 полных ошибок	Перевод считается неприемлемым при наличии более 2 грубых смысловых ошибок и более 3 полных ошибок и др. нарушений
	2–3 минуты звучания текста оригинала	Без мотивированного превышения / сокращения времени звучания оригинала	Нет грубых смысловых ошибок, допускается до 1,25 полных ошибки	1 грубая смысловая ошибка, допускается до 1,5 полных ошибок	1 грубая смысловая ошибка, допускается до 3 полных ошибок	Перевод считается неприемлемым при наличии более 2 грубых смысловых ошибок и более 3 полных ошибок и др. нарушений
	2 500 знаков	70 и более слов в мин. при переводе с листа				

ТОЛКОВАНИЕ ОШИБОК

Письменный перевод (2 000 знаков)

1. **1,0 ошибка** – грубая смысловая ошибка, которая ведет к полному искажению текста и может ввести в заблуждение реципиента. К ней относятся:

- неправильное толкование смысла оригинала – от неправильного толкования значения слов до неправильного словоупотребления;
- неправильный выбор термина или значения слова, ведущий к нарушению смысла;
- нерешительность перевода, когда указано больше одного варианта (в скобках).

2. **0,5 ошибки** – ошибки, которые допущены относительно дополнительной и уточняющей информации и которые ведут к неточности перевода данных отрезкой текста:

- неполный текст, в переводе пропущено более двух предложений;
- неоправданное опущение/дополнение слов в переводе;
- нарушено тема-рематическое членение текста;
- буквальный перевод, без использования необходимых переводческих трансформаций;
- немотивированное использование лексических, морфологических трансформаций;
- грубое нарушение в оформлении текста перевода (неправильный шрифт, размер, неправильно оформлен заголовок, выделение абзацев не соответствует оригиналу, нет ссылки на оригинал, отсутствуют сноски, неправильно подписан текст перевода с указанием Ф.И.О., должности переводчика и т. д.).

3. **0,3 ошибки** – грубые нарушения языковой/речевой нормы языка перевода:

- лексические ошибки (ошибка в передаче основного или контекстуального значения слова, а также нарушение сочетаемости слов);

- стилистические ошибки (нарушение стиля, вызванное использованием лексики из другого функционального стиля).

4. **0,25 ошибки** – нарушения языковой/речевой нормы языка перевода:

- грамматические ошибки, не ведущие к искажению смысла;
- синтаксические ошибки (нарушение синтаксической структуры предложения);

- незначительные стилистические неточности;

- незначительное нарушение в оформлении текста перевода.

5. **0,1 ошибки** – формальные ошибки, орфографическая ошибка или пунктуационная ошибка.

6. **Дополнительный балл + 0,3 балла** за особенно удачный перевод трудных отрезков текста, при этом речь не идет о просто правильном варианте перевода.

Устный перевод

1. Переводческое поведение:

- мимика, жесты, манера держаться (**0,1**);
- громкость (**0,3**);
- уверенность речи (**0,1**).

2. Правильность речи:

- соблюдение языковой нормы (**0,25**);
- «сор» в речи (**0,25**);
- дикция (**0,25**);
- линейность речи (повторы, незавершенность фраз) (за каждый повтор и за незавершенную фразу **0,25**, паузы **0,1**).

3. **Скорость речи** (сохранение заданного темпа перевода или же при переводе с листа соблюдение предложенных временных рамок перевода) (за лишнюю минуту **0,25**).

4. **Полнота перевода** (% немотивированных и неоправданных опущения информации) (за каждый пропуск **0,25**).

5. Допущенные ошибки:

- грубая смысловая ошибка (**1,0**);
- грубое нарушение языковой/ речевой нормы языка перевода (**0,3**),

ведущее к искажению смысла:

– лексические ошибки (ошибка в передаче основного или контекстуального значения слова, а также нарушение сочетаемости слов),

– стилистические ошибки (нарушение стиля, вызванное использованием лексики из другого функционального стиля);

- лексические, стилистические, грамматические неточности, не ведущие к искажению смысла (**0,25**).

6. **Дополнительный балл +0,25** за удачное переводческое решение.

Список литературы

Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для интов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.

Латышев, Л. К. Курс перевода: эквивалентность перевода и способы ее достижения для изучающих немецкий язык / Л. К. Латышев. – М. : Междунар. отношения, 1981. – 248 с.

Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты : коллектив. монография / авт. коллектив: В. А. Митягина [и др.] ; под общ. ред. В. А. Митягиной. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 304 с.

Федоров, А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1983. – 303 с.

Nord, Ch. Textanalyse und Übersetzung: theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer übersetzungsrelevanten Textanalyse / Ch. Nord. – Heidelberg : Groos, 1995. – 284 S.

ОБЩИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО КУРСУ «ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА»

- Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студентов филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2004. – 352 с.
- Арутюнова, Н. Д. Прагматика / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 389–390.
- Бархударов, Л. С. Курс лекций по теории перевода / Л. С. Бархударов, Я. И. Рецкер. – М. : Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз им. М. Тореца, 1968. – 263 с.
- Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
- Белинский, В. Г. Публицистика / В. Г. Белинский. – М. : Директ-Медиа, 2012. – 1801 с.
- Брандес, М. П. Предпереводческий анализ текста (для институтов и факультетов иностранных языков) : учеб. пособие / М. П. Брандес, В. И. Провоторов. – 3-е изд., стер. – М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 224 с.
- Бюлер, К. Теория языка / К. Бюлер. – М. : Прогресс, 2000. – 528 с.
- Вайсгербер, Й. Л. Язык и философия / Й. Л. Вайсгербер // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2.
- Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1990 – 246 с. – (Библиотека преподавателя русского языка как иностранного).
- Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М., 1977. – С. 140–161.
- Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Изд-во ин-та общ. среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

- Виссон, Л. Синхронный перевод с русского на английский / Л. Виссон. – М. : Р. Валент, 1999. – 272 с.
- Влахов, С. Непереводимое в переводе : учеб. пособие / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Междунар. отношения. – 1980. – 342 с.
- Гак, В. Г. Сопоставительные исследования и переводческий анализ / В. Г. Гак // Тетради переводчика. – Вып. 16. – М. : Междунар. отношения, 1979. – С. 11–21.
- Гак, В. Г. Курс перевода : Французский язык. Общественно-политическая лексика / В. Г. Гак, Ю. И. Львин. – М. : Междунар. отношения, 1980. – 360 с.
- Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Изд. 4-е, стер. – М. : КомКнига, 2006. – 144 с. – (Лингвистическое наследие XX в.).
- Гарбовский, Н. К. Теория перевода : учебник / Н. К. Гарбовский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 544 с.
- Гаччиладзе, Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Г. Гаччиладзе. – 2-е изд. – М. : Сов. писатель, 1980. – 256 с.
- Дридзе, Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии : Монография. – М.: Наука, 1984. – 232 с.
- Звегинцев, В. А. О цельнооформленности единиц текста / В. А. Звегинцев // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1980. – Т. 39, № 1. – С. 13–21.
- Ицкович, В. А. Языковая норма / В. А. Ицкович. – М. : Просвещение, 1968. – 94 с.
- Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
- Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЧеРо, 1999. – 136 с.
- Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2001. – 424 с.
- Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1975. – 721 с.
- Копанев, П. И. Вопросы теории и истории художественного перевода / П. И. Копанев. – Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1972. – 296 с.

- Краткая философская энциклопедия / ред.: Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М. : Прогресс, 1994. – 576 с.
- Латышев, Л. К. Курс перевода (эквивалентность и способы ее достижения) / Л. К. Латышев. – М. : Междунар. отношения, 1981. – 248 с.
- Латышев, Л. К. Технология перевода : учеб. пособие для студентов лингв. вузов и фак. / Л. К. Латышев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Академия, 2005. – 320 с.
- Лилова, А. Введение в общую теорию перевода : монография / А. Лилова ; пер. с болг. Л. П. Лихачевой. – М. : Высш. шк., 1985. – 256 с.
- Лингвистическая и транслатологическая логистика многоязычного туристического интернет-ресурса : Коллективная монография / В. А. Митягина, И. Д. Ромадина, М. Ю. Свинкина [и др.]. – Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2016. – 233 с.
- Миньяр-Белоручев, Р. К. Общая теория перевода и устный перевод / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Воениздат, 1980. – 237 с.
- Миньяр-Белоручев, Р. К. Теория и методы перевода / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Московский Лицей, 1996. – 208 с.
- Миньяр-Белоручев, Р. К. Как стать переводчиком? / Р. К. Миньяр-Белоручев ; отв. ред. М. Я. Блох. – М. : Готика, 1999. – 176 с.
- Митягина В. А., Наумова А. П., Новожилова А. А. Транслатологическое обоснование создания многоязычных ресурсов Интернета // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 3. – С. 5–18. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.1>.
- Митягина В. А., Новожилова А. А., Наумова А. П. Потенциал машинного перевода в медиадискурсе музеев: анализ современных браузерных систем // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 5. – С. 87–98. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.5.7>
- Найда, Ю. К науке переводить / Ю. Найда // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М. : Междунар. отношения, 1978. – С. 114–137.
- Наука о переводе в Гермерсхайме : хрестоматия : [текстовое учебное электронное издание] / сост.: В. А. Митягина, Ш. Вальтер, Э. Ю. Новикова,

Т. Ю. Махортова, А. А. Новожилова, Н. А. Степанченко ; под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. В. А. Митягиной ; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. образования «Волгогр. гос. ун-т». – Электрон. текстовые дан. (6,5 Мб). – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2023. – Систем. требования: браузер Google Chrome (версия 109.0.5414.120) или аналогичный; скорость подключения к Интернету от 10 Мбит/с; дополнительно: Adobe Reader или Adobe Acrobat 8.0. – Загл. с титул. экрана.

Наумова А.П., Митягина В.А. Теория перевода (семинары) : [учеб.-метод. пособие] : [текстовое учебное электронное издание] / А. П. Наумова, В. А. Митягина ; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высшего образования «Волгогр. гос. ун-т». – 1 файл (6,4 Мб) : 37 с. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2023. – Систем. требования: браузер Google Chrome (версия 109.0.5414.120) или аналогичный; скорость подключения к Интернету от 10 Мбит/с; дополнительно: Adobe Reader или Adobe Acrobat 8.0. – URL: <https://book.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1761>. – Текст : электронный.

Научная школа профессора В. А. Митягиной «Коммуникация и перевод в парадигме современной лингвистики» : монография / авт. коллектив: Л. Ахмади, И. Д. Волкова, А. А. Гуреева [и др.] ; [под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. В. А. Митягиной] / Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2025. – 416 с.

Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 320 с.

Новикова Э. Ю. Международный туристический дискурс как лингвокультурный трансфер : монография / Э. Ю. Новикова ; Федер. гос. авт. образоват. учреждение высш. образования «Волгогр. гос. ун-т». – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2017. – 332 с.

Новикова, Э. Ю. Переводческий дискурс 4.0: разнообразие форматов, жанров и трендов / Э. Ю. Новикова, А. П. Наумова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 5–17. – DOI 10.15688/jvolsu2.2021.3.1.

Новикова Э.Ю., Махортова Т. Ю., Новожилова А. А., Королькова С. А., Митягина В. А., Наумова А. П. Переводческая практика : учеб.-метод. пособие

для студентов направлений подгот. 45.03.02 Лингвистика, профиль «Пер. и иностр. яз.» (степ. «бакалавр»); 45.04.02 Лингвистика, профиль «Пер., многоязыч. коммуникация, информ. технологии» (степ. «магистр»): [текстовое учебное электронное издание] / Федер. гос. авт. образоват. учреждение высшего образования «Волгогр. гос. ун-т». – Дериватив. электрон. изд. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2024. – 1 файл (5,0 Мб) : 54 с. – Систем. требования: браузер Google Chrome (версия 109.0.5414.120) или аналогичный; скорость подключения к Интернету от 10 Мбит/с; дополнительно: Adobe Reader или Adobe Acrobat 8.0. – URL: <https://book.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/1763>. – Текст : электронный.

- Переводчик XXI века – агент дискурса : колл. монография / науч. ред. В.А. Митягина, А.А. Гуреева. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 280 с.
- Подготовка переводчика: коммуникативные и дидактические аспекты: коллективная монография / под общ. ред. В.А. Митягина и др. 6-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2024. 304 с. С. 9–35.
- Потебня, А. А. Язык и народность / А. А. Потебня // Вести Европы. – 1895. – Т. IX (Сентябрь). – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_158.shtml. – Загл. с экрана.
- Прунч, Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической : пер. с нем. / Э. Прунч. – М. : Р. Валент, 2015. – 512 с.
- Райс, К. Классификация текстов и методы перевода / К. Райс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – С. 202–228. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/rais-classif.shtml. – Загл. с экрана.
- Ревзин, И. И. Основы общего и машинного перевода / И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. – М. : Высш. шк., 1964. – 243 с.
- Рецкер, Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык / Я. И. Рецкер // Вопросы теории и методики учебного перевода : сб. ст. – М. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1950. – С. 156–183.
- Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М. : Междунар. отношения, 1974. – 216 с.

- Сдобников, В. В. Теория перевода : [учеб. для студентов лингв. вузов и фак. иностр. яз.] / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 448 с.
- Семинарская и святоотеческая библиотека : [сайт]. – Электрон. дан. – Режим доступа: http://otechnik.narod.ru/k_pammahiu.htm. – Загл. с экрана.
- Томахин, Г. Д. Америка через американизмы / Г. Д. Томахин. – М. : Высш. шк., 1982. – 256 с.
- Тюленев, С. В. Теория перевода : учеб. пособие / С. В. Тюленев. – М. : Гардарики, 2004. – 336 с.
- Федоров, А. В. Введение в теорию перевода / А. В. Федоров. – М. : Изд-во литературы на иностр. языках, 1953. – 336 с.
- Федоров, А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1983. – 303 с.
- Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие : для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Федоров. – 5-е изд. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ ; М. : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
- Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский ; пер. с англ. под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 129 с.
- Чуковский, К. И. Высокое искусство / К. И. Чуковский. – М. : Сов. писатель, 1968. – 384 с.
- Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. – М. : Воениздат, 1973. – 280 с.
- Швейцер, А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. – М. : Наука, 1988. – 215 с.
- Якобсон, Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм: «за» и «против» : сб. ст. – М., 1975. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm>. – Загл. с экрана.
- American Translators Association : [website]. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.atanet.org>. – Title from screen.
- BIBLIA SACRA : [website]. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.thelatinlibrary.com/bible.html>. – Title from screen.
- Catford, J. A linguistic theory of translation / J. Catford. – London : Oxford University Press, 1965. – 110 p.

- Cauer, P. Die Kunst des Übersetzens / P. Cauer. – Berlin : Weidmann, 1914. – 178 S.
- Dolet, E. La maniere de bien traduire d'une langue en autre / E. Dolet. – Lyon, 1540. – 48 p. – Electronic data. – Mode of access: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k505680>. – Title from screen.
- Fédération Internationale des Traducteurs / International Federation of Translators : website. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.fit-ift.org>. – Title from screen.
- Glinz, H. Soziologisches im Kernbereich der Linguistik. Skizze einer Texttheorie / H. Glinz // Sprache und Gesellschaft: Beiträge zur soziolinguistischen Beschreibung der deutschen Gegenwartssprache : Jahrbuch 1970 des Instituts für deutsche Sprache. – Düsseldorf : Schwann, 1971. – S. 80–88.
- Handbuch Translation / M. Snell-Hornby, H. G. Hönl, P. Kußmaul, P. A. Schmitt (Hrsg.). – Tübingen : Stauffenburg Verlag, 1999. – 434 S.
- Holz-Mänttari, J. Translatorisches Handeln. Theorie und Methode / J. Holz-Mänttari. – Helsinki : Suomalainen Tiedakatemia, 1984. – 193 S.
- Hönl, H. G. Strategie der Übersetzung: Ein Lehr- und Arbeitsbuch / H. G. Hönl, P. Kußmaul. – Tübingen : Narr, 1982. – 172 S.
- Kade, O. Kommunikationswissenschaftliche Probleme der Translation / O. Kade // Grundfragen der Übersetzungswissenschaft / A. Neubert (Hrsg.). – Leipzig, 1968. – S. 3–19. – Beihefte zur Zeitschrift Fremdsprachen II.
- Klappenbach, R. Woerterbuch der deutschen Gegenwartssprache / R. Klappenbach, W. Steinitz. – Leipzig : Bibliogr. Inst., 1965. – 695 S.
- Koller, W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft / W. Koller. – Wiesbaden : Quelle und Meyer, 1987. – 140 S.
- Koller, W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft / W. Koller. – Wiesbaden : Quelle und Meyer, 1992. – 343 S.
- Krings, H. P. Was in den Köpfen von Übersetzern vorgeht / H. P. Krings. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1986. – 582 p.
- Kwam, S. Translationswissenschaftliche Grundlagen : Syntax / S. Kwam // Handbuch Translation. – Tübingen, 1999. – S. 54–55.
- Lasswell, H. D. Power and personality / H. D. Lasswell. – Norton, 1948. – 262 p.
- Mounin, G. Problèmes théoriques de la traduction (Theoretical problems of translation) / G. Mounin. – Paris : Gallimard, 1963. – XII, 296 p.

- Neubert, A. Text und Translation / A. Neubert. – Leipzig : Verlag Enzyklopadie, 1985. – 168 S.
- Newmark, P. A. Textbook of translation. Part 1 / P. A. Newmark. – London : Prentice Hall International, 1988. – 292 p.
- Nida, E. Toward a science of translation. With special reference to principles and procedures involved in Bible translating / E. Nida. – Leiden : Brill, 1964. – 331 p.
- Nida, E. A. The theory and practice of translation / E. A. Nida, Ch. R. Taber. – Leiden : Brill, 1969. – VIII, 220 p.
- Nord, Ch. Textanalyse und Übersetzung: theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer Übersetzungsrelevanten Textanalyse / Ch. Nord. – Heidelberg : Groos, 1995. – 284 S.
- Nord, Ch. Translation as a purposeful activity: Functionalist approaches explained / Ch. Nord. – Manchester : St. Jerome, 1997. – 154 p.
- Nord, Ch. Fertigkeit Übersetzen: ein Selbstlernkurs zum Übersetzenlernen und Übersetzenlehren / Ch. Nord. – Alicante : Editorial Club Universitario, 2002. – 182 S.
- Nord, Ch. Text analysis in translation. Theory, methodology, and didactic application of a model for translation-oriented text analysis / Ch. Nord. – 2nd ed. – Amsterdam ; New York : Rodopi, 2005. – 284 p.
- Phillips, J. B. The New Testament in modern English / J. B. Phillips. – London : G. Bles, 1958. – 576 p.
- Probleme des Übersetzungswissenschaftlichen Textvergleichs / Hrsg. O. Kade. – Leipzig : VEB Enzyklopädie, 1981. – 140 S. – (Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 4).
- Prunč, E. Entwicklungslinien der Translationswissenschaft: von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht / E. Prunč. – Berlin : Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2007. – 440 S.
- Reiß, K. Zeichen oder Anzeichen? Probleme der AS-Textanalyse im Blick auf die Übersetzung / K. Reiß // Semiotik und Übersetzen / W. Wilss (Hrsg.). – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1980. – S. 63–72.
- Reiß, K. Texttyp und Übersetzungsmethode / K. Reiß. – Heidelberg : Groos, 1983. – 146 S.
- Reiß, K. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie / K. Reiß, Hans J. Vermeer. – Tübingen : Niemeyer, 1984. – 253 S.

- Reiß, K. Adäquatheit und Äquivalenz als Schlüsselbegriffe der Übersetzungstheorie und -praxis / K. Reiß // Grundfragen der Übersetzungswissenschaft. Wiener Vorlesungen / M. Snell-Hornby, M. Kadric (Hrsg.). – Wien : WUV-Universitätsverlag, 1995. – 132 S.
- Schleiermacher, F. Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens / F. Schleiermacher // Das Problem des Übersetzens / Hrsg. H. J. Störig. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1963. – S. 38–70.
- Schleiermacher, F. Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens / F. Schleiermacher. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.biblere searcher.com/schleiermacher.html>. – Title from screen. – Diese Abhandlung verlas Schleiermacher am 24. Juni 1813 in der Königlichen Akademie der Wissenschaften, Berlin.
- Schmidt, S. J. Kognitive Autonomie und soziale Orientierung: konstruktivistische Bemerkungen zum Zusammenhang von Kognition, Kommunikation, Medien und Kultur / S. J. Schmidt. – Münster : Lit, 2003. – 362 S.
- Shannon, C. E. A mathematical theory of communication / C. E. Shannon // Bell System Technical Journal. – 1948. – Vol. 27. – P. 379–423, 623–656.
- Snell-Hornby, M. Translation studies: An integrated approach / M. Snell-Hornby. – Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins, 1988. – 163 p.
- The International Association of Conference Interpreters : [website]. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.aiic.net>. – Title from screen.
- Thiel, G. Methodische Probleme einer übersetzungsunterrichtlich relevanten Textanalyse / G. Thiel // Wilss & Thome. – 1974. – Bd. II. – S. 64–81.
- Vermeer, Hans J. Skopos und Translationsauftrag / Hans J. Vermeer. – Heidelberg : Groos, 1989. – 164 S.
- Whorf, B. L. Language, thought, and reality / B. L. Whorf. – New York : MIT Press, 1964. – 278 p.
- Wilss, W. Übersetzungswissenschaft. Probleme und Methoden / W. Wilss. – Stuttgart : Klett, 1977. – 360 S.
- Wilss, W. Semiotik und Übersetzungswissenschaft / W. Wilss // Semiotik und Übersetzen. – Tübingen, 1980. – S. 9–22.
- Wilss, W. Knowledge and skills in translator behavior / W. Wilss. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1996. – 273 p.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЕИЯ – единица исходного языка

ЕПЯ – единица языка перевода

ИТ – исходный текст

ИЯ – исходный язык

О – отправитель

П – получатель

ПТ – текст перевода

ПЯ – язык перевода

Т – текст

ТП – теория перевода

Оглавление

Выполнено с использованием программ Microsoft Office Word, Adobe Acrobat

Систем. требования:

браузер Google Chrome (версия 109.0.5414.120) или аналогичный;
скорость подключения к Интернету от 10 Мбит/с;
дополнительно: Adobe Reader или Adobe Acrobat 8.0

Главный редактор *Н. В. Горева*

Техническое редактирование *Е. С. Решетниковой*

Подготовка аппарата издания, оформление заставки *П. А. Акимова*

Электронное издание сетевого распространения. 5,3 Мб.

Подписано к распространению 27.03 2026 г. Размещено на сайте: 02.06 2026 г. «С» 1.

Волгоградский государственный университет
400062 Волгоград, просп. Университетский, 100
www.volsu.ru

Изготовлено в издательстве Волгоградского государственного университета
400062 Волгоград, ул. Богданова, 32
E-mail: izvolgu@volsu.ru